

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ГУДИЙ Кристина Александровна

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ И ПРИЁМОВ
ПЕРЕВОДА ОНОМАСТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

(на материале русского и французского языков)

10.02.20 – сравнительно–историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель – доктор
филологических наук,
профессор Анисимова Н.П.

Тверь 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ НА СТЫКЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР	15
1. Онимы как класс языковых знаков	16
1.1. Общелингвистические свойства онимов	16
1.2. Своеобразие семантической природы онимов	22
1.2.1. Значение онимов	22
1.2.2. Функционально-семантическая классификация онимов ...	29
1.3. Общие проблемы перевода онимов	32
1.3.1. Учёт исторической традиции	42
2. Реалия в теоретической лингвистике	43
2.1. Реалия в теории перевода	47
2.1.1. Реалия в лингвистической теории перевода	50
2.1.2. Культурологические теории перевода	66
2.1.3. Реалия в интерпретативной теории перевода	72
2.2. Интегрированный подход к изучению реалии	82
2.3. Реалия в аспекте сопоставительной лингвистики	89
3. Оним и реалия	94
3.1. Ономастическая реалия с точки зрения лингвистики и теории перевода	94
Выводы по главе 1	99
Глава 2. СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ И ПРИЁМОВ ПЕРЕВОДА ОНОМАСТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ	102
1. Перевод ономастических реалий	102
1.1. Полиреферентные ономастические реалии	102
1.2. Монореферентные ономастические реалии	117
1.3. Прецедентные ономастические реалии	122

1.4. Стратегии и приёмы перевода русских и французских ономастических реалий	125
1.4.1. «Гаргантюа и Пантагрюэль» и «Житие протопопа Аввакума»	127
1.4.2. Народные сказки Ш. Перро и А.Н. Афанасьева	131
1.4.3. Комедии «Тартюф» и «Недоросль»	136
1.4.4. «Мёртвые души» и «Гобсек»	138
1.4.5. «Кола Брюньон» Р. Роллана и сказы Н.С. Лескова	140
1.4.6. «Графиня Калиостро» и «Пелагея и чёрный монах»	145
2. Выводы и общие рекомендации переводчику	148
Выводы по главе 2	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	160
Приложение 1	181
Словарь сокращений	191

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы соотношения культуры и информации, заложенной, хранимой и сообщаемой в словах как элементах языка, издавна привлекали не только лингвистов, но и представителей других наук. Все особенности жизни конкретного народа и его страны непременно находят отражение в языке этого народа. Поэтому можно утверждать, что язык являет собой некое отражение культуры какой-либо нации, он несёт в себе национально-культурный код того или иного народа. В нём встречаются слова, в значении которых может быть выделена особая часть, отражающая связь языка и культуры, и которая называется культурным компонентом семантики языковой единицы. К таким словам, прежде всего, относятся реалии.

Реалии рассматриваются как наиболее яркие знаки культуры, выразители национального колорита: будучи носителями информации о мире «с этнических позиций» [Рылов 2003: 3], они содержат уникальные специфические смыслы, коррелирующие с явлениями, присущими одной культуре и отсутствующими в другой [Донец 2006: 32]. Кроме того, они являются наиболее регулярными и наиболее частотными единицами с национальной спецификой. Реалии занимают важное место в тезаурусе языковой личности, поскольку репрезентируют такие предметы и явления, которые можно считать первоочерёдными, ближайшими для говорящих на данном языке. Участвуя в оппозиции «свой»/«чужой», реалии становятся одной из составляющих, обеспечивающих взаимопонимание межкультурного диалога как способа и средства поддержания и развития культуры.

Вследствие этого знание этнических констант, именуемых посредством слов-реалий, рассматривается в качестве необходимой составляющей лингвокультурологических, в том числе и лингводидактических подходов, ориентированных на формирование социокультурной компетенции при обучении иностранному языку. Оно имеет большое значение и в профессиональной переводческой деятельности, где перевод выступает как процесс интерпретации

знаков одной культуры через знаки другой культуры [Фесенко 2002; 2004 а; 2004 б].

Несмотря на интерес к изучению реалий в работах по теории языка, теории перевода, лингвокультурологии, многие вопросы их функционирования остаются до настоящего времени не полностью исследованными.

Нерешённым оказывается, прежде всего, ключевой вопрос, связанный с лингвистическим статусом самого термина, унаследованного из классических грамматик [Томахин 1988: 10]. В аспекте теории номинации реалия определяется как денотат имени, т.е. совокупность свойств, вычлененных в актах номинации у всех обозначаемых данным именем реалий, т.е. класса объектов [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 336]. В таком понимании реалия употребляется в большинстве фундаментальных и прикладных лингвокультурологических исследований, в том числе в работах французских авторов. Подобную дефиницию можно найти во французских лингвистических словарях: «Dans un dictionnaire, *les réalia* sont les illustrations représentant les objets désignés par les mots. Ce sont les représentations des «choses» dénotées par les entrées lexicographiques (les dénotata)» [Dictionnaire de linguistique 1973: 405]. Из этого определения следует, что реалии представляют собой образы, которые являются адекватным и эффективным способом представления значения слова в тех случаях, когда у последнего «заполнен» денотативный слой значения.

А.В. Фёдоров привлекает внимание к тому, что для лингвистической общей теории перевода интерес представляет вопрос о способах передачи слов как названий реалий [Фёдоров 2002: 206]. При этом «речь должна идти именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о «переводе» самих реалий, ибо реалия – понятие экстралингвистическое и не может «переводиться», как не может «переводиться» с одного языка на другой любая существующая в природе вещь. Аналогичного мнения придерживается и А.Д. Швейцер, который определяет реалии как предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом [Швейцер 1973: 250]. Французские специалисты в об-

ласти теории и практики перевода также говорят о переводе культурной составляющей текста: *traduire le culturel* [Lederer 1998: 161], о переводе культуры: *traduire la culture* [Bensimon 1998: 9; Ladmiral 1998: 15] и даже о переводе «культурного незнания»: *traduire l'ignorance culturelle* [Richard 1998: 151].

Для уточнения анализируемого понятия исследователи предлагают различать, с одной стороны, реалии как предметы, связанные с историей, культурой, экономикой, или в более широком смысле – все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т.п., а, с другой стороны, «слова–реалии» [Томахин 1988; Волков 1987; Гак, Григорьев 2000], «термины–реалии» [Швейцер 1973; Цепков 2015], «знаки–реалии», «имена реалии» [Гарбовский 2004]. Спецификация термина осуществляется и путем обращения к локальной или временной его характеристике: «национальные реалии», «реалии–американизмы», «реалии–советизмы», «реалии–неологизмы», «реалии–историзмы» [Садиков 1984; Томахин 1988; Кудряшов 1989; Миньяр–Белоручев 1999]. Тем самым реалию как предмет объективной действительности противопоставляют единице её номинации в системе языка. Вместе с тем, в отечественном языкознании допускается и альтернативное употребление терминов [Гак, Григорьев 2000: 51; 336; Миньяр–Белоручев 1999: 172].

Напротив, французская лингвистическая и переводоведческая традиции чётко и последовательно дифференцируют реалию как референт; *référént, fait culturel, traits culturels étrangers* [Gouanvic 1998: 97] *concepts liés à la culture* и как его номинацию: *vocable local, vocable a valeur culturelle, terme culturel, termes qui désignent des réalités* [Lederer 1994; 1998; 2002]. Сам же термин *realia* как номинация предмета реальной действительности во французской лингвистической традиции используется весьма редко [Catach 1998: 12; Chesterman 2002: 38]. Наряду с реалией для определения языковых единиц, репрезентирующих культурные концепты, предлагается термин «культурема» [Гак 1998; Моисеева, Огнева 2003], а также многочисленные специальные термины – гипонимы: локализм, бытовое слово или гиперонимы: экзотизм, варваризм, этнокультурная лексика, этнолексемы и др.

Разнообразие используемых терминов, слабая разработанность исходной базы анализа свидетельствуют об отсутствии единства в подходе к фактам, которые можно объединить понятием реалии, что существенно затрудняет их осмысление, а также их категоризацию.

Недостаточная изученность данного феномена в теории перевода проявляется, в частности, в том, что представленные во всех фундаментальных трудах по переводоведению, учебниках и учебных пособиях по переводу, способы передачи реалий с одного языка на другой рассматриваются преимущественно на уровне лексико–семантических и лексико–грамматических трансформаций. Несмотря на то, что специалисты указывают на значимость контекста при переводе этих лексических единиц (далее – ЛЕ), механизм взаимосвязи реалии с контекстом при переводе еще не раскрыт, а сами реалии продолжают восприниматься преимущественно как факт «непереводимого в переводе». Предпринятая болгарскими исследователями попытка системного подхода к описанию реалий в рамках общей теории перевода, по мнению самих исследователей, показала, что «не все бесспорно, не все вопросы решены, да и не все поставлены» [Влахов, Флорин 1986: 44–55].

Так вопрос оппозиции имя собственное/реалия оказывается в центре теории реалии. Одни учёные (С.Влахов и С.Флорин) рассматривают эти понятия как два разных самостоятельных класса лексических единиц. Другие – причисляют онимы к реалиям и посвящают целые разделы исследованию ономастических реалий (В.В. Виноградов, Г.Д. Томахин и др.).

Ономастическая реалия (далее – ОР) как вид реалий становится постоянным объектом пристального внимания исследователей. Семиотическая сущность онимов анализировалась в трудах Дж. Милля, Э. Гуссерля, О. Есперсена, Е. Куриловича, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, О.С. Ахмановой, АЛ. Уфимцевой, Д.И. Руденко, А.В. Суперанской и мн. др. Как известно, диахронический подход долгое время был приоритетным при исследовании ономастической лексики. В то же время «традиционным для работ по ономастике

стало указание на нерешенность большого числа проблем собственных имен» [Руденко 1988: 55].

Ономастический материал обладает огромным культуроведческим потенциалом. В аспектах лингвокультурологической и прагматической информации ономастика, однако, изучена совершенно недостаточно. Как справедливо отметила Е.Л. Березович [1998: 7], недостаточно декларирования факта культурно–исторической ценности имени собственного, но необходимо выработать методологию извлечения культурно–исторической информации из ономастикона, а также методологию описания и интерпретации этой информации. Свою работу мы расцениваем как один из шагов в осуществлении этой масштабной задачи.

Наряду со способностью передавать значимую для реципиента информацию, онимы обладают способностью делать ту же информацию незнакомой для «непосвященных» или инокультурных восприимчивых, поскольку имена собственные – это всегда специфичные реалии, относящиеся к фоновой лексике.

Таким образом, актуальность диссертации определяется неослабевающим интересом к культуроспецифичной лексике, к её переводу, а также к феномену собственного имени, к ономастическим реалиям, которые представляют собой самостоятельный вид реалий и важнейший языковой источник информации о духовной культуре народа–носителя языка. В современной лингвистике существует необходимость уточнения статуса данной группы лексических единиц, которая пока еще в малой степени вовлечена в научный оборот, а также развития интегрированного подхода к передаче ОР с одного языка на другой.

Объектом исследования диссертации являются ономастические реалии (полиреферентные, монореферентные и прецедентные) в русском и французском языках.

Предметом исследования является перевод ономастических реалий, а именно стратегии и приёмы передачи ономастических реалий с русского языка на французский и наоборот.

Гипотеза: специфика русских и французских ОР, категория и подвид ОР, время создания оригинала и перевода определяют выбор переводческих стратегий и приёмов перевода данной группы ЛЕ в художественных текстах.

Цель диссертации заключается в междисциплинарном подходе к изучению феномена «ономастическая реалия», в разработке интегрированной модели перевода реалий, а также в обнаружении и объяснении фактов общности и различий стратегий и приёмов перевода ономастических реалий в диахроническом аспекте на материале русского и французского языков в тексте оригинала и перевода.

Общей целью определены и конкретные исследовательские задачи:

- рассмотреть феномен «ономастическая реалия» как объект лингвистики и теории перевода в диахроническом и синхроническом аспектах, описанный в отечественной и зарубежной предметно-специальной литературе;
- проанализировать и сопоставить классификации, функции, сущностные характеристики двух основных составляющих ономастической реалии: онима и реалии, а также стратегии и приёмы их перевода с одного языка на другой;
- рассмотреть реалию с позиции трёх частных теорий перевода (лингвистической, культурологической и интерпретативной), описать интегрированный подход к изучению реалий, разработать интегрированную модель перевода реалий;
- сопоставить понятия «оним» и «реалию» и охарактеризовать «ономастическую реалию» как самостоятельный вид реалий, разработать модель перевода ономастических реалий;

- подобрать и проанализировать корпус практического материала для исследования стратегий и приёмов перевода ОР во французском и русском языках;
- провести разностороннее сопоставление и анализ стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР с одного языка на другой для выявления фактов сходства и различий;
- рассмотреть и дать объяснение стратегиям и приёмам перевода ОР в диахронии;
- составить рекомендации по переводу ОР с русского языка на французский и наоборот.

Методологической базой при написании данной работы послужили труды представителей отечественной переводоведческой школы (Рецкер Я.И., Фёдоров А.В., Бархударов Л.С., Миньяр-Белоручев Р.К., Швейцер А.Д., Чернов Г.В., Латышев Л.К., Комиссаров В.Н., Гак В.Г., Алексеева И.С., Виноградов В.С., Семёнов А.Л. и др.), работы зарубежных специалистов в области переводоведения (Seleskovitch, Lederer, Gouanvic, Ducrot, Dubois, Chiss, Puech, Kerbrat–Oracchioni, Grunig и др.), а также исследования ономастической лексики в трудах Дж. Милля, Э. Гуссерля, О. Есперсена, Е. Куриловича, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, О.С. Ахмановой, АЛ. Уфимцевой, Д.И. Руденко, А.В. Суперанской, В.Н. Топорова, О.Н. Трубачева, Н.И. Толстого, а также С.Н. Смольникова, Ф.Б. Успенского, Сапожниковой Л.М., А. Вежбицкой, Н.В. Багринцевой, К.Е. Гагкаева, Д.И. Ермоловича, О.Л. Смирнова, Андреевой Л.И., Ботвиной Н.Д., Громовой В.В., Карпенко, Меркуловой К.В., Горбаневского М.В., Кондратьевой Т.Н., Отина Е.С., Бучко Д.Н., Василевской Л.И., Подольской Н.В. и др.). В данной диссертации реализован комплексный междисциплинарный подход к анализу материала, предполагающий рассмотрение языковых фактов в тесной связи с данными лингвистики, лингвокультурологии, теории перевода и межкультурной коммуникации. Кроме того, изучение ОР с неизбежностью требует привлечения обширных экстралингвистических сведений, имеющих объяснительную силу

(историко–этимологические сведения, вся совокупность мифологических представлений, связанных с онимами и т.п.).

Методы исследования обусловлены спецификой объекта, языкового материала, а также целями и задачами работы. В работе использованы общенаучные, сопоставительные и дескриптивные методы с элементами интерпретационного анализа. При непосредственном изучении языкового материала применялся метод сплошной выборки языковых единиц (ономастических реалий), контекстуальный лингвопрагматический анализ, предполагающий учёт не только содержательно–смыслового пространства конкретного текста, но и широкого лингвокультурологического контекста, а также метод межъязыкового сопоставления.

Научная новизна диссертации состоит в комплексном системном описании ОР с разных теоретических позиций, раскрывающих их денотативно–сигнификативную специфику, в уточнении лингвокультурологического статуса ономастических реалий, в выявлении и анализе стратегий и приёмов перевода ОР в диахроническом аспекте.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней предложен новый подход к ОР, который рассматривает её сквозь призму лингвокультурологического аспекта исследования языка с учётом огромной роли ономастики в формировании когнитивной базы языковой личности в процессе её становления. Понимание имён собственных является важным критерием уровня коммуникативной компетентности (овладение определенным социокультурным кодом). Проведённый анализ ОР способствует развитию общей теории ономастики и теории перевода.

Практическая значимость заключается в том, что результаты работы могут найти применение в теории и практике перевода, теории межкультурной коммуникации, а также могут использоваться при разработке спецкурсов по проблемам перевода художественного текста, лингвокультурологии. Теоретический и эмпирический материалы данной работы могут применяться при изучении таких теоретических курсов, как «Введение

в языкознание», «Стилистика», для самостоятельных исследований в курсовых и дипломных работах. Поскольку понимание культурно значимых онимов и стоящих за ними смыслов есть одновременно усвоение языковой личностью ключевых концептов национальной культуры, диссертация может способствовать оптимизации методики формирования коммуникативной компетенции в процессе обучения родному и иностранному языкам.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Ономастические реалии – это самостоятельный вид реалий, национально-окрашенные единицы, отражающие культурно-исторический колорит художественного произведения, представляющие собой имя собственное или включающие его в свой состав.
2. Одной из основных классификаций ОР является их функционально-семантическое деление на полиреферентные и монореферентные, которые, в свою очередь, могут быть прецедентными.
3. Модель перевода ОР представлена в виде двух уровней: 1 уровень – стратегии («одомашнивание» vs «остранение»; «архаизация» vs «модернизация» vs «синхронизация»), 2 уровень – переводческие приёмы.
4. Превалирующей стратегией при переводе русских ОР является «одомашнивание»; предпочтение отдаётся национальной адаптации, калькированию и смешанному переводу. Прямой перенос ОР отсутствует.
5. При переводе французских ОР самыми популярными являются стратегия «остранение», т.е. прямой перенос, транскрипция, транслитерация и калькирование.
6. Атрибутом при переводе ОР является стратегия «синхронизация», т.е. временные характеристики ОР оригинала сохраняются в тексте перевода, а «архаизация / модернизация» не свойственны переводу ОР.

Материалом для анализа послужили оригинальные тексты на русском и французском языках и их переводы:

- А) Житие Аввакума, написанное им самим;
- Б) Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»;

- В) Д.И. Фонвизин «Недоросль»;
- Г) Ж.-Б. Мольер «Тартюф»;
- Д) Сказка «Морозко» А. Н. Афанасьева;
- Е) Сказки Ш. Перро;
- Ё) Н.В. Гоголь «Мёртвые души»;
- Ж) О. де Бальзак «Гобсек»;
- З) Сказы Н.С. Лескова;
- И) Р. Роллан «Кола Брюньон»;
- Й) Исторический детектив Б. Акунина «Пелагея и Чёрный Монах»;
- К) Детективный роман М. Леблана «Графиня Калиостро».

Данные источники характеризуются большим количеством содержащихся в них ОР, что и послужило основным критерием выбора текстов для анализа. Будучи носителями национально-исторического колорита, ОР, как правило, не имеют точных соответствий в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечивается опорой на фундаментальные теоретические положения современного гуманитарного научного знания, адекватностью методов исследования, его задачам, а также количеством языкового материала для практического исследования. Обработано более 5500 страниц текста на русском и французском языках, а общее количество ОР составило около 3000 ЛЕ. Русский и французский языки в данной работе рассматриваются и как языки подлинника, и как языки перевода.

А п р о б а ц и я работы.

Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры французской филологии Тверского государственного университета и на следующих конференциях: Международной научной конференции «Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности (Коммуникация – 2010)» (Тверь, ТвГУ, 7 сентября 2010 г.); Международной научной конференции «Филология и лингвистика в современном обществе» (Москва, 20 мая 2012 г.); Меж-

дународной научно–практической конференции «Современные тенденции в науке и образовании» (Москва, 03 марта 2014 г.); XIV Международной научной конференции «Тенденции и перспективы развития современного научного знания» (Москва, 6 апреля 2015 г.); Международной научно–практической конференции «Гуманитарные науки в современном мире» (Уфа, 1 сентября 2015 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка использованной литературы, приложения и словаря сокращений. Первая глава посвящена рассмотрению теоретических положений и интегрированному подходу к изучению реалий, а именно к ономастической лексике. Во второй главе представлены результаты сопоставительного анализа стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР, которые рассматриваются на материале вышеперечисленных произведений (см.стр.13).

Глава 1. ОНОМАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЯ НА СТЫКЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Термин «ономастическая реалия» (ОР) появился сравнительно недавно (в конце XX в.), но уже успел стать общепризнанным, представляя собой полноценный объект теории перевода и лингвистики.

ОР обладают огромным культуроведческим потенциалом, представляют собой важнейший языковой источник информации о духовной культуре народа–носителя языка.

Однако в аспектах лингвокультурологической и прагматической информации ономастика изучена еще недостаточно. За последнее десятилетие, насколько нам известно, вышла всего одна диссертационная работа, посвящённая изучению ОР в лингвокультурологическом и прагматическом аспектах [Ражина 2007]. Как справедливо отметила Е.Л. Березович, недостаточно декларирован факт культурно–исторической ценности имени собственного [Березович 1998: 7]. Необходимо выработать методологию извлечения культурно–исторической информации из ономастикона, а также методологию описания и интерпретации этой информации.

С помощью сопоставительного анализа стратегий и приёмов перевода ОР русского и французского языков в данной работе исследуются общности и различия языковых систем, а именно выявляются особенности функционирования культуроразличных слов в языковых системах русского и французского языков.

В нашем понимании, ОР – это смежное понятие, которое включает в себя сущностные характеристики онимов, как единиц номинации, и реалий, как культурно маркированных языковых знаков.

Следовательно, ОР стоит на стыке языков и культур, она может быть рассмотрена с точки зрения лингвистики, лингвокультурологии и теории перевода. Целесообразно начать исследование данного понятия с изучения его основных компонентов: онима и реалии. Реалия в данном выражении является определяемым понятием, а оним – определяющим.

1. Онимы как класс языковых знаков

1.1. Общелингвистические свойства онимов

Имя собственное как подкласс было введено в европейской культуре стоиками (III в. до н.э.) и определялось как часть речи, имеющая падеж, обозначающая тело или вещь собственным или общим образом. Например, в качестве отправной точки разграничения имени собственного и нарицательного использовали их морфологические отличия. Однако стоики отрицали произвольность знака, находя его слишком абстрактным понятием. Аристотель же производил семантическое различие между индивидуальными качествами (*qualité individuelle*) и общими свойствами (*qualité générale*) существ (например, «быть Сократом» и «быть лошастью», соответственно) [Jean-Louis Vaxelaire 2007: 7].

С тех давних времен уже делается акцент на номинативную функцию языка, которая, безусловно, не является единственной и изучается в современной лингвистике в сопоставлении с другими его функциями, в частности с экспрессивной. Согласно А.А. Реформатскому, «слова могут называть вещи и явления действительности; это номинативная функция, функция называния; есть слова, которые в чистом виде выполняют эту функцию, - это собственные имена; обычные же, нарицательные, совмещают ее с функцией семасиологической, так как они выражают понятия» [Реформатский 2000: 94].

Таким образом, имя собственное является называющей лексической единицей. А.В. Суперанская дает следующее определение имени собственному: «Собственные имена – это индивидуальные обозначения, данные объектам, имеющим, кроме того, общие родовые, подвидовые, а иногда и сортовые наименования» [Суперанская 1973: 153].

Однако, несмотря на то, что собственные имена были предметом внимания и обсуждения многих ученых и философов с древнейших времен и на Востоке, и на Западе, ономастика получила научный статус лишь в 30-е годы XX века. Первый Международный ономастический конгресс был

созван во Франции в 1930 году, а в 1949 в Бельгии был создан ономастический комитет при ЮНЕСКО. Очевидно, такой значительный разрыв между первоначальным интересом к онимам и формированием специальной науки связан с тем, что долгое время ономастические знаки рассматривались как периферийное, маргинальное явление в лексической системе языка.

Термин «ономастика» имеет двойное значение: как и большинство лингвистических терминов, он обозначает и сам объект, и отрасль знания, изучающая его. Ономастика (во втором значении) оформилась в самостоятельную, лингвистическую науку, которая опирается на собственный понятийный аппарат. Ономастическая наука оперирует такими понятиями, как онимы, или имена собственные, апеллятивация или деонимизация (переход имени собственного в нарицательное). В последние годы сформировалась терминология, связанная с искусственной ономастикой: прагматонимы (маркировки, товарные знаки), эргонимы или эргоурбонимы (названия предприятий), порейтонимы (названия транспортных средств) и т.д. [Подольская 1990: 40–53]. В качестве ономастического термина начинает использоваться слово «бренд» – «наименование, термин, символ, знак или дизайн, а также их комбинации, выступающие средством идентификации сорта, товара, которые дают возможность выделить товары из массы аналогичных» [Крюкова 2004: 4].

Нетрудно заметить, что наряду с детализацией ономастика стремится к генерализации. Широкое распространение приобретает понятие «ономастическое пространство» - комплекс имен собственных всех классов, употребляемый в языке конкретного народа в определенный период для наименования реальных, гипотетических и фантастических объектов.

Следует отметить, что сама ономастика входит в круг вопросов, находящихся в ведении так называемой философии языка/ слова – особой отрасли философской мысли, выделенной западными философами Л. Витгенштейном и Б. Расселом из недр общей, онтологической проблематики В. Гумбольдта [Витгенштейн 1999].

В нашей стране вопросами ономастики в начале XX века начали интересоваться такие исследователи, как П.А. Флоренский, написавший в 20-е гг. «Ономатологию» (философское учение об именах), и А.Ф. Лосев, книга «Философия имени» которого по праву может считаться базовой в отечественной философии литературной ономастики.

Что касается западной ономастики, одним из первых эти вопросы во Франции затронул М. де Монтень, посвятивший XLVI главу своих «Опытов» исследованию «Об именах», в довольно прикладной форме, правда: «Существует выражение: хорошо иметь доброе имя, то есть пользоваться доверием и хорошей славой. Но ведь, кроме того, приятно обладать и красивым именем, легко произносимым и запоминающимся...; И Сократ также считал выбор красивого имени ребенку достойной заботой отца» [Монтень 2007]. Однако имя собственное, по мнению М. де Монтеня, не могло характеризовать ни характер, ни судьбу носителя этого имени.

В настоящее время весьма значительны достижения французских исследователей, рассматривающих имена собственные в философско-эстетическом аспекте. Среди наиболее ярких представителей философов и литературоведов Франции можно назвать следующих: Р. Барт, Ж. Деррида, Ж.-П. Сартр, Ж. Неф и др.

Как было отмечено выше, имена собственные, или онимы, составляют особый разряд слов языка, историю возникновения и преобразования которых изучает самостоятельная лингвистическая наука ономастика, о которой пойдет речь далее. Наряду с заимствованиями и неологизмами они находятся на периферии языка [Уфимцева 1974: 156 и др.], то есть относятся к так называемой безэквивалентной лексике. Отсюда следует, что весь массив онимов, функционирующий в том или ином языке, остается за пределами общезыковых словарей [Сталтманс 1988: 154]. В более узком смысле ономастика – собственные имена различных типов.

В современной ономастике существует несколько классификаций ономастической лексики. Прежде всего, имена собственные классифици-

руют на основе дифференциации самих объектов ономастической номинации: 1. Топонимика (собственные имена географических объектов: Украина, Чёрное море, Новгород, Невский проспект, Куликово поле). 2. Антропонимика (собственные имена людей (Пётр Николаевич, Иван Калита, Рюрик). 3. Космонимика (наименования зон космического пространства — созвездий, галактик, как принятые в науке, так и народные: Млечный Путь, Плеяды). 4. Астронимика (названия космических объектов, или отдельных небесных светил: Солнце, Луна, Юпитер, карликовая планета Церера, Сириус). 5. Зоонимика (собственные имена животных, их клички: Шарик, Мурка, Квадрат). 6. Хремотонимика (собственные имена предметов материальной культуры: алмаз «Орлов», меч Дюрандаль). 7. Теонимика (собственные имена богов и божеств (Стрибог, Зевс). Карабонимика (собственные имена кораблей, судов и катеров: Аврора, Бородино, Память Меркурия и т.д.). 8. Эргонимика (наименования деловых объединений людей. Например, эмпоронимы – названия магазинов, фирмонимы - названия фирм и др. 9. Прагмонимика (наименования различных видов товаров. Например, парфюнонимы – названия парфюмерной продукции, ароматов ("Chanel", "Jadore", "Lauren"), чоконимы – названия шоколадной продукции ("Кара-Кум", "Ласточка") [Введенская, Колесников 2004].

В зависимости от объекта номинации в отечественной лингвистике А.В. Суперанской предложена следующая классификация имен собственных [Суперанская 1973: 174-204] (рис. 1).

Пунктирной линией выделены зоны пересечения с классификацией реалий (см. пункт 2, глава 1).

Рис. 1. Классификация имён собственных

В соответствии со степенью реальности денотата онимы подразделяются на *реалионимы* (имена существовавших или существующих объектов) и *мифонимы* (имена вымышленных объектов) [Подольская 1978: 147].

Если рассматривать вопрос о составе класса имен собственных, то здесь существует два подхода. В широком смысле к именам собственным относят все наименования живых и вымышленных существ, предметов, реалий, всевозможных наименований и проч. Сторонники же узкого подхода внутри класса имен собственных различают «имена собственные в узком смысле слова и наименования. Собственные имена в узком смысле

этого слова – это географические и астрономические названия и имена людей и животных [Русская грамматика 1980: 460]. Как одни, так и другие выполняют индивидуализирующую функцию, но для некоторых единиц эта функция является первичной, для некоторых – вторичной. Первые и составляют «собственные существительные, а вторые обычно подводятся под так называемые собственные наименования или имена собственные по употреблению» [Карпенко 1975: 38-39].

В лингвистике закрепилось также деление имён собственных на общие и смысловые (значимые) [Виноградов 2004: 152]. Данная классификация перекликается с функционально-семантическим делением онимов (на полиреферентные и монореферентные) (см. пункт 1.2.2.).

Общие имена служат для называния индивидов и «представляют собой собрание фишек, которыми маркируют простых смертных» (например, Лена, Мария, Петр и т.д.), но какой-либо определенной страны, народа и т.д. [Виноградов 2004: 153]. Значимые имена – «говорящие», номинативно-характеристические имена, они соотносятся с конкретными личностями, за ними закрепляются определенные понятия, образы и представления о тех, кого они именуют (например, Аристотель, Л.Н. Толстой, и др.). К смысловым именам следует отнести и антропонимы, имена литературных героев, и топонимы, т.к. они называют единственные, конкретные объекты и имеют национально-исторический оттенок (например, сказочный персонаж Балда, город Торжок и др).

Индивидуальные имена собственные обладают смысловой структурой, то есть в их значении заложены не только общекатегориальные признаки, присущие всем именам собственным (отнесенность к тому или иному роду объектов), но и набор дифференциальных признаков, характеризующих данный объект. Употребление индивидуального имени собственного – это мощный стилистический прием, который позволяет создать комплексный и целостный образ [Ермолович 2001].

В литературном переводе имена собственные выполняют не только функцию наименования, называния объекта, но и являются теми немногими словами, сама форма которых указывает на национальную принадлежность наименованного предмета мысли. Таким образом, собственные имена способствуют сохранению национального колорита оригинала в переводе.

1.2. Своеобразие семантической природы онимов

1.2.1. Значение онимов

Как и любые языковые знаки, имена собственные имеют формальную и содержательную стороны. Проблема заключается в определении содержания (значения) имени собственного. И на этот счет существует несколько точек зрения. Некоторые лингвисты полагают, что имена собственные, относящиеся к отдельным предметам, «никак не характеризуют их, не сообщают о них ничего истинного или ложного» [Серебренников 1977: 190]. С другой стороны, бытует мнение, что «поскольку имя собственное относится к единичному предмету, его содержание соответствует всей совокупности его свойств в их нерасчленённой целостности» [Op.cit.: 191].

Такая сложная семантика онимов, порождающая различные подходы к проблеме, привела к появлению взаимоисключающих концепций значения имени собственного. Так, например, одни авторы полагают, что имена собственные асемантичны, другие считают, что семантика имен собственных бедна и неполноценна, а третьи наделяют онимы еще большим содержательным значением, чем имена нарицательные.

Попытаемся выделить компоненты значения в составе имени собственного.

Во-первых, все имена собственные обладают значением предметности, то есть частью их содержания (значения) является сообщение о суще-

ствовании некоего предмета или реалии, названных данным именем собственным.

Во-вторых, большинство имен собственных обозначают какой-то класс предметов, среди которых один предмет выделяется особо. В системе языка с логической точки зрения индивидуализирующая номинация возможна только среди предметов, ранее классифицированных на основе обобщения. Именно поэтому можно говорить об «антропонимах», «топонимах» и других категориях имени собственного, так как они связаны соответственно с понятиями «человек», «территориальный объект» и т.п.

В-третьих, имена собственные, обозначая индивидуальный предмет, закрепляют в своём значении некое соглашение, уговор именовать данный предмет определённым образом.

В-четвертых, имена собственные несут в себе какую-то информацию именно об этом предмете, о его свойствах. Эта информация может быть богатой или бедной, и она бывает в разной степени известна в разных сферах общения. Если эта информация получает распространение в масштабах всего языкового коллектива, то это значит, что сведения о данном предмете являются частью языкового значения имени собственного. [Ермолович 2001: 11–12].

Таким образом, в значении имени собственного можно выделить, по меньшей мере, четыре смыслообразующих компонента:

а) бытийный, или интродуктивный – существование и предметность обозначаемого. Данный компонент значения представляет собой как бы свёрнутое сообщение: «Существует такой предмет». Этот компонент является общим для всех предметных словесных знаков – нарицательных и собственных;

б) классифицирующий – принадлежность предмета к определённому классу. Такой класс принято называть денотатом имени. Денотатами антропонимов, например, являются люди (а денотатами многих антропонимов – мужчины и женщины); денотатами зоонимов – животные; денотата-

ми топонимов могут быть континенты, океаны, моря, страны, реки, острова, населённые пункты, улицы и т.д. Данный компонент значения представляет собой как бы свёрнутое сообщение: «Этот предмет – человек (река, строение и т.д.)»;

в) индивидуализирующий – специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов (референта) в рамках денотата.

Компоненты а), б) и в) несут в себе следующее сообщение: «Есть такой человек, он зовется Давидом». «Озеро, о существовании которого мы только что сообщили, называется Селигер».

г) характеризующий – набор признаков референта, достаточных, чтобы собеседники понимали, о чём или о ком идёт речь. Данный компонент значения, например, имя собственное Байкал представляет собой как бы свёрнутое сообщение: «Это озеро находится на территории Российской Федерации и является самым глубоким и экологически чистым озером пресной воды в мире».

При этом следует учитывать тот факт, что представления и знания, связываемые разными людьми с одним и тем же референтом, могут различаться. Участники определённой сферы общения вкладывают в свою речь фоновые знания о конкретном предмете, а если эта сфера общения распространяется на весь языковой коллектив, то из их фоновых знаний складывается индивидуализирующий компонент значения имени собственного в языке как системе [Op.cit.: 12–13].

Безусловно, данная классификация не является исчерпывающей, но она достаточно ёмко описывает основные смыслообразующие компоненты в составе онимов. А это лишний раз доказывает сложность семантической природы имен собственных.

Современные лингвисты, как отечественные, так и зарубежные, до сих пор не пришли к единому мнению по поводу критериев разграничения имени собственного и нарицательного. Отмечается отсутствие универсальных графических, морфологических и синтаксических критериев.

Единственным универсальным подходом можно считать семантический критерий.

С этой точки зрения можно выделить три основных подхода к вопросу о семантике имени собственного, а именно:

- парадигматический
- синтагматический
- комплексный

В рамках парадигматического подхода имена собственные рассматриваются на уровне языка. Сторонники данного подхода (Е.М. Галкина-Федорчук, А.А. Уфимцева, А.А. Реформатский, Р. Фишер, А. Гардинер и др.) признают наличие у онима денотативного значения, которое обусловлено номинативной функцией онима. С другой стороны, они отрицают наличие у онима сигнификативного значения, то есть способности выразить понятие.

Еще в конце XIX века С.Дж. Милль полагал, что имена собственные представляют собой «не имеющую самостоятельного содержания отметку, которую мы связываем в уме с идеей предмета» [Милль 1914: 15, цит. по: Кондакова 2004: 31]. Имена собственные не имеют также значения и не способны выразить понятие. А. Гардинер рассматривает онимы как идентификаторы, полагая, что не подразумевают характеристику предметов. Р. Фишер видит основное отличие имени собственного от имени нарицательного в том, что выражение лексического значения не входит в задачу онима [Ibid.].

Во французской лингвистике есть также мнение, что имя собственное, в отличие от имени нарицательного, не имеет истинного значения и смысла. Связи же, объединяющие имя собственное с тем, что оно обозначает, вовсе не семантические, а представляют собой конвенцию в каждом конкретном случае («...*contrairement au nom commun, il n'a pas de signification véritable, de définition, il se rattache à ce qu'il désigne par un lien qui n'est*

pas sémantique, mais par une convention qui lui est particulière”) [Grevisse 1975: 702, Molinié 1998].

Парадигматический подход к семантике имени собственного разделяют и ряд отечественных ученых. А.А. Реформатский, например, видит общее свойство всех онимов в том, что они имеют свое значение в названии, и только, и никаких понятий не выражают [Реформатский 1967: 60]. А.А. Уфимцева и Н.Д. Арутюнова называют имена собственные «семантически ущербными» [Арутюнова 1976: 327], «лексически неполноценными» [Уфимцева 1986: 156], не имеющими полной семантической структуры и обладающими лишь денотативным значением. В качестве основного «дефекта» онимов выделяется неспособность выражать обобщенное понятие.

По характеру значения и сфере функционирования онимы подразделяются на те, которые обозначают, например, антропонимы, топонимы (причем в некоторых французских источниках они именуется *supertypes* [Maurel et Tran 2005]) и те, которые только называют (*types*, соответственно), например, названия журналов, заглавия книг и т.п.). В случае, если имена собственные, которые обозначают, обладают смысловым потенциалом, пусть очень малым, у имен собственных, которые только называют, смысловой потенциал полностью отсутствует [Уфимцева 1986:158].

Сторонники синтагматического подхода рассматривают оним, прежде всего, как единицу речи и утверждают, что семантическая нагрузка имени собственного превосходит семантическое содержание имени нарицательного (Е. Курилович, О. Есперсен и др.). По их мнению, кроме указания на предмет, онимы выражают весь ряд специфических значений, представленных свойствами и признаками характеризуемого объекта (денотата), то есть содержат в себе всю связанную с объектом экстралингвистическую информацию. Так, О. Есперсен отмечает, что название всегда выражает качества, по которым узнается его носитель, своими свойствами отличающийся от других лиц и предметов [Есперсен 1958: 71–72].

Сторонники идеи асимантической онимы и лингвисты, наделяющие имя собственное значением большим, чем у имени нарицательного, подходят к вопросу семантического своеобразия имени с разных позиций. Одни рассматривают имя собственное на уровне языка, другие – на уровне речи. Оба подхода (парадигматический и синтагматический) нередко подвергаются критике.

Последователи комплексного подхода к проблеме значения имени собственного – взгляды которых мы разделяем – придерживаются мнения, что онимы, как и все другие слова, одновременно являются как единицами языка, так и единицами речи. Этой теории придерживаются И.Р. Гальперин, А.А. Живоглядов, С.И. Зизин, Т.Н. Кондратьева, А.В. Суперанская и др. Они говорят о семантическом своеобразии имени собственного, допуская наличие у онимы на уровне языка смысловой структуры, «семантического содержания» [Курилович 1962: 251], «намек на ряд индивидуальных особенностей» [Кацнельсон 1987: 8], «смыслового потенциала» [Успенский 1994: 158]. Также подчеркивается, что наряду с денотативным значением именам собственным свойственна сигнификативная специализация, понятийная отнесенность.

В то время как в основе имен нарицательных лежат общие понятия, имена собственные содержат так называемые индивидуальные понятия. В значении имен собственных единичное и общее сосуществуют в диалектическом единстве. Имена собственные не просто называют и индивидуализируют единичный объект реальной действительности, но и обобщают, указывают, относясь к определенной части речи, на принадлежность понятия к определенной сфере восприятия [Колмакова 1988: 18].

По мнению А.В. Суперанской, семантика имени собственного не может рассматриваться с тех же позиций, что и семантика имени нарицательного. Основное отличие онимов она видит в том, что их связь с предметом значительно сильнее, чем у обычных знаков, их связь с понятиями

именуемых ими предметов опосредована через предмет [Суперанская 1974: 266].

С другой стороны, существуют и другие подходы к проблеме разграничения имен собственных и нарицательных. Функциональный подход представляется наименее спорным: именно особенности функционирования имен собственных обуславливают особенности их семантики. А.А. Белецкий полагает, что различие между именами собственными и нарицательными не в морфологии и семантике, а в употреблении, использовании, функционировании обоих лексико-семантических классов [Белецкий 1972: 167]. Собственные имена в первую очередь выполняют номинативную функцию, нарицательные – семасиологическую (содержательную) [Бондалетов 1983: 27; Карпенко 1986: 36; Реформатский 1967: 29–30; Успенский 1994: 159].

С точки зрения использования имени собственного в тексте, зарубежными лингвистами создаются новые термины для обозначения функции онима. Так, например, Ж.-Л. Вакслер (Jean-Louis Vaxelaire) приводит следующие неологизмы [Vaxelaire 2007: 9]:

- les noms propres communs, les noms propres incarnés, les noms propres désincarnés (Gardiner, 1954);
- les noms communs propres (Hadj Hamou, 1999);
- les quasi noms propres (Jespersen, 1961);
- les noms propres primaires et secondaires (Algeo, 1973);
- les noms propres idéaux, quasi idéaux et multi-désignateurs (Grodziński, 1980);
- les noms propres usages (Shwayder, 1961);
- les noms propres épistémiques (Pariante, 1973);
- les surnoms (Pottier, 1954);
- les proprionymes (Boulanger, 2001);
- les idionymes directs et indirects (Forest, 1996)

Как отмечает Ж.Л. Вакслер, данные неологизмы лишь показывают трудность разграничения имени собственного и нарицательного. Он подчеркивает бесполезность создания все большего количества подобной терминологии, так как, в конечном счете, имена меняют не категории, а способы употребления, и именно в этом заключаются различия (*Ces néologismes ne montrent finalement rien d'autre que la difficulté à distinguer de manière définitive nom propre et nom commun. Il est pourtant inutile de recourir à de tels stratagèmes terminologiques car ce ne sont pas les noms qui changent de catégorie, mais les emplois que l'on fait de ces noms qui diffèrent*) [Ibid].

Таким образом, несмотря на разные подходы к проблеме семантики имени собственного, сторонники концепции семантического своеобразия единодушны во мнении, что имя собственное, главным образом, идентифицирует, индивидуализирует, а имя нарицательное обобщает. Но, при этом, имена собственные, пусть в меньшей степени, чем имена нарицательные, тоже способны к обобщению, так как являются словесными знаками.

1.2.2. Функционально-семантическая классификация онимов

Для семантического анализа онимов как виртуальных знаков в системе языка и актуальных знаков в системе речи существенным оказывается их функционально-семантическое членение на полиреферентные и монореферентные имена собственные, которые, в свою очередь, могут быть прецедентными [Сапожникова 2015: 115].

На уровне языка полиреферентные онимы характеризуются потенциальной отнесённостью ко множеству объектов ономастической номинации, т.е. признаком полиреферентности. Многие учёные-ономатологи выделяют данную категорию онимов, используя при этом различные термины: «развоплощённые» («бестелесные») имена [Gardiner 1954: 77], «общие» собственные имена [Чесноков 1967], «массовые» имена [Берков

1973: 107], «множественные» имена собственные [Ермолович 2005: 73], «потенциальные» онимы [Смольников 2005: 28].

Для полиреферентных онимов (например, Иван, Дарья, Петров и др.) характерна специфика сигнификативного значения, а именно связь с общими ономастическими понятиями (например, мужское / женское имя, русское / иностранное имя и т.д.).

Помимо общего ономастического понятия как сигнификата имени в семантическую структуру полиреферентного личного имени может также входить коннотат, включающий в себя такие семантические признаки, как социально маркированный, конфессиональный, симпатичный / несимпатичный и т.д. С течением времени полиреферентные имена нередко меняют свою культурную маркированность.

Необходимо отметить, что на базе общего ономастического понятия наиболее распространённых полиреферентных онимов-персоналий в конкретной лингвокультуре могут возникать так называемые «репрезентативные» имена, классифицирующие референт по национальному признаку (например, Иван – `русский`, Фритц – `немец`, Джон – `американец` и др.).

К монореферентным ономам относятся имена, фамилии, прозвища известных реально существующих или существовавших людей, имена общеизвестных персонажей литературных произведений, мифологических, библейских и фольклорных героев, топонимы, которые обладают гиперноминативностью на уровне языка. Такие онимы характеризуются вне контекста единичным соответствием с известным ономастическим объектом и в теоретической ономастике именуется как «воплощённые» онимы [Gardiner 1954: 73–74], «индивидуальные» имена собственные [Чесноков 1967; Уляшева 2001: 66–67; Виноградов 2004], «актуальные» онимы [Смольников 2005: 29], «единичные» имена [Ермолович 2005: 74], «референтно однозначные имена» [Ненашева 2012], «прецедентные» онимы [Поветьева 2014, Сапожникова 2010: 115–118].

Связь данной категории онимов с предметами значительно сильнее, чем у других языковых знаков. Монореферентные имена уникальны, поскольку основная номинативная функция, связанная с признаком монореферентности таких онимов, осуществляется уже на парадигматическом уровне. Такие имена обозначают единичные референты на языковом уровне, т.е. объём понятия (экстенционал) сведён до одного ономастического объекта, а содержание этого понятия (интенционал) является максимальным. Объективно-субъективное содержание единичного понятия монореферентного имени обладает динамичным характером в зависимости от профессиональных интересов, уровня начитанности субъекта и возможного развития самого ономастического объекта.

Соответственно, монореферентные онимы являются яркими ономастическими образами в силу богатых смысловых перспектив имени собственного, а также необходимыми для освоения культурными маркерами при изучении соответствующего иностранного языка, т.к. они неотделимы от создавшего их культурно-исторического контекста [Сапожникова 2015: 118].

Монореферентные онимы могут приобретать характер прецедентных имён, когда на языковом уровне формируется общее понятие – образно-метафорическое значение онима (наряду с его единичным ономастическим понятием), в котором закрепляется отдельный семантический признак исходного ономастического объекта.

Сигнификат прецедентных онимов отличается «большим количеством дифференциальных признаков и представлен инвариантом восприятия» [Флейшер 2014: 9]. Прецедентный оним становится предикатным, характеризующим, а не идентифицирующим именем, однако аллюзивная связь с исходным референтом сохраняется на синтагматическом уровне. В русском языке такие имена зачастую пишутся со строчной буквы, как и апеллятив, а в европейских языках активно подключается морфологический показатель употребления артикля.

Основой для возникновения образных характеристик на базе онимов послужили литературные произведения общемировой и общеевропейской значимости, а также греко-римская мифология и библейские тексты во многих европейских лингвокультурах, однако, возможны случаи закрепления эталонов различных качеств на основе одного ономастического образа.

Таким образом, онимы различных функционально-семантических типов образуют особую знаковую систему для объектов ономастической номинации и, как языковые знаки, характеризуются различиями в конкретно-референтной соотнесённости, а также спецификой его сигнификативного значения [Сапожникова 2015: 121].

1.3. Общие проблемы перевода онимов

Онимы являются элементами культуры, и даже «самые горячие поклонники буквального перевода не переделают фамилию Smith на Кузнецов, ибо Smith - это указание на английский текстовый мир» [Хайруллин 1995: 57]. В случае, если русское имя Иван перевести на немецкий язык как Johan, то оно потеряет свою национальную принадлежность и, более того, приобретет чуждое коннотативное значение, искажающее национальный, а иногда и исторический колорит текста.

Лингвисты детально описывают различные способы передачи имени собственного в тексте перевода. Согласно Д.И. Ермоловичу, можно выделить следующие переводческие приёмы: 1. прямой перенос в исходной форме в текст перевода; 2. ономастическое соответствие; 3. комментированный перевод; 4. уточняющий перевод; 5. описательный перевод; 6. преобразующий перевод [Ермолович 2001: 35–36].

По мнению А.О. Иванова, имена собственные при переводе, как правило, заимствуются путем транскрипции и обычно считается, что главное – передать звучание имени собственного как можно ближе к оригиналу. В случае, если имя собственное служит для обозначения индивидуального предмета безотносительно к его признакам, то достаточно указать на видовое значение слова.

При этом переводчику не следует терять бдительность, поскольку в зависимости от обозначаемого объекта, от традиций определенной эпохи транскрипция одного онима может иметь разные варианты [Иванов 1985: 82–83]. Кроме этого, результаты транскрибирования неприемлемы в тех случаях, когда они неблагозвучны или вызывают у читателей перевода ненужные ассоциации.

Безусловно, проблемы переводной ономастики не исчерпываются узкими и формальными вопросами транскрипции и транслитерации, поскольку неизбежны случаи несоответствия сфер актуализации значения имени собственного в исходном и принимающем языках. «В тех случаях, когда имя собственное не просто называет, а имеет некое дополнительное значение (в виде мотивировки или культурной коннотации), механическая передача его звучания не обеспечивает адекватности перевода. Адекватность перевода таких имен собственных обеспечивается только путем экспликации смысловой структуры, которая применительно к различным типам имен собственных имеет определенные закономерности» [Ibid].

Говорящие имена и прозвища, если возможно, передаются «путем подыскания в языке перевода эквивалента, имеющего, хотя бы приблизительно, то же самое референциальное значение» [Op.cit: 83]. Например, в многочисленных переводах романа английского писателя Дж. Толкина «Властелин колец» варьируются такие переводы имени Strider (от англ. stride – шагать большими шагами): Скороход, Бродяжник, Колоброд, Бродяга-ШиреШаг [Лебедева 2005: 159]. Коннотирующие онимы передаются в языке перевода с помощью разного рода подстрочных примечаний, комментариев, описаний, а также возможен случай опущения реалии во избежание слишком большого количества незнакомых элементов в тексте.

При переводе географических реалий часто используется прием генерализации, когда специфическое и малознакомое название заменяется другим – более общим и известным реципиентам переводного текста, или противоположный приём – детализация, или конкретизация, – применяется, если в

оригинальном тексте оним использован в метонимическом (или синкретичном) общезыковом значении, непонятном представителю иной культуры.

Ономастика, как и весь лексический материал переводных текстов, подверглась влиянию теории непереводаемости. Согласно этой концепции, имена собственные лишены лексического значения, т.е. они не обозначают класса предметов, а называют (именуют) только один предмет, именно тот, который называется - нарекается данным именем. «Имя собственное Иван не может обозначать класса людей, объединенных свойством быть Иванами, потому что такого свойства нет» [Руднев 1999: 110]. Известный логик Дж. Миль полагал, что значение заключается не в том, что имя денотирует, а в том, что оно коннотирует [Mill 1970: 56–57]. В данном контексте термин «коннотация» лишен современного лингвистического содержания, а употреблен как термин логики – «обозначение», «со-значение», «добавочное значение» [Алефиренко 2005: 154].

Кроме того, имена собственные называли «пустыми» (А. Гардинер, А.А. Уфимцева, О.С. Ахманова и др.), «асемантическими», «ущербными», «некатегориальными знаками» с точки зрения семантического содержания и оттого служащими лишь знаками-метками или этикетками.

Наряду с данной позицией существовала и противоположная точка зрения, состоящая в том, что имена собственные обладают значениями. Э. Гуссерль полагал, что собственное имя – это разновидность выражения, а потому обладает значением [Husserl 1913: 59]. Сторонники данной концепции считали, что онимы имеют крайне богатое семантическое содержание, «имя собственное не только обозначает, но и называет» [Курилович 2000: 250].

О. Есперсен писал, что имена собственные имеют даже большее значение, чем имена нарицательные, потому что зависят от степени осведомленности коммуникантов о денотатах, обозначенных именем собственным [Есперсен 2002: 72].

Данная точка зрения отражает современные взгляды переводоведов на ономастику, снимает все сомнения и подтверждает, что имена собственные не

лишены семантического содержания. В семантике онима выделяются такие элементы, которые отражают факты внеязыковой действительности. И одна из самых очевидных функций ономастической лексики в переводном тексте, описывающем инокультурные события, состоит в передаче соответствующего колорита.

Как пишет О.Пас, «непереводимая сердцевина» оказывается вполне переводимой и отсылающей ко всеобщему опыту; лишь набор слов иной, а чувство и смысл сходны [Пас 2005: 22].

Таким образом, ономастический материал предоставляет возможность переводчику, уходя от поиска дословных соответствий, добиваться соответствия более высокого уровня – текстового» содержательного, прагматического и эмоционального, так как перевод может считаться удачным только тогда, когда у реципиента принимающей культуры он пробуждает рефлексию, аналогичную рефлексии реципиентов оригинала. С этой целью все содержательные составляющие оригинала должны быть представлены в переводе для того, чтобы жизнь оригинала не превратилась в жалкое существование.

Рассмотрим более подробно основные переводческие приёмы, которые используются при переводе онимов с одного языка на другой.

Оним – это объект межъязыкового и межкультурного заимствования [Ермолович 2001: 14]. Как правило, лингвисты рекомендуют ориентироваться на фонетику имени при межъязыковой передаче онимов. Так возможен *простой перенос графической формы имени* без изменений из текста на одном языке в текст на другом языке. Данный приём чаще всего практикуется, когда языки пользуются общей графической основой письменности. Такой практики придерживаются в большинстве стран, пользующихся латинской графикой, поскольку письменный облик имени выполняет ещё и функцию юридической идентификации. В западноевропейских языках имена собственные, заимствуемые из одного языка в другой, как правило, не меняют орфографию: так удобнее читателям, которые бла-

годаря этому подходу могут легко ориентироваться в любых письменных источниках [Op.cit.: 15].

Желательно, чтобы воспроизводились даже буквы и диакритические знаки, которые отсутствуют в языке перевода. Однако в реальной практике (особенно в газетах, журналах, популярных справочниках) эта рекомендация часто игнорируется, а дополнительные элементы при передаче иноязычных онимов просто опускаются.

Недостатком приёма прямого переноса является то, что читатели зачастую не могут определить по написанию, как произносится иноязычный оним в языке оригинала, следовательно, могут не совсем чётко воссоздать образ персонажа, описанного в оригинале. Этот приём не универсален даже для языков, пользующихся общей основой графики.

Прямой перенос очень редко практиковался, в частности, в советский период, но иногда это допускалось в специальных научных текстах, в том числе медицинских. С конца 80-х годов практика прямого переноса стала распространяться всё шире и шире.

Следующим механистическим приёмом перевода является *транслитерация*.

О транслитерации говорят тогда, когда языки пользуются различными графическими системами (например, английский, русский, греческий, армянский, грузинский), но буквы (или графические единицы) этих языков можно поставить в какое-то соответствие друг другу, и согласно этим соответствиям происходит межъязыковая передача онима [Op.cit.: 17].

В связи с тем, что, например, латиница, греческий алфавит и кириллица имеют общую основу, то большинство букв этих двух алфавитов могут быть поставлены в соответствие друг другу с учётом тех звуков, которые они регулярно обозначают.

Транслитерация имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущества заключаются в том, что письменный вариант имени не искажается. При транслитерации в большей степени, чем при прямом переносе,

заимствующий язык навязывает имени произношение по собственным правилам. Особенно ярко эта тенденция проявляется в отношении античных и других историко-мифологических имён, чтение которых в западноевропейских языках почти стопроцентно следует правилам принимающего языка [Ibid.].

Приём транслитерации нередко применялся в переводческой практике XVIII—XIX веков, когда межъязыковые и межкультурные контакты носили во многих отношениях бессистемный, фрагментарный характер. Ввиду того, что образованная часть российского общества в XIX веке хорошо владела французским и немецким языками, то, например, английский язык был в России мало кому известен, контакты с англоязычной культурой сводились в основном к знакомству с письменными источниками (часто через французское или немецкое посредничество). Переводчики прибегали либо к транслитерации, либо к транскрипции по правилам чтения французского или немецкого языка.

Сегодня транслитерация в чистом виде в русской языковой практике не применяется. Дело в том, что в английском, французском, немецком, венгерском и других языках многие буквы латинского алфавита либо изменили своё звуковое значение, либо читаются нестандартно в определённых буквосочетаниях и словах. В связи с этим транслитерация их русскими буквами, если её проводить последовательно, будет порождать варианты этих имён, мало похожие при чтении на оригиналы [Op.cit.: 18].

Учитывая тот факт, что звуковая система языка первична, а письменная вторична, логично при заимствовании имени руководствоваться стратегией достижения фонетической близости к оригиналу. Другими словами, при переводе онима, прежде всего, ставится задача передать средствами принимающего языка (то есть языка перевода) звучание исходного имени как можно точнее. Этот приём получил название *транскрипции*, и он является главным современным приёмом перевода онима на русский язык.

Приём транскрипции стремится не просто передать звучание иноязычного имени буквами принимающего языка, а соблюсти принцип взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке. Необходимо отметить, что эта цель далеко не всегда достижима. Фонологические системы различных языков, как правило, настолько специфичны, что их звуки невозможно поставить во взаимно однозначное соответствие. Подобная ситуация иногда наблюдается даже при сопоставлении близкородственных языков.

Транскрипция иноязычных имён часто приводит к появлению не свойственных русскому языку звуко- и буквосочетаний (например, йо, уэ, жю, ця): это часто делает их трудночитаемыми. Вот почему при переводе имён возможны некоторые отступления от общих правил транскрипции, нацеленные на более удобное произнесение имени в принимающем языке, особенно если этого требует характер переводимого текста.

Кроме того, возможны звуко сочетания, вызывающие в принимающем языке нежелательные ассоциации с лексикой сниженного регистра, включая вульгаризмы и бранные слова. В этом случае предпочтительнее оказываются варианты, отступающие от фонетического принципа или регулярных правил транскрипции, для благозвучия имени собственного.

Современная переводческая практика выработала стратегию практической транскрипции, которая нацелена на передачу звучания имени, но в то же время включает в себя некоторые элементы транслитерации. Благодаря элементам транслитерации гораздо легче восстановить исходную форму имени на языке оригинала. К элементам транслитерации в практической транскрипции имён, например, с французского языка на русский относятся: передача двойных согласных двойными (хотя по-французски двойные согласные читаются как одна); передача непроизносимых согласных звонкими согласными на конце слова (*Strasbourg* – *Страсбург*) и некоторые другие.

Практика межъязыковой коммуникации последнего времени выработала ряд правил практической транскрипции. В приложении 1 приводятся современные правила для передачи французских онимов на русский язык.

Несмотря на то, что имя собственное призвано идентифицировать предмет в любой ситуации и любом языковом коллективе, оно в подавляющем большинстве случаев обладает национально-языковой принадлежностью.

Проблема национально-языковой принадлежности связана с античной и библейской этимологией имён. Носители современных имён могут по ассоциации быть сравнены со своими тёзками в истории и мифологии. В таких случаях переводчик стоит перед дилеммой: ориентироваться ли на современную форму данного имени в исходном языке (например, *Илайджа, Рут, Хейгар*) или на его исторический или мифологический прототип в том виде, в каком он зафиксирован на языке перевода (соответственно, *Илия, Руфь, Агарь*) [Op.cit.: 22].

Наряду с транскрипцией и транслитерацией, в практике перевода имён наблюдается ещё один довольно слабо изученный приём – приём этимологического соответствия, или транспозиции. Транспозиция заключается в том, что онимы в разных языках, которые различаются по форме, но имеют общее лингвистическое происхождение, используются для передачи друг друга.

Например, после распада СССР бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами, и русский язык утратил в них прежний статус. Соответственно, начиная с 90-х годов, изменилось и написание на латинице многих онимов, относящихся к бывшим республикам СССР и их гражданам (*Львов* — не *Lvov*, а *Lviv*).

Онимы обладают вариативностью, то есть один и тот же предмет возможно называть несколькими разными способами, видоизменяя его имя. У антропонимов это проявляется в образовании уменьшительных и

сокращённых форм (например, от личных имён). Схемы вариативности личных имён обнаруживают существенные различия в разных языках.

В русском языке, например, существует обилие уменьшительно-ласкательных и оценочных форм, а во французском языке эти характеристики передаются с помощью качественных прилагательных (например, *petite Aurore* – *Аврорушка*).

Как бы ни видоизменялось имя, оно указывает на одного и того же носителя, то есть в этой главной для онима функции — функции указания на определённое лицо — разные варианты имени тождественны друг другу. Однако связь между вариантами имени далеко не всегда сохраняется при его передаче на другой язык. При передаче на другой язык у читателей нередко возникают трудности с идентификацией вариантов одного и того же имени. В подобном случае приём транскрипции идёт вразрез с сохранением тождества онима.

Звуковой облик онима тесно связан с его грамматической категоризацией. В русском языке заимствованному имени или названию обязательно присваивается значение грамматического рода, которое диктуется нормами русского языка, а не исходного. Так, названия французских рек *Oise*, *Orne*, *Creuse*, *Aude*, городов *Cannes*, *Lille*, областей *Provence*, *Touraine* во французском языке — женского рода, а их русские соответствия — *Уаз*, *Орн*, *Крез*, *Од*, *Канн*, *Лилль*, *Прованс*, *Турен* — мужского рода, как и большинство русских существительных, оканчивающихся на согласный. Многие онимы с окончанием на -а функционируют в русском языке как существительные 1-го склонения: *Анкара*, *Алма-Ата*, хотя в исходных языках -а принадлежит неизменяемой основе.

Попадая в новую языковую среду, имя собственное должно обрести способность образовывать производные слова. Эта способность во многом зависит от того, насколько органично войдёт в принимающий язык заимствованный вариант онима. От названий стран должны, как правило, обра-

зовываться названия их жителей. Нередко форма производного слова оказывает влияние и на форму исходного варианта перевода имени.

Другими словами, заимствования испытывают на себе серьёзное воздействие внутренних закономерностей языка перевода.

Как уже отмечалось выше (о значении собственных имён), оним фиксирует ещё и некоторые характеристики объекта – как классифицирующие, так и во многих случаях индивидуальные. Так перевод формальной стороны онима не всегда оказывается достаточным.

Другой тип характеризующих элементов в значении имени собственного может быть связан с его производностью от нарицательных слов. В подобном случае переводчик встаёт перед дилеммой: «какому способу перевода отдать предпочтение – переводу формы всего имени или смысла составляющих его элементов?».

Данный выбор, который стоит перед специалистами по переводу, есть выбор между фонетической передачей и дословным переводом. Как внешняя форма (уникальный звуковой и графический облик), так и смысл элементов онима могут быть в равной мере важны, и тогда перед переводчиком стоит нелёгкая задача по поиску дополнительных аргументов в пользу того или иного переводческого приёма. При выборе семантики имени собственного переводчик прибегает к следующим приёмам: *калькирование, разъяснительный перевод, семантический неологизм* и др.

Нельзя не отметить, что практические решения по передаче онимов в огромной степени зависят и от конкретной задачи, которая стоит перед участниками межъязыкового взаимодействия, а именно от адресата (массовой аудитории / ограниченного количества читателей / социально-дифференцированная аудитория), от разных издательств и т.д.

Иностранные топонимы, как правило, передаются в той форме, в которой они пишутся на языке оригинала. С другой стороны, в переводе публицистических, художественных (особенно детских) произведений на первом месте стоит удобство восприятия и благозвучие.

1.3.1. Учёт исторической традиции

Межкультурные и межъязыковые контакты имеют многовековую историю. Имена и названия давно заимствуются из одного языка в другой, претерпевая самые разнообразные искажения или меняя свой облик в ходе развития и трансформации языков. При сопоставлении многих онимов, которые обозначают одни и те же предметы в разных языках, часто заметно, как они не похожи.

Словесный знак (и в том числе индивидуальное имя) по природе своей произволен. Более того, одному и тому же предмету можно присвоить несколько разных имён. Каждый язык и даже небольшое сообщество людей может в принципе дать объекту то наименование, какое захотят его носители (например, Чудское озеро по-французски *lac Peïrou*, *Карл Великий* – по-английски и по-французски *Charlemagne*).

Даже в пределах одной страны могут сосуществовать разные варианты одних и тех же названий. Например, в Швейцарии, где официальными являются четыре языка (немецкий, французский, итальянский и ретороманский), сосуществуют дублиеты названий ряда городов: *Базель* – *Basel* и *Bâle*, *Сьер* – *Sierre* и *Siders* и др.

Языковая практика от этого не страдает, но у тех, кто не принадлежит к соответствующей коммуникативной сфере, могут возникнуть трудности при соотнесении имён с их носителями. С подобными трудностями сталкиваются и переводчики.

Многие онимы пришли в русский язык давно и не всегда из первоисточника. Это особенно касается исторических, религиозных, фольклорно-мифологических и литературных имён и названий. Не все из них читаются и пишутся так, как предполагают современные нормы и рекомендации в области практической транскрипции. Нередко онимы восходят к нормам языка другой эпохи. В таком случае необходимо учитывать ту историческую традицию, которая актуальна для имён собственных в оригинале.

Подводя итог всему вышесказанному, модель перевода онимов можно представить в следующем виде (рис. 2):

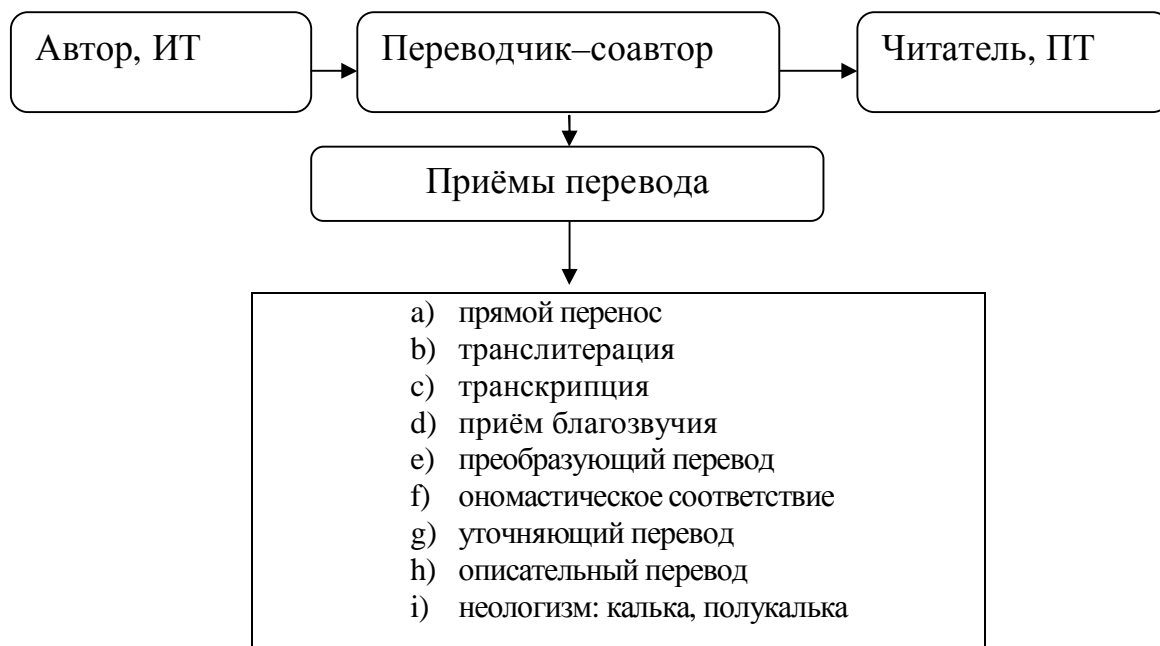

Рис. 2. Модель перевода онимов

В центре данной модели находится переводчик со своим арсеналом приёмов перевода, которые он использует при передаче онима с ИТ в ПТ с учётом исторической традиции.

2. Реалия в теоретической лингвистике

Далее рассмотрим вторую значимую составляющую ОР: «реалию».

Термин «реалия», получивший в последние два десятилетия широкое распространение в лингвистике, несет на себе печать различных концепций, которые объединяются понятием интерлингвокультурологии как «области исследований в сфере пересечения языков и культур, и к которой можно отнести среди прочего лингвострановедение, этнопсихолингвистику, теорию межкультурной коммуникации, собственно лингвокультурологию» [Донец 2006: 29]. К данной области относятся теория перевода, новые направления исследований, получившие названия «этническая конфликтология» [Сорокин 1999], «этническая библиопсихология» [Сорокин 1998], «этнография обще-

ния» [Базылев 2000], «этногерменевтика», «этнориторика», «этнотранслатология», «когнитивная этнопсихолингвистика» [Залевская 2005: 204–205; Красных 2003: 5].

В центре внимания названных наук оказываются национальные реалии как часть проблемы взаимосвязи языкового знака и этнического сознания, а раздел о реалиях становится для них «объединяющим» [Томахин 1988: 12].

Появление в лингвистических исследованиях понятия реалии, рассматриваемой как культурозначимая единица, сигнализирует о выходе языкознания за рамки ортодоксально–структуралистского подхода в духе глоссематики, сосредоточившего все усилия на языке как имманентной структуре [Ельмслев 1960], и о формировании новой парадигмы, открывающей возможности определять параметры культуры с опорой на языковые культуро–специфические концепты [Вежбицкая 1999]. Данное направление современного гуманитарного знания исследует как язык, так и культуру, которые находятся в диалоге, во взаимодействии.

Согласно профессору В.В. Воробьёву, можно утверждать, что именно лингвокультурология является комплексной научной дисциплиной синтезирующего типа, которая «изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражает этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (систем норм и общественных ценностей)» [Воробьёв 1997: 125–126].

По мнению Н.И. Толстого, истоки лингвокультурологии следует искать еще в начале XIX века. Эта тема успешно разрабатывалась братьями Гримм, создателями мифологической школы, нашедшей свое продолжение в России в 60–70–х годах XIX века в трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и отчасти А.А. Потебни. Спустя столетие австрийская школа, известная под именем «*Worterbund Sachen*», сориентировала исследователей проблемы «Язык и культура» по пути конкретного изучения составных

элементов – «атомов» лингвокультуры, продемонстрировав важность культурологического подхода во многих областях языкознания, прежде всего, в лексикологии и этимологии.

Язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии, во многих случаях как единственный источник истории народа и его духа, по данным Н.И. Толстого, давно воспринимался таковым и использовался культурологами, мифологами в их разысканиях. На понимании неразрывности и единства языка и культуры в широком смысле этого слова основывается в 30–40–х годах прошлого века известная гипотеза Сэпира–Уорфа. В её основе лежит принцип, что каждый язык обладает своей особой метафизикой, по–разному обрисовывает действительность говорящим на разных языках, а также фиксирует в своей структуре особую «картину мира» и, находясь между человеком и действительностью, подчиняет ей человеческое мышление, когда оно направляется на осмысление действительности [Уорф 1960].

Взаимосвязь языка и культуры – одна из волнующих тем, которая выходит на авансцену базовых методологических проблем лингвистики всякий раз, когда наука о языке обращается к способности языковых знаков и дискурсов различных типов и различных эпох и направлений хранить в себе память о «порядке культуры» [Barthes 1966], о культурных кодах и несомых ими культурных установках, или прескрипциях, опознаваемых (или бессознательно–рефлексивно воспринимаемых) лингвокультурным сообществом [Телия 2004]. Знаки языка культуры, актуализированные в языковых знаках, наделяют их культурно маркированной семиотической значимостью. Репрезентируя знаки культуры, языковая единица способна стать квинтэссенцией культуры, аттрактором культурных смыслов и «воплощать в себе принцип *pars pro toto* на уровне обыденного языкового сознания в виде культуроспецифических концептов» [Ничипорович 2002].

Лингвистическая проблематика реалий находится в русле новейших направлений исследования культурных концептов – ментальных сущностей, ото-

бражающих в языковой форме «язык» культуры. Разработке методологии и методики их анализа посвящены работы ведущих отечественных [Арутюнова 1999; Кубрякова 2003; Попова, Стернин 1999; 2001; Телия 2004; Степанов 2003; Сорокин 1998; 1999] и зарубежных лингвистов [Ducrot 1972; Dubois 1973; Chiss, Puech 1998; Kerbrat–Oracchioni 1998; Grunig 1998]. Многочисленные статьи и диссертационные исследования рассматривают культурные термины в диахроническом и в синхронном аспектах, на материале как системно–языковых данных, так и художественных текстов. Особое внимание уделяется константам культуры, т.е. «концептам, существующим постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» и репрезентирующим некий постоянный принцип культуры, который распространяется на семиотически разные её манифестации [Степанов 2003; Степанов 1993]. Именно с такими концептами реальности оказываются связанными наиболее тесно.

Особое значение для исследования проблемы реалий имеет характер обусловленности языковых явлений и языковых единиц социальными факторами: с одной стороны, условиями коммуникации (временем, местом, целями и т.п.), с другой стороны, обычаями, традициями, особенностями общественной и культурной жизни говорящего коллектива. Такой подход возможен потому, что «в основе языковых структур лежат структуры социокультурные» [Гер–Минасова 2000].

Благодаря новой парадигме культуронесущие языковые единицы выходят из круга чисто лингвистических вопросов: их решение требует интегративных подходов, предполагающих обращение к смежным наукам. Для обсуждения проблемы реалий принципиальным является понимание её как философского феномена, части пространственно–временного континуума, поскольку «вещь именуется «все, что вообще и каким бы то ни было образом есть» [Хайдеггер 1993: 323]. Реалию нельзя рассматривать вне связи слова и вещи, обсуждаемой со времён Платона и Аристотеля [Степанов 1993], и до сих пор представляющую собой неразгаданную загадку, о чем свидетельствуют разыскания школы «Слов и Вещей» Г. Шухардта, размышления в духе

философского структурализма М. Фуко, философские эссе «Время и бытие» немецкого мыслителя М. Хайдеггера.

Культурозначимые слова, создающие «проблемную зону» [Красных 2003], «зону непонимания текста» [Сорокин 1998] представляют несомненный интерес с точки зрения перевода как трансляции образов сознания одной лингвокультуры в другую, т.е. линзы, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса.

2.1. Реалия в теории перевода

В середине XX века термин реалия стал частью понятийного аппарата теории перевода. Очевидной становится тенденция развития полисемии термина «реалия» и его употребления как для именованного самого предмета реальной действительности, так и его языкового номинанта. В этом случае реалии характеризуют слова и словосочетания, служащие для обозначения явлений и предметов, специфических для данной страны, иногда группы стран, что наиболее типично для работ по переводоведению.

Такое понимание сформировалось в теории и практике перевода после выхода в свет концептуальной работы болгарских специалистов «Непереводимое в переводе» [Влахов, Флорин 1986]. «Мы последовательно придерживаемся этого упрощенного и сокращенного способа выражения», рассчитывая, тем не менее, что термин будет понят правильно: везде «реалия» - это слово (или словосочетание), а не объект (референт), названный им», – подчеркивают авторы [Op.cit.: 15]. Подобный подход, которого мы и придерживаемся в данной работе, позволяет говорить о том, что реалии отражают определенную культуру, несут определенную социально-оценочную информацию и относятся к лексическому разряду слов [Фененко 2006: 11], «наиболее четко реагирующих на общественные события» [Кузнецов 1982: 9; Томахин 1988: 5]. При этом специалисты сами отмечают отсутствие единства в терминологии, двусмысленность и известную условность термина в таком его понимании.

Однако большинство переводоведов, в том числе отечественных, не разделяют эту точку зрения и, говоря о «переводe реалий», имеют в виду номинацию референта как конкретного объекта внеязыковой действительности или денотата как класса объектов реальной действительности, которые могут быть определены данным понятием. А.В. Фёдоров привлекает внимание к тому, что для лингвистической общей теории перевода интерес представляет вопрос о способах передачи слов как названий реалий [Фёдоров 2002: 206]. При этом «речь должна идти именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о «переводe» самих реалий, ибо реализия - понятие экстралингвистическое и не может «переводиться», как не может «переводиться» с одного языка на другой любая существующая в природе вещь. Аналогичного мнения придерживается и А.Д. Швейцер, который определяет реалии как предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом [Швейцер 1973: 250].

Французские специалисты в области теории и практики перевода также говорят о переводе культурной составляющей текста: *traduire le culturel* [Lederer 1998: 161], о переводе культуры: *traduire la culture* [Bensimon 1998: 9; Ladmiral 1998: 15] и даже о переводе «культурного незнания»: *traduire l'ignorance culturelle* [Richard 1998: 151].

Таким образом, уже в дефиниции реалии отражается асимметрия языкового знака, понимаемая как несоответствие плана выражения (формы) и плана содержания (значения), в результате которой номинация может выступать одновременно и как процесс, и как результат наименования [Гак 1998, 27].

Для уточнения анализируемого понятия исследователи предлагают различать, с одной стороны, реалии как предметы, связанные с историей, культурой, экономикой, или в более широком смысле – все относящееся к культуре: предметы, обычаи, факты поведения и т.п., а, с другой стороны, «слова-реалии» [Томахин 1988; Волков 1987; Гак, Григорьев, 2000], «термины-реалии» [Швейцер 1973], «знаки-реалии», «имена реалии» [Гарбовский 2004]. Тем самым реалию как предмет объективной действительности противо-

поставляют единице ее номинации в системе языка. Вместе с тем, в отечественном языкознании допускается и альтернативное (синонимичное) употребление терминов [Гак, Григорьев 2000: 51; Миньяр-Белоручев 1999: 172].

Противоположной точки зрения придерживаются французская лингвистическая и переводоведческая традиции, которые четко и последовательно дифференцируют реалию как референт; *référent, fait culturel, traits culturels étrangers* [Gouanvic 1998: 97] *concepts liés à la culture* и как его номинацию: *vocabulaire local, vocable a valeur culturelle, terme culturel, termes qui désignent des réalités* [Lederer 1994; 1998; 2002]. Сам же термин *realia* как номинация предмета реальной действительности во французской лингвистической традиции используется весьма редко [Catach 1998: 12; Chesterman 2002: 38]. Наряду с реалией для определения языковых единиц, репрезентирующих культурные концепты, предлагается термин «культурема» [Гак 1998; Моисеева, Огнева 2003], а также многочисленные специальные термины - гипонимы: локализм, бытовое слово, алиенизм или гиперонимы: экзотизм, варваризм, этнокультурная лексика, этнолексемы и др.

Разнообразие используемых терминов свидетельствует об отсутствии единства в подходе к фактам, которые можно объединить понятием реалии, что существенно затрудняет их осмысление в аспекте языкового освоения действительности, а также их категоризацию. Недостаточная изученность данного феномена в теории перевода проявляется, в частности, в том, что представленные во всех фундаментальных трудах по переводоведению, приёмы передачи реалий с одного языка на другой рассматриваются преимущественно на уровне лексико-семантических и лексико-грамматических трансформаций, а сами реалии продолжают восприниматься преимущественно как факт «непереводимого в переводе». Исследования системного подхода к описанию реалий в рамках общей теории перевода, которые проводили С. Влахов и С. Флорин, по мнению самих учёных, показали, что «не все бесспорно, не все вопросы решены, да и не все поставлены» [Ibid.].

В данной работе предпринята попытка рассмотрения реалии с точки зрения интегрированного подхода, который включает основные положения частных теорий перевода: лингвистической, культурологической и интерпретативной и который комплексно описывает данный феномен с разных научных точек зрения.

2.1.1. Реалия в лингвистической теории перевода

В начале 1950–х годов о реалиях как «носителях колорита, конкретных элементах национального своеобразия» впервые заговорили в связи с проблемами перевода. В качестве их номинации употребляют как сам термин «реалия», так и синонимичные выражения: «безэквивалентная лексика» и «экзотическая лексика» в работах Я.И. Рецкера, И. Келлера, А.Е. Супруна, Г.В. Чернова и других. К реалиям относят предметы и понятия быта, культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. передающие особенности одного народа, отличающие его от других народов. В связи с этим реалия была выделена как языковая единица (L–реалия), функционирующая в «чужом» тексте, принадлежащая «чужой» культуре и вследствие этого отсутствующая в «своей» культуре.

Началом становления лингвистической теории перевода (далее – ЛТП) в России принято считать теоретические положения Я.И. Рецкера. Прежде всего, это разработанное им понятие закономерных соответствий. В книге «Теория перевода и переводческая практика» Я.И. Рецкер выстраивает три категории соответствий: постоянные и равнозначные «эквиваленты» (эквивалентные соответствия), вариантные и контекстуальные аналоги, а также контекстуальные замены (или переводческие трансформации): дифференциация значений, конкретизация значений, генерализация, целостное преобразование и компенсация, антонимический перевод, смысловое развитие [Рецкер 2007: 244].

Первый тип соответствий относится к сфере языка, два последних – к области речи, безусловно, граница между ними весьма подвижна. Реалии входят частично во второй, частично в третий тип, поскольку они являются единицами, не имеющими точного соответствия в языке перевода. Пере-

вод реалии осуществляется с учётом содержания, стилистических особенностей текста, а также на основе одного из приёмов её адекватной замены – конкретизации понятий, лексического развития или компенсации. Таким образом, в трудах Я.И. Рецкера были впервые сформулированы и описаны основы теории переводческих соответствий, касающиеся непосредственно специфики «перехода» реалии из ИТ в ПТ. Принципы подобного перехода заложены, по мнению французского лингвиста Ж. Мунена, в знаковой природе языка: «Любой язык, состоящий из знаков, должен быть переводим на любой другой в соответствии с этими правилами, поскольку именно здесь лежит их общая основа» [Mounin 1963: 36].

Теория реалии, представленная в работе исследователей «Непереводимое в переводе» [Влахов, Флорин 1986], носит комплексный интегративный характер: она знаменует поворот от чисто лингвистического в сторону филологического в широком плане подхода, который сочетает элементы литературоведческого и культурологического подходов.

Проблемы реалии решаются С. Влаховым и С. Флориным на основе сопоставительного анализа текста оригинала и текста перевода в связи с категорией национального колорита. Именно эту специфическую характеристику реалии, которая высвечивается при переводе с одного языка на другой, выделяют авторы книги: «Реалии – это слова и словосочетания, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу на общих основаниях, требуя особого подхода» [Op.cit.: 47].

Рассматривая реалии как факт «непереводимого в переводе», учёные более точно, по сравнению с другими исследователями, очерчивают границы этого класса лексических единиц, обогащая его разноуровневые характеристики.

Прежде всего, наряду с денотативным значением (национальная принадлежность референта), переводоведы выделяют коннотативное значение реалий,

связанное с передачей местного (регионального, национального) и временного (исторического) колорита, что и позволяет систематизировать реалии на основе собственно лингвистического (коннотативного) критерия.

Используя дополнительные параметры (степень освоенности, распространенности, формы реалии и приёма перевода), С. Влахов и С. Флорин предлагают подробную многоаспектную классификацию реалий, учитывающую предметное деление, местное деление и временное деление [Влахов, Флорин 1986] – рис. 3.

I. Предметное деление.

Жирным шрифтом выделены общие категории реалий и онимов (см. рис. 1, рис. 3).

Рис. 3. Классификация реалий

II. Местное деление.

Можно сказать, что в основе такого деления лежит языковой принцип, который позволяет в первую очередь рассматривать реалии: 1) в плоскости одного языка, то есть как свои и чужие, и 2) в плоскости пары языков, то есть как внутренние и внешние.

В зависимости от широты ареала, то есть от распространенности употребительности, «свои» реалии могут быть национальными, локальными или микрореалиями, а «чужие» – интернациональными и региональными. Согласно их точке зрения, реалии могут рассматриваться в плоскости одного языка, то есть как «свои» и «чужие» и в плоскости пары языков, то есть как «внутренние» и «внешние». Ключевым моментом их классификации является рассмотрение реалий «свой»/ «чужой». «Свои» реалии в зависимости от распространенности и употребительности выступают как национальные или локальные, а «чужие» – как интернациональные или региональные, что переключает внимание на межсубъектное взаимодействие, основывающееся на семиотических началах [Арутюнова, 1999: 647]. «Свои» реалии – это большей частью исконные слова данного языка (самовар, боярин, совет). «Чужие» реалии являются в большинстве случаев варваризмами [Флорин 1983: 68]: это либо заимствования, т.е. слова иноязычного происхождения, вошедшие в словарный состав языка, либо кальки, т.е. поморфемные или пословные переводы наименований чужих для данного народа объектов, либо транскрибированные реалии другого языка, часто своего рода окказионализмы или неологизмы.

В плоскости пары языков к внешним относятся реалии, одинаково чуждые обоим языкам, к внутренним – слова, принадлежащие одному из пары языков и, следовательно, чуждые для другого.

Национальные реалии называют объектами, принадлежащие данному народу, данной нации, но чужие за пределами страны, следовательно, национальная принадлежность референта является одним из важнейших категориальных признаков реалии. Наличие в тексте национальных реалий бывает достаточно, чтобы породить ассоциации, связанные с данным народом, данной страной.

К региональным реалиям С. Влахов и С. Флорин относят те, которые распространились среди нескольких народов, обычно вместе с референтом в первую очередь с физической географией, с некоторыми разделами физики и стоят ближе всего к терминам. Эти реалии противопоставляются, с одной стороны, интернациональным реалиям, которые фигурируют в лексике многих языков, обычно со-

храняя вместе с тем исходную национальную окраску. С другой стороны, они находятся в оппозиции к микрореалиям, социальная основа которых узколокальна: это может быть слово, характерное для одного города или села.

III. Временное деление.

С. Влахов предлагает на основе временного критерия условно разделить все реалии в самых общих чертах на 1) современные и 2) исторические [Влахов 2006: 29–67].

Г.Д. Томахин определяет современные и исторические реалии следующим образом: «историзмы – это слова, обозначающие мертвые реалии, а неологизмы – слова, обозначающие возникшие в данный период реалии». [Томахин 1988: 8]. К историческим реалиям Г.Д. Томахин относит «названия исторических событий, важнейших вех в истории страны, документов, политических и религиозных групп, участников этих событий». [Op.cit.: 38]. К таким реалиям можно отнести такие русские слова, как *dekabrist,m*, *nihiliste,m*, *bolchevik,m*, *soviet,m*.

Данная типология реалий тесно связана с двумя вопросами теории перевода: «одомашнивание vs остранение» (термин У. Эко) [Эко 2006] и «архаизация vs модернизация vs синхронизация» текста перевода. Эти проблемы напрямую связаны с переводом реалий, поскольку они являются основными носителями временных и локальных составляющих текста оригинала.

Выбор стратегии определяется как языковыми, так и экстралингвистическими факторами, включая культурные, общественно-политические, экономические и социальные.

«При “одомашнивании” переводчик стремится адаптировать текст к принимающей культуре. Положительным фактором такого подхода является то, что текст перевода становится более доступным для понимания читателя. Отрицательным – то, что стилевое своеобразие оригинала утрачивается в таком переводе безвозвратно» [Самохина 2012: 9].

При «одомашнивании» наиболее эффективны приёмы собственно перевода, в частности приём национальной адаптации.

Большое количество сторонников среди специалистов по переводу получила переводческая стратегия «остранения», которая пробуждает у читателя рефлексию над чуждостью мира, представленной в переводе как мир исходной культуры. Эта стратегия дает возможность обогащения языка перевода новыми лексическими единицами. «Остранение» перевода, как правило, осуществляется за счет механистических приёмов (прямого переноса, транскрипции и транслитерации), так же как и калькирования [Ibid.].

Вопрос хронологического характера – «модернизация vs архаизация vs синхронизация» – связан с возможностью перевода временной составляющей художественного текста. Как правило, этот вопрос всегда рассматривается наряду с проблемой «одомашнивания» или «остранения» текста.

Некоторые исследователи отдают предпочтение модернизации. В данном исследовании архаизация и модернизация рассматриваются только с точки зрения специальной архаизации современных реалий и модернизации исторических. Более того, необходимо ввести термин «синхронизация», обозначающий совпадение временных характеристик в оригинале и переводе художественного текста.

Таким образом, переводчику необходимо определить стратегию перевода, выбрав стратегию «одомашнивания» или стратегию «остранения», архаизации, модернизации или синхронизации. Полное игнорирование перевода реалий оригинала может приводить к отдалению читателя от специфики языка оригинала. Необходимо обращать внимание и на опасность использования анахронизмов и анатоцизмов, искажающих временную и локальную составляющую текста оригинала [Влахов, Флорин 1986].

Реалии представляют собой одну из главных трудностей при переводе художественного текста, поскольку по определению они не имеют аналогов в принимающей культуре. В связи с данной проблемой исследовате-

ли занимаются разработкой различных классификаций приёмов перевода реалий.

Как подчёркивают С. Влахов и С. Флорин, методика выбора при переводе реалий требует ответа, в первую очередь, на вопрос: транскрибировать или переводить? По мнению учёных, правильный путь, который приведет к лучшему восприятию текста и его колорита, а также позволит наиболее полно и ненавязчиво раскрыть значение реалии, достичь коммуникативного эффекта, сведя до минимума потери и обеспечив максимальные возможности их компенсации, обусловлен выбором переводчика.

Таким образом, в работе С. Влахова и С. Флорина впервые представлена целостная концепция реалии как национально окрашенной единицы языка, специфика которой проявляется в переводе. Наиболее ценным в их подходе к реалии можно считать системный подход к рассмотрению таких признаков реалии, как «национальная принадлежность референта», «местный» и «временной колорит», «коннотативное» (ассоциативное) значение, а также участие этой ЛЕ в оппозиции «свой»/«чужой».

Рассмотрение данной оппозиции открыло перспективы дальнейшего изучения реалий в качестве маркеров межкультурного диалога, специфика которого исследуется в рамках теории межкультурной коммуникации.

На развитие лингвистического переводоведения значительное влияние оказали также идеи Л.С. Бархударова. В своей монографии «Язык и перевод» реалия рассматривается в рамках общей теории перевода. Главным критерием перевода реалий является эквивалентность как сохранение неизменного плана содержания при замене плана выражения оригинала [[Бархударов 1975: 11]. Учёный считает, что в переводе неизбежны потери, поэтому неизменность плана содержания становится относительным понятием. Перевод реалий предполагает передачу, вместе с предметом сообщения, ситуацией и участниками общения, различных типов языковых значений: референциального, резюмирующего отношение знак – класс обозначаемых предметов или ситуаций; прагматического (отношение знак – участник речевого процесса), внут-

рилингвистического (знак – другие знаки). Семантические значения при переводе проявляются через один из типов соответствий: полное соответствие, частичное соответствие или отсутствие соответствия [Бархударов 1975: 74]. Культурозначимые слова – это отсутствие соответствия, которое восполняется в переводе транскрибированием (транслитерированием), описательным или приблизительным путем или при помощи переводческих трансформаций. С этой точки зрения происходит сближение реалии с другими типами ЛЕ, поскольку полное совпадение слов в разных языках «во всем объеме их референциального значения относительно редки» [Op.cit.: 75].

Л.С. Бархударов пишет, что «при транслитерации передается средствами языка перевода графическая форма (буквенный состав) слова ИЯ, а при транскрипции – его звуковая форма. Эти способы применяются при передаче иноязычных имен собственных, географических наименований и названий разного рода компаний, фирм, пароходов, гостиниц, газет, журналов и пр. Этот способ широко применяется при передаче реалий; он особенно распространен в общественно–политической литературе и публицистике как переводной, так и оригинальной» [Op.cit.: 97]. Зачастую данный приём не раскрывает значения иноязычной лексической единицы, и такого рода слова остаются непонятными читателю, не знающему ИЯ, без соответствующих пояснений.

Собственно перевод представляет собой создание неологизма. Неологизм – «это наиболее подходящий путь сохранения содержания и колорита переводимой реалии: путем создания нового слова (или словосочетания) иногда удается добиться почти такого же эффекта. Такими новыми словами могут быть, в первую очередь, кальки и полукальки». [Влахов, Флорин 1986: 89].

Калька – это заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота. Данный приём позволяет перенести в ПЯ реалию при максимально верном сохранении семантического содержания,

но далеко не всегда без утраты колорита. Например, англ. *skyscraper* рус. *Небоскреб* [Ibid.].

Л.С. Бархударов подчеркивает, что «как транскрипция и транслитерация, так и калькирование не всегда раскрывает для читателя, незнакомого с ИЯ, значение переводимого слова или словосочетания, так как не всегда калька раскрывает лексическое значение слова» [Бархударов 1975: 98].

Полукалька – это своего рода частичные заимствования, тоже новые слова или словосочетания, но состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова.

Освоение – придание слову облика родного для языка перевода на основе материала, уже имеющегося в ИЯ.

Семантический неологизм есть условно новое слово или словосочетание, «сочинённое» переводчиком и позволяющее передать смысловое содержание реалии. От кальки его отличает отсутствие этимологической связи с оригинальным словом. [Влахов, Флорин 1986: 90].

Приблизительный перевод (разъяснительный). Этот способ передачи реалий заключается в раскрытии значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления, то есть при помощи её дефиниции на ПЯ. Л.С. Бархударов считает, что описательный перевод, хотя он и раскрывает значение исходной безэквивалентной лексики, имеет тот серьезный недостаток, что он обычно оказывается весьма громоздким и неэкономным. Поэтому часто переводчики прибегают к сочетанию двух приёмов – транскрипции или калькирования и описательного перевода, давая последний вариант в сноске [Бархударов 1975: 100].

Л.К. Латышев и А. Л. Семёнов отмечают, что достоинством описательного перевода является возможность наиболее полного раскрытия сути описываемого явления. Именно поэтому этот приём именуется также разъяснительным переводом... » [Латышев, Семёнов 2003: 130].

Родовидовое соответствие (гипонимический перевод). Для этого способа перевода характерно установление отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим видовое понятие – реалию, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие. Например: нопаль (вид кактуса) – кактус, кебраго (вид дерева) – дерево [Комиссаров 1999: 119].

Функциональный аналог. Языковая единица исходного языка передается такой единицей языка перевода, которая вызывает сходную реакцию у зарубежного читателя. Данные лексические единицы могут принадлежать к одному функциональному стилю и иметь одинаковую стилистическую или экспрессивную окраску.

Контекстуальный перевод. При контекстуальном переводе характерно отсутствие соответствий самого переводимого слова — его содержание передается при помощи трансформированного соответствующим образом контекста.

Комиссаров В.Н. выделяет также нулевой перевод, т.е. отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности. Грамматическое значение нередко дублируется в высказывании с помощью иных лексических или грамматических средств. В таких случаях безэквивалентная единица получает в переводе «нулевое соответствие», т.е. опускается [Комиссаров 1990: 148].

«Особый интерес вызывают компенсирующие приёмы: приём национальной адаптации, приём замены чужим аналогом (чужим для обоих из пары языков) и приём функциональной компенсации в других средствах текста, поскольку при использовании данных приёмов передача реалий осуществляется на основании интенции текста. Подобный подход позволяет сохранить смыслообразующую функцию реалий и направленность рефлексии читателя, что невозможно при опущении реалии в тексте перевода или использовании переводческого комментария. Для случаев использования приёма опущения реалии предлагается термин “нейтрализа-

ция», обозначающий хронологические характеристики реалий в переводе, поскольку проблема модернизации или архаизации полностью снимается для текста перевода» [Op.cit.: 11].

Под компенсацией понимается переводческий приём, при использовании которого смыслы художественного текста, опредмеченные в его средствах, утрачиваемых при переводе за неимением их эквивалентов перевода, передаются другими смыслообразующими средствами.

Подробный анализ реалий представлен в учебнике А.В. Фёдорова по основам общей теории перевода, в котором реалии рассматриваются как крайний случай безэквивалентности, т.е. безэквивалентность «в чистом виде» [Фёдоров 2002: 184]. Как считает классик отечественного переводоведения, лингвистический подход к изучению перевода, затрагивает самую его основу – язык, вне которого неосуществимы никакие функции перевода.

Автор связывает решение вопроса о передаче реалий с теорией лексических вариантов. В понимании отечественного переводоведа, лексические варианты – это часть тех соотносительных и параллельных средств, которыми язык располагает для выражения более или менее однородного содержания. Исследователь подчёркивает, что перевод не ограничивается выбором из числа тех элементов, которые зафиксированы в словарях, т.к. словарь не в состоянии предвидеть все конкретные сочетания, в которые попадает слово. Почти каждый перевод даёт целый ряд примеров того, как слово подлинника находит соответствие, взятое за пределами синонимии двуязычных, а иногда и одноязычных словарей и точное по контексту.

Близким к лексическому варианту оказывается понятие текстового эквивалента, который противопоставляется словарному соответствию в концепции французской переводоведческой школы, разрабатывающей интерпретативную модель перевода [Seleskovitch, Lederer 2002; Lederer 1994], а также понятие текстового переводческого эквивалента [Кэтфорд 1978].

Рассматривая подробно достоинства и недостатки каждого из приёмов перевода реалий, А.В. Фёдоров делает вывод о том, что в переводческой прак-

тике они применяются не изолированно, а в сочетании друг с другом. Исключительное использование только одного из них имеет следствием либо перегрузку переводного текста иноязычным словесным материалом или «экзотизмами» (при транслитерации или транскрипции), либо чрезмерное расширение текста (при описательном, перифрастическом способе), либо ведет к полной утрате национальной специфичности (при уподобляющем способе), либо к обеднению вещественного смысла (при гипонимической передаче) [Фёдоров 2002: 214]. Аналогичного мнения придерживается Л.С. Бархударов, который считает, что передача реалий должна осуществляться на основе семантической эквивалентности с учётом принципа подчинения элементов целому [Бархударов 1975: 17].

В рамках лингвистической теории перевода интересный подход к изучению реалий предлагает А.Д. Швейцер. Он рассматривает реалию в связи с прагматикой перевода, определяющей отношения между языковым выражением и участником коммуникативного акта – отправителями и получателями сообщения [Швейцер 1973: 239]. Эту позицию разделяют и некоторые другие авторы [Кудряшов 1989: 40–41]. Автор общелингвистической теории перевода считает, что прагматика лежит в основе переводческой эквивалентности: если содержание исходного и конечного текста воспринимается по-разному их получателями, то из этого следует, что перевод как двуязычный коммуникативный акт не достиг своей цели [Швейцер 1973: 239]. С этого ракурса его положения схожи с концепцией «динамической эквивалентности» Ю. А. Найды [Найда 1978; Nida 2002], классификацией текстов с ориентацией на читателя, предложенной А. Нойбертом [Нойберт 1978], функциональной эквивалентности, основанной на прагматике значения в трактовке Г. Егера [Егер 1978].

А.Д. Швейцер подчёркивает, что прагматический компонент содержания оказывает определенное влияние на передачу всех других его компонентов и позволяет расширить диапазон средств, используемых для передачи безэквивалентных ЛЕ. Применительно к культурно маркированной лексике важным

оказывается такой критерий, как «степень знакомства с предметом». Например, при передаче на английский язык реалий – советизмов наблюдается следующая закономерность: в текстах, рассчитанных на специалистов, на читателей, знакомых с советскими реалиями, преобладают такие способы передачи советизмов, как транслитерация и калька, тогда как в текстах, адресованных более широкой аудитории, чаще встречаются объяснительный, описательный и другие виды перевода, а транслитерация и калька обычно сопровождаются пояснительными комментариями [Швейцер 1973: 251]. В связи с этим важное значение в концепции А.Д. Швейцера приобретает «фактор адресата» и его информационный запас, в другой терминологии – степени преинформационного запаса [Миньяр–Белоручев 1999], уровни способности понимания [Найда 1978]. Другой, немаловажный критерий, предлагаемый А.Д. Швейцером, – это функциональная роль реалии в сообщении. Переводчик имеет право «снять реалию» в следующих случаях:

- если она несет незначительную нагрузку в смысловой структуре текста;
- если она упоминается лишь эпизодически;
- если она выполняет не денотативную, а экспрессивную функцию и, следовательно, не может вызвать конкретные образные ассоциации у читателя текста перевода.

Этот приём иначе именуют как «опущение реалии», который может снижать когнитивную ценность художественного текста, но не мешает достижению основной его функции – поэтической [Гарбовский 2004: 486].

Условие прагматической адекватности выдвигается А.Д. Швейцером в качестве основного критерия эквивалентности при переводе. Он акцентирует внимание на том, что социально–культурные различия между получателями исходного и конечного сообщения позволяют говорить лишь о соответствии, но не о полном тождестве восприятия ими соответствующих текстов. Таким образом, переводческое решение носит не максимальный, а оптимальный характер, обусловленный стремлением учесть два противоречивых требования –

отражение жанрово–стилистических особенностей оригинала и уподобление соответствующим произведениям на языке перевода [Швейцер 1973: 162].

Согласно В. Г. Гаку, автору книги «Языковые преобразования», исходной единицей изучения типов преобразований при переводе в тексте является высказывание, т.е. актуализированное предложение. Его исследование осуществляется путем анализа семантической структуры высказывания, описывающего данный отрезок ситуации, и слова как компонента высказывания [Гак 1998: 469]. Поскольку в основе семантических изменений наименования (семантических трансформаций) лежат формально–логические отношения между понятиями, определить семантические трансформации можно, по мнению ученого, исходя из типов связей, отражающих ассоциации, способные возникнуть в сознании человека. На основе пяти основных логических отношений между понятиями (равнозначность или совпадение объемов двух понятий, внеположенность или исключение, контрадикторность, подчинение или включение, перекрещивание или пересечение) В.Г. Гак выделяет пять семантических процессов и типов трансформации наименования. Это логико–семантическая синонимия, смещение (использование для наименования данного понятия названия смежного понятия в пределах одного родового понятия), антонимия, расширение или сужение и семантический процесс переноса (метафора или метонимия) [Op.cit.: 470–471].

Для реалий как «следствия асимметрии в семиотическом плане, которая заключается в отсутствии одного из компонентов знакового отношения: обозначаемого или обозначающего» [Op.cit.: 146], наиболее существенными оказываются отношения равнозначности. Они обеспечивают адекватность описания ситуаций с точки зрения обозначаемых денотатов. Существенными оказываются также отношения подчинения, которые проявляются в замене гиперонима гипонимом (конкретизация) или гипонима гиперонимом (генерализация).

Однако, несмотря на универсальный характер семантических трансформаций, решающим при переводе реалий, по мнению В. Г. Гака, является все-таки не способ их обозначения, а конкретное устройство и функционирование данной реалии, а также наличие связанных с ней определенных ассоциаций в сознании носителей языка [Op.cit.: 145].

По мнению В. Г. Гака, общая инвентаризация всех возможных языковых преобразований приносит переводоведению существенную пользу. С одной стороны, она позволяет дать лингвистическое объяснение любым расхождениям при переводе, с другой — предоставляет переводчику полный набор средств, способных выразить определенное значение, что, соответственно, позволяет избежать стихийного характера переводческих преобразований [Гак 1988: 64] или так называемого переводческого произвола. При такой постановке вопроса ЛТП перевода сближается по своим целям и задачам с сопоставительной стилистикой [Фёдоров 1971: 10].

Критикуя анализ реалии с позиций лингвистического моделирования, который предполагал выделение и описание жестко заданного инвентаря трансформационных моделей передачи реалии из ИТ в ПТ, О. Каде пишет: «Не сомневаясь в релевантности для перевода трансформаций, обусловленных структурой данных двух языков, мы, однако, не согласны сводить сущность перевода к механизму внутри- и межъязыковых трансформационных операций» [Каде 1979: 5]. Немецкий лингвист считает, что в любом качественном переводе найдется немало законных и закономерных изменений по сравнению с оригиналом (в частности, изменений лексико-семантической структуры текста), возникающих в результате учёта переводчиком ситуативно-обусловленных норм речевого поведения носителей данного языка, наличия или отсутствия у них необходимой для понимания текста предварительной информации (pre-information) и других неязыковых факторов, играющих роль в коммуникативно-речевой деятельности. Микролингвистические модели перевода, включая трансформационные, такие изменения не охватывают [Ibid.]. Актуализация системы межъязыковых эквивалентностных отношений в про-

цессе перевода только частично определяется факторами, заложенными в структуре данных двух языков. По мнению О. Каде, эквивалентность в значительной степени обусловлена неязыковыми факторами, порождаемыми в результате установки речепроизводства на коммуникативную ситуацию и, следовательно, представляет собой весьма сложный ансамбль языковых и неязыковых условий, которым должен удовлетворить любой текст, чтобы он функционировал как средство передачи информации. Автор приходит к выводу о том, что любой частный вопрос трансформации ИТ в ПТ должен решаться на основе понимания перевода как особого рецептивно-продуктивного вида речевой деятельности с учётом экстралингвистической коммуникативной направленности [Op.cit.: 6].

Следовательно, в рамках лингвистической модели перевода постепенно складывалось понимание необходимости привлечения внеязыковых факторов, которые не связаны исключительно с внутренней системой языка.

Учитывая вышесказанное, лингвистическую модель перевода реалий (далее – ЛМПР) можно представить в виде следующей схемы (рис. 4).

В центре ЛМПР стоят переводческие решения, которые представляют собой переводческие приёмы и трансформации. Для данной модели перевода наряду с транскрипцией характерно наличие нулевого и контекстуального переводов, а также технических способов перевода (транспозиция, модуляция, эквиваленция), которые позволяют с помощью грамматических и стилистических изменений лексической единицы ИЯ подобрать нужный эквивалент в ПЯ.

Тем не менее, в рамках ЛМПР доминирующими приёмами перевода реалий остаются транскрипция и приближенный перевод, отражающие наиболее точно графический и звуковой облик ЛЕ.

Рис. 4. Лингвистическая модель перевода (ЛМТР)

2.1.2. Культурологические теории перевода

В современном переводоведении развитие проблемы передачи реалии связано с подробным рассмотрением выделенных переводческих трансформаций как в плане решения прикладных задач подготовки переводчика [Аверкина 2005; Петрова 2005], так и теоретических вопросов передачи национального колорита при переводе художественных текстов [Ballard 1998; Чарычанская 2004; Родосский 2005; Авданина 2005 и другие]. Однако подход исследователей к изучению данной тематики остается в рамках классической теории перевода.

Согласно Н.А. Фененко, термин реалия сохраняется в качестве родового. На материале французских реалий учёный разрабатывает типологию реалий. Реалию как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт) исследователь обозначает термином *R-реалия* (от французского – *réalité* –

реальная действительность). Реалию как идеальный эквивалент среды обитания социума – термином *C-реалия* (от французского *concept culturel* – культурный концепт). Реалию как средство номинации культурного концепта – термином *L-реалия* (от французского *l'èxème* – слово) [Фененко 2006: 12] .

Предлагаемая терминология позволяет выявить механизм взаимного обогащения языка–оригинала и языка–перевода. R–реалии расширяют номинативные возможности и денотативное пространство языка перевода, связывая уже имеющиеся в языке слова и значения с новыми явлениями внеязыковой действительности (денотатами). C–реалии расширяют концептосферу языка перевода, формируя новые понятия, отсутствовавшие ранее в языке–реципиенте. Наконец, L–реалии расширяют словарь языка перевода за счет новых лексем, заимствованных из языка оригинала – всегда вместе с новым понятием и часто – вместе с новым денотатом [Op.cit.: 13]. В художественных текстах чаще всего встречаются C–реалии. К L–реалиям относят ономастическую лексику, которая также встречается в произведениях художественной литературы, но в меньшем количестве.

Для решения проблемы перевода реалий более эффективными являются подходы, ориентированные на роль этнокультурного фактора в переводе [Сорокин 1998: 2003].

Процесс письменного перевода – это, безусловно, результат соприкосновения двух различных культур, характеризующиеся как сходством, так и различием истории, отличающиеся отношением к переводу, к способам собственного формирования и другими «экстралингвистическими факторами». Нельзя не заметить, что огромная ответственность ложится именно на плечи переводчика – главного действующего персонажа, которому необходимо не нарушить баланс двуязычной опосредованной коммуникации, в которой участвует автор–переводчик–читатель, и донести до читателя авторский замысел и сохранить национально–историческое своеобразие подлинника [Галеева 2005: 13].

Следует упомянуть труды известных отечественных германистов Л.К. Латышева и А.Л. Семёнова, определяющих перевод как вид языкового посредничества, способного обеспечить двуязычную коммуникацию, в максимальной мере приближенную к одноязычной [Латышев, Семёнов 2003: 8; Комиссаров 1990: 8].

Уточним, что под двуязычной опосредованной коммуникацией понимается общение автора и читателя через письменного переводчика – языкового посредника. Соответственно, общение с помощью перевода может приравниваться в принципе к обычному, одноязычному коммуникативному акту – только лишь с участием промежуточного звена – переводчика и с определенными временными затратами. В обществе укоренилось мнение, что двуязычное общение через профессионального (письменного) переводчика по своим возможностям и эффективности ничем существенным не отличается от устного (например, синхронного перевода) и даже от «естественной», одноязычной коммуникации. Тем не менее, следует подчеркнуть относительную достижимость этой цели, так как степень реального приближения двуязычной коммуникации к коммуникации одноязычной, естественно, зависит от мастерства переводчика и от ряда объективных обстоятельств (например, от свойства переводимого текста, способа выполнения перевода), от переводческих решений и стратегий перевода.

Таким образом, «процесс перевода (происходящий в голове переводчика) является центральным звеном опосредованной двуязычной коммуникации», а главным субъектом является переводчик [Латышев 2003: 17].

Л.К. Латышев и А.Л. Семёнов считают, что создание в ответ на социальный заказ продукта переводческой деятельности требует от переводчика одновременно решения двух задач: 1) необходимость воспроизвести в новом языковом произведении существенные семантико–структурные особенности ИТ и 2) адаптировать создаваемый текст под иное лингвоэтническое восприятие [Op.cit.: 24]. Как первая, так и вторая задачи оказываются непростыми. Сигнификативное содержание, под которым понимаются коннотации, отражающие куль-

турно–исторические традиции этноса, языковые особенности, имеет, как правило, универсальную основу, её национальная составляющая может быть передана имплицитно или при помощи адекватных трансформаций. Вторая задача представляется нам гораздо сложнее: этнокультурный барьер в наибольшей степени влияет на процесс двуязычной коммуникации, в связи с различным отношением носителей ИЯ и ПЯ к одним и тем же явлениям. В этой связи определяющим фактором переводческих действий выступает лингво–этнический барьер, который складывается из ряда разнородных факторов (расхождение языковых систем ИЯ и ПЯ, языковой нормы и узуса, преинформационных запасов носителей ИЯ и ПЯ), специфика и удельный вес которых определяют цель переводческих решений, их иерархию и в итоге сам продукт переводческой деятельности. Несмотря на то, что текст перевода должен быть перенесён в культуру получателя, он одновременно в ПТ обязан сохранять инокультурный колорит. При передаче безэквивалентных слов, называющих «незнакомые элементы чужой национальной культуры», авторы прибегают к понятию «адаптивных сдвигов» (по терминологии О.Каде). «Адаптивные сдвиги» или «адаптивные переложения» – это вольный перевод или пересказ, который призван выполнять вполне конкретную задачу, тем более что этнокультурная непереводаемость имеет исторически–обусловленный характер и по мере сближения национальных культур сфера непереводаемости в большей степени сужается.

Учитывая деятельностную теорию перевода, ПТ рассматривается как факт обогащения принимающей культуры за счет художественных и духовных ценностей другой культуры. В этой связи важнейшей задачей становится разработка параметров текста оригинала, необходимых для деятельности переводчика. К таким параметрам Н.Л. Галеева относит художественность текста, содержательность текста и переводческую трудность [Галеева 1999: 5]. Вопрос передачи лакун и реалий должен, как справедливо считает автор, рассматриваться в аспекте переводческих трудностей как частный вопрос передачи на-

ционального колорита и должен решаться с учётом их смыслообразующей роли в тексте [Ibid.].

Нельзя не отметить влияние другого направления на развитие теории реалии, которое разрабатывает новую методологию анализа переводческих фактов и переводческих стратегий. В концепции Ю.А. Сорокина, ориентированной на этнолингвистический подход, культурологическое взаимодействие носителей разных языков «опредмечивается» в тексте. Возникающие в связи с этим лакуны интерпретируются через признаки «непонятность, непривычность (экзотичность, незнакомость (чуждость), неточность (ошибочность)» [Сорокин, Морковина 1983: 87]. Данная классификация лакун позволяет судить о том, какие культурно–языковые/речевые фрагменты и их социально–психологические корреляты сохраняют свою инобытность после переноса в иную лингвокультурную общность [Сорокин 2003], подтверждая, что различия в сопоставляемых культурах вызывают гораздо больше затруднений при переводе, чем различия в языковых структурах [Nida 2002: 15].

В рамках когнитивной парадигмы теории перевода, реалия становится частью пространства «концептуальной картины» перевода, в котором вербальные единицы рассматриваются как отражение ментальных структур [Фесенко 2001; 2004; 2005].

Таким образом, процесс перевода составляет концептуальную основу речемыслительной деятельности индивида и представляет собой перевод образов сознания в графический или звуковой ряд [Фесенко 2004: 92]. Здесь переводчик выступает как интерпретатор заложенной в ИТ концептуальной программы, а затем как «соавтор» той концептуальной программы, которая «задается» в конечном тексте. Но в отличие от автора переводчик не просто представляет реальную картину мира посредством языка, а сохраняет «квантованный» иноязычный мир, передавая его с помощью средств языка перевода.

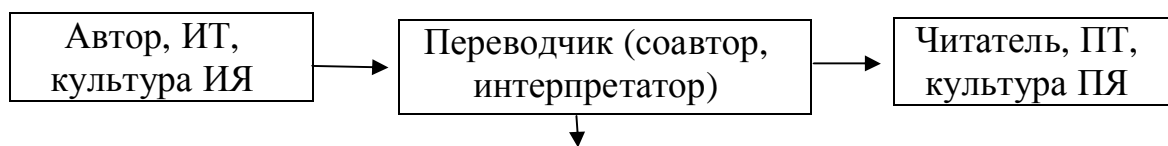
Следовательно, процесс перевода отличается селективным характером, поскольку для достижения концептуальной инвариантности ИТ и КТ перево-

дчик должен модифицировать выразительные средства языка перевода, принимая во внимание «неединичность» возможных вербальных конечных вариантов с учётом знания этнических констант, репрезентируемых в культурных стереотипах, а также этноречевых аспектов коммуникации [Фесенко 2002].

По мнению Т.А. Фесенко, языковые клише закреплены в переводе штампами, которые хранятся в сознании представителей конкретного культурного пространства в виде лингвистических когнитивных структур, и являются составляющей ментально–лингвального комплекса определенной этнокультуры [Op.cit.: 151]. Языковое клише, как и клише сознания, служит для выражения экспрессии, «духа» языка, а также способствует определению позиции на шкале «свой/ чужой» и может рассматриваться как национально–культурный маркер специфики речевого общения представителей определенного лингвокультурного сообщества. Переводчик на основе моделирования определенных участков когнитивного пространства автора и на основе знания о правилах оптимального перевода кодирует изменения в сфере когнитивного пространства реципиента в виде языкового (речевого) сообщения. В случае соответствия участков когнитивного пространства различных лингвокультурных миров образуются «зоны пересечения», обеспечивающие понимание коммуникантов [Op.cit.: 152].

Таким образом, большое значение уделяется формированию профессиональных компетенций переводчика, способного осуществлять концептуальный перевод как трансляцию образов сознания из одной культуры в другую, а не как простое транскодирование ЛЕ одного языка в ЛЕ другого языка [Фесенко 2004].

Соответственно, модель перевода реалий (далее – КМПР) в культурологических теориях перевода (далее – КТП) можно представить в виде следующего рисунка (см. рис. 5).

Переводческие решения: концептуальный перевод (вольный перевод)

Рис. 5. Культурологическая модель перевода реалий (КМПР)

Данный концептуальный подход создает основы нового вектора в изучении проблем перевода, природа которого обусловлена как спецификой построения вербальной цепи, реализуемой по грамматическим правилам конкретного языка, так и спецификой образов сознания, отображающих предметы культурной реальности [Ibid.].

2.1.3. Реалия в интерпретативной теории перевода

Интерпретативная (коммуникативная) теория перевода (далее – ИТП) создана и разрабатывается с 1968 года ведущими специалистами Парижской Высшей Школы переводчиков (ESIT) Д. Селескович и М. Ледерер, их учениками и последователями на базе практики перевода – устного (синхронного и последовательного) и письменного.

ИТП видит главную функцию переводчика в передаче смысла переводимого высказывания, который возникает в момент речи в конкретных условиях, когда языковое содержание высказывания сочетается с необходимыми знаниями слушателя. Поскольку задача переводчика состоит в адекватном воспроизведении смысла коммуникативного акта, а объектом перевода является смысл, то эта теория получила название «теория смысла» [Бурляй 1982: 196–197; Калинин 1999: 64–66]. При этом смысл высказывания трактуется как мгновенный и интуитивный акт.

Авторы указывают на нетождественность смысла высказывания и суммы языковых значений, составляющих его знаков и различают словарные соответствия (*correspondence*) и текстовые эквиваленты (*équivalence*). Соответствиями называют значения слов, которые зафиксированы, например, в дву-

язычном словаре. Они относятся к области языка, а не речи, вследствие чего оказываются нерелевантными для профессионального перевода текстов.

Изучение соответствий, считают французские специалисты, – предмет сопоставительной лингвистики, а не переводоведения. Оно может использоваться как методический приём в процессе обучения иностранному языку, но никак не связано с профессиональной переводческой деятельностью и текстом перевода как её продуктом, на что особо указывают разработчики ИТП. В свою очередь, эквиваленты не фиксируются словарями, а создаются в процессе перевода текстов с учётом всех его составляющих, участвующих в передаче смысла. Высказанное французскими учеными мнение созвучно точке зрения Р. Якобсона о трёх способах интерпретации вербального знака, обуславливающих три способа перевода – внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический, а также об отсутствии эквивалентности между единицами кода на уровне межъязыкового перевода. Чаще всего при переводе с одного языка на другой, подчеркивает исследователь, происходит не подстановка одних кодовых единиц вместо других, а замена одного целого сообщения другим [Якобсон 1978:18].

Между тем, авторы ИТП вынуждены признать наличие в текстах определенной доли регулярных соответствий, вследствие чего предлагают ограничивать так называемые «соответствия *apriori*» (т.е. внеконтекстные), к которым могут быть отнесены монореференциальные слова и термины, от соответствий «*aposteriori*», которые можно обнаружить в текстах, переведенных с помощью эквивалентов [Seleskovitch, Lederer 1984; Chersterman 2002; Ammour 2002; Setton 2002; Laplace 2002].

Тем не менее, согласно ESIT, естественным и нормальным для перевода текстов является создание переводчиком нерегулярных, единичных, ус танавливаемых только для данного конкретного случая (текста) эквивалентов, тогда как априорные соответствия составляют, скорее, исключение. Этот подход распространяется на все виды перевода [Seleskovitch, Lederer 2002; Бодрова–Гоженмос 2002; 2006], как устного [Lederer 1981; Thiery 1991;

Dejean Le Feal 1991], так и письменного, а также на все виды текстов: художественные, и общественно–политические [Bodrova–Gogenmos 2000; 2005] и даже специальные [Koutsivitis 1991] и научно–технические [Durieux 1991]. Авторы ИТП и другие учёные со схожими взглядами [Delisle 1984] определяют перевод как «замену текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом» [Кэтфорд 1978: 91]. В этом заключается принципиальное отличие ИТП от отечественной переводоведческой традиции, которая, признавая, что в умении находить индивидуальные, единичные, «непредусмотренные» лингвистической теорией эквиваленты [Moser 2002; Leclercq 2002], как раз и «заключается творческий характер переводческой деятельности», все же считает, что эквиваленты («единичные соответствия» по Л.С. Бархударову) не поддаются обобщению с помощью лингвистической теории перевода [Бархударов 1975].

Критикуя концепцию лингвистического перевода (в частности, Ж.–П. Вине, Ж. Дарбельне, Ж. Мунена, которые уделяли особое внимание переводу как процессу преобразования знаковых систем) авторы и сторонники ИТП считают, что именно опора на лингвистические значения слов заставляет приверженцев лингвистической теории говорить о «трудностях» перевода, связанных с различиями систем ИЯ и ПЯ, а также о том, что при любом переводе неизбежны компромиссы, вынужденные пропуски, добавления [Seleckovitch 1991: 292]. Нормальным и естественным считается в лингвистических теориях наличие в текстах оригинала и перевода словарных соответствий, основанных на предполагаемом тождестве значений языковых единиц. Все остальное называется «отклонением», результатом переводческих трансформаций, таких, как «генерализация», «конкретизация», «подстановка» и т.д. [Бодрова–Гоженмос 2002].

В отличие от лингвистической теории перевода, в основе которой лежит методологический принцип межъязыкового лингвистического анализа — «принцип взаимной переводимости как главного свойства, присущего всякой паре языков» [Гарбовский 2004: 184], ИТП исходит из по-

ложения о том, что процесс перевода осуществляется только на уровне текста. В этом случае язык из предмета специального анализа превращается в инструмент, используемый в процессе коммуникации. Задача же перевода, согласно ИТП, заключается в достижении эквивалентности текста оригинала тексту перевода путем передачи рациональной и эмоциональной составляющей смысла [Lederer 1998: 107].

В связи с тем, что переводческий процесс не сводится к процессу трансформации языка оригинала в язык текста перевода, различия между ИЯ и ПЯ – исходная данность, предпосылка перевода, а не его «трудность». Текст перевода может быть создан только в результате спонтанного, естественного процесса формулирования мысли (перевыражения смысла) на том или другом языке. Продуцирование текста перевода – творческий процесс выражения на ПЯ смысла, извлеченного из оригинала на ИЯ, что возможно только путем создания смысловых (текстовых) эквивалентов [Herbulot 1990: 101].

Вопрос передачи реалий, которые французские переводоведы определяют как «предметы (явления), которые свойственны культуре языка оригинала и отсутствуют в культуре языка–перевода», решается в данном ключе: «*les termes qui désignent des réalités existant dans la civilisation de la langue de départ mais n'existant pas ou pas encore dans celle de la langue d'arrivée*» [перевод мой – К.Г.; Lederer 2004: 121].

Согласно ИТП, предметом перевода является не язык оригинала, а устное или письменное высказывание (текст), представляющее собой единицу как одноязычной, так и двуязычной коммуникации – перевода [Bodrova–Gogenmos 2002]. Соответственно, реалия как составляющая часть высказывания также является единицей перевода – его предметом.

Вопрос передачи реалии при переводе, таким образом, становится частью важнейшей проблемы передачи национальной культуры и одной из главных задач переводчика.

Решение на перевод реалии принимается с учётом основных этапов переводческой деятельности, выделяемых ИТП: понимание, девербализация

(абстрагирование от его языковой формы) и ревербализация (выражение мыслей и чувств, представленных в тексте оригинала, средствами другого языка). Эти этапы являются универсальными и не зависят от задействованных в переводе комбинаций языков. А поскольку механизм понимания и воспроизведения текстов при переводе идентичен тому, который реализуется в условиях одноязычной коммуникации, при передаче смысла оригинала не следует опираться на лексико–синтаксические структуры, не свойственные языку перевода [Бодрова–Гоженмос 2006].

Первый этап представляет собой вычленение смысла текста, который не сводится к пониманию лексико–грамматических значений составляющих его языковых единиц и принципиально не отличается от понимания текста в условиях одноязычной коммуникации. Здесь наблюдается полное совпадение интерпретативной концепции с идеями, сформулированными М.М. Бахтиным при изучении речевого взаимодействия, в частности, с его утверждением об активном характере понимания текста как уникального, неповторимого высказывания, содержащего неповторимый смысл [Op.cit.: 46]. Термин «смысл» в рамках ИТП относится только к текстам, тогда как термин «значение» – исключительно к словам, взятым как отдельно, так и в составе сложных предложений, представленных вне коммуникативного контекста.

Таким образом, интерпретация текста – это, прежде всего, глубокое и активное его восприятие с целью извлечения смысла, складывающегося в результате слияния актуализированных значений слов и когнитивных дополнений (*compléments cognitifs*). Когнитивные дополнения являются составной частью когнитивного контекста (*contexte cognitif*), представляющего собой знания, полученные при чтении (прослушивании) исходного текста, а также частью когнитивного багажа (*bagage cognitif*), определяющего общую культуру переводчика, знания, накопленные им в процессе жизни [Dejean Le Feal 2000: 34; Бодрова–Гоженмос 2002: 13].

Вторым этапом переводческой деятельности является процесс девербализации (*deverbalisation*). Здесь переводчик отделяет форму от содержания путем

«забывания» нейтральных значений слов, которые, сливаясь воедино с внелингвистическими дополнениями, образуют смысл текста. Этот процесс подобен восприятию текста в одноязычной коммуникации, когда на этапе понимания текста значения слов «растворяются» в смысле целого высказывания, и мы не можем повторить те слова, которые мы сами использовали для выражения наших мыслей. В памяти говорящего сохраняется лишь смысл сказанного, на что в свое время обращал внимание М.М. Бахтин [Bodrova–Gogenmos 2005; Todorov 1981]. Девербализация неразрывно связана с процессом понимания текста, именно она обеспечивает извлечение смысла, которое в противном случае было бы невозможно. По мнению французских теоретиков, лингвистическая теория, опирающаяся на сопоставление двух языков, участвующих в процессе перевода, противоречит главной предпосылке фазы понимания – девербализации, т.е. отвлечению от вербальных форм исходного языка, которые служат для выражения смысла.

Третьим этапом переводческой деятельности является ревербализация (*réverbalisation*) или выражение смысла текста средствами другого языка.

На основе изложенного подхода к процессу перевода (который можно квалифицировать как когнитивно–дискурсивный и который сами авторы называют коммуникативным) решается проблема реалии как одной из важнейших составляющих культурной составляющих текста оригинала.

Анализируя переводы на французский язык произведений индийских и корейских писателей, М. Ледерер подчёркивает, прежде всего, значимость реалии в контексте и по отношению к другим элементам текста: «L'importance d'un fait culturel et la nécessité de son explication doivent toujours être pesées par rapport à l'ensemble de l'oeuvre» [Lederer 1998: 171]. ». La difficulté de la traduction du culturel pour le traducteur sera celle de toute traduction: parvenir à restituer l'atmosphère, à produire le même effet. Pour le lecteur ce sera d'accepter les faits inconnus, étranges ou même choquants et de les intégrer dans son bagage cognitif» [Ibid.; 2004: 123]. Необходимо также принимать во внимание невозможность воссоздания «чужой» культуры в тексте перевода в пол-

ном объеме. Миссия переводчика – воссоздать атмосферу произведения, помочь читателю понять незнакомые ему реалии и пополнить ими свой «когнитивный багаж» [перевод мой – К.Г.].

В этом плане позиция ИТП перекликается с точкой зрения А.Д. Швейцера относительно ориентации перевода на читателя. Переводчик, считает М. Ледерер, не должен терять из виду, что он делает перевод для читателя, который в процессе чтения расширяет и пополняет свой «когнитивный багаж». Читатель сам открывает другую культуру, а задача переводчика – помочь ему в этом, снимая этнографические лакуны [Delisle 1980: 17; Cormier 1990: 85] и придавая тексту большую или меньшую степень «этнологической» специфики [Lederer 1998: 166; Lederer 2004: 129].

Национально–специфические реалии так же переводимы, как и любой другой сегмент текста. На этапе вычленения смысла – понимание культурной составляющей – профессиональный переводчик, по определению, не должен испытывать трудностей: будучи личностью двуязычной и бикультурной, он одинаково в совершенстве владеет двумя языками и двумя культурами. Столкновение с какой–либо новой, неизвестной ему реалией лишь подталкивает его к пополнению своего когнитивного багажа [Op.cit.: 123].

Главные трудности, с которыми может встретиться переводчик, возникают у него исключительно на этапе ревербализации и связаны с поиском средств выражения данной реалии на другом языке.

Выбирая переводческое решение, переводчик, по мнению М. Ледерер, должен руководствоваться несколькими факторами, имеющими универсальный характер и распространяющимися на перевод любого слова, функционирующего в тексте. Эти критерии подробно рассматриваются автором на примере перевода на французский язык повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» [Ibid.].

Прежде всего, реалия должна переводиться с учётом контекста всего произведения, который, по ходу повествования, позволяет вносить уточне-

ния относительно неизвестного читателю перевода предмета с помощью представленной в тексте информации об образе жизни данного народа, его менталитете, реакции персонажей на описываемые события.

Следующий критерий, которым должен руководствоваться переводчик, – значимость реалии в контексте, её роль в сравнении с другими элементами текста и по отношению к этим другим элементам. При передаче реалии необходимо также принимать во внимание факт невозможности воссоздать «чужую» культуру в переводе в полном объёме [Lederer 1998: 171]. Прежде всего, задача переводчика – передать атмосферу произведения, помочь читателю понять незнакомые ему реалии и пополнить ими свой когнитивный багаж. В этом случае переводчик обязан ориентироваться на своего будущего читателя, который в процессе чтения сможет самостоятельно расширять и пополнять свой запас знаний. Читатель сам открывает для себя другую культуру, а задача переводчика – помочь ему в этом, снимая там, где возможно, этнографические лакуны и сохраняя в большей или меньшей степени национальный колорит текста.

Рассмотренная теория перевода реалии отражает одну из главных концепций общей теории перевода. Принципиальное значение для выбора способа передачи реалии приобретают категории семантической и прагматической эквивалентности текстов, а также такие факторы, как подчинение элементов целому, функциональная роль реалии в сообщении, жанрово–стилистические особенности текста. Сопоставительные исследования текста оригинала и перевода приводят учёных к выводу о том, что перевод никогда не ограничивается выбором из числа тех элементов, которые зафиксированы в словарях (даже самых подробных) как соответствия определенному слову оригинала. Словарь не в состоянии предвидеть все конкретные сочетания, в которые попадает слово, поэтому приоритетное значение приобретает контекст произведения.

Согласно ИТП, выбор способа передачи реалии осуществляется на основе комплексного подхода, который ориентирован на смысл текста

оригинала и обусловлен как объективными факторами, так и субъективными предпочтениями, интуицией самого переводчика. Особую роль в формировании смысла играет объективная природа текста: описываемая автором действительность, эпоха создания произведения, эстетическое кредо автора, круг его предполагаемых читателей. Эти условия позволяют переводчику очертить границы, внутри которых эксплицитно представленная в тексте информация дополняется необходимыми знаниями (когнитивными дополнениями). Передавая описываемые автором события, мысли и чувства персонажей, переводчик создает новое соотношение эксплицитного и имплицитного.

Переводчик призван понять логику текста, почувствовать его образность, эмоциональную нагрузку и передать читателю эквивалентную по своему эстетическому воздействию «интерпретацию» оригинала наиболее оптимальным вариантом. Поэтому при передаче реалии переводчик выбирает из множества способов тот, который позволяет эквивалентно выразить понятый им смысл, наилучшим образом отразить культурно-исторические различия и передать атмосферу ИТ, эксплицируя культурные импликации оригинала.

Следовательно, выбор способа передачи реалии превращается в творческую игру, которая через «квазисинонимы» все-таки приводит переводчика к правильному решению.

Интерпретативную модель перевода реалий (далее – ИМПР) следует изобразить в виде следующей схемы (см. рис. 6).

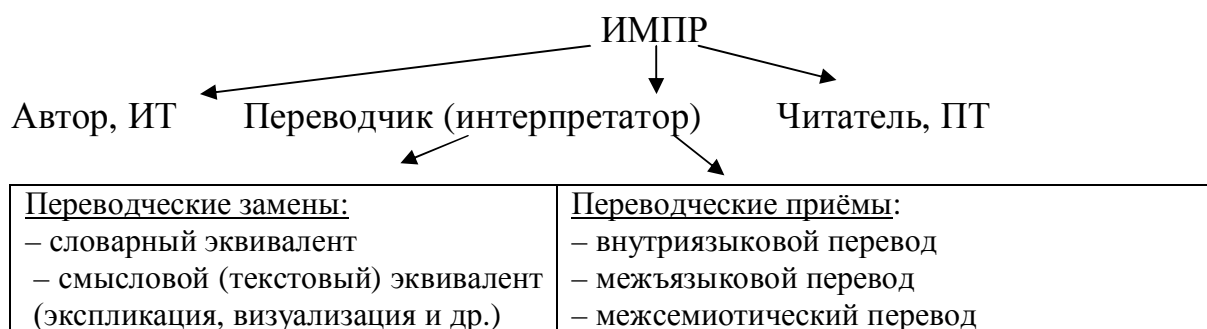

Рис. 6. Интерпретативная модель перевода реалий

Согласно ИМПР, переводческие решения подразделяются на замены и приёмы, которые призваны способствовать преобразованию смыслов ИЯ в смыслы ПЯ и передаче культурного наследия. Здесь основным приёмом передачи реалий становится смысловой перевод (экспликация, текстовый эквивалент).

Итак, согласно рассмотренным теориям перевода, реалия приобретает статус неотъемлемой части лексического материала и укрепляет свою позицию культурно маркированной лексики. С течением времени меняется терминология и расширяется арсенал переводческих решений. Попадая в ИЯ, реалия претерпевает следующие обязательные изменения: фонетическую ассимиляцию, морфологическую ассимиляцию и семантическую ассимиляцию. Безусловно, семантическая ассимиляция вызывает наибольшую сложность у мастеров перевода, именно здесь особенно ярко проявляется взаимодействие языка и культуры.

Выбирая переводческое решение, переводчик должен руководствоваться как языковыми (ЛТП), так и экстралингвистическими факторами (КТП, ИТП), имеющими универсальный характер. Особую роль в формировании смысла играют описываемая автором действительность, эпоха создания произведения, эстетическое кредо автора, круг его предполагаемых читателей, характер самой реалии и её значимость в контексте.

Весьма важным является то, что единичные, «непредусмотренные» лингвистической теорией эквиваленты не поддаются обобщению с помощью лингвистической теории перевода. В связи с тем, что переводческий процесс не сводится к процессу трансформации языка оригинала в язык текста перевода, различия между ИЯ и ПЯ – исходная данность (согласно КТП), предпосылка перевода, а не его «трудность» (согласно ЛТП).

Принципиально отличительной чертой ЛТП и КТП является заключительный этап переводческой деятельности: транскодирование ЛЕ одного языка в ЛЕ другого языка (ЛТП) и трансляция образов сознания из исходной культуры в другую культуру. Перевод реалий превращается в когни-

тивную игру, в которой всегда есть пути к победе (правильному переводческому решению).

Подводя итог всему вышесказанному, следует обратить внимание на значительную роль реалии в теории перевода, в переводческой деятельности, на её место в цепи взаимодействия языка и культуры. Реалия представляет собой квинтэссенцию культуры, аттрактора культурных смыслов. Она занимает одну из центральных позиций в тексте, является посланником культурных маркировок исходного текста и проводником в иноязычный мир с национальным своеобразием и колоритом, а также представляет весьма не простое, но интересное поле деятельности для переводчика.

Таким образом, реалии – это единицы синкретично сочетающие в себе информационные и культурные параметры, определяющие, с одной стороны, функциональную нагрузку оригинала в исходной культуре и, с другой стороны, служащие «точками опоры» для создания функционально адекватного перевода в культуре-реципиента [Цепков 2015].

2.2. Интегрированный подход к изучению реалий

Рассмотренные выше три частные теории перевода – лингвистическая (ЛТП), культурологическая (КТП) и интерпретативная (ИТП), – которые имеют как схожие позиции – зоны пересечения, так и отличительные черты, позволяют прийти к выводу о том, что реалия – это явление многогранное, требующее интегрированного подхода, она не может быть рассмотрена в свете одного научного подхода. В связи с этим реалию целесообразно рассмотреть сквозь призму интегрированного подхода к изучению языка. Перевод реалий, в свою очередь, требует также комплексного подхода, т.е. интеграции частных теорий перевода и выявления стратегического инвентаря.

По нашему мнению, интегрированный подход к изучению реалии можно охарактеризовать как *лингвокультурологический*, поскольку лингвокультурология, как комплексная наука синтезирующего типа, рассмат-

ривает соотношение языка и культуры в их взаимодействии и развитии, она нацелена на исследование менталитета, который воплощается в национальном языке, на изучение неродной культуры и языка на фоне культурологического образа мира народа–носителя этой культуры, представленного в форме языковых единиц их национального языка [Прядко 1999: 91]; направлена на познание мыслительной деятельности человека [Телия 1996]; ориентируется на современную систему норм и общечеловеческих ценностей [Воробьёв 1997], способствует исследованию языка через призму культуры [Рапопорт 1999: 11].

Культура в лингвокультурологии понимается как полифункциональная система [Матвеева 1996: 3], как наивысший уровень языка, где текст становится точкой взаимодействия языкового и культурного уровней [Мурзин 1996: 8]; как часть картины мира, как тип знаний, который отражает «сведения о рефлексивном самопознании человека в процессах его жизненных практик» [Телия 1999: 18]. В последнее время особое внимание уделяется проблеме лингвокультурологического концепта [Карасик 2002; Лучинина 2004; Медведева 1999; Попова, Стернин 2001; Рудакова 2004], а также «переводу как каналу взаимодействия культур и языков» [Галеева 2002; Фененко 2001] и проблеме внутриязыкового перевода, поставленной Р.Якобсоном [Якобсон 1985].

Н.А.Фененко выделяет в качестве нового направления исследования, связанные «с темой «язык и действительность», которая предстает в виде проблемы «язык и чужая действительность» или «лингвистическое освоение действительности»» [Фененко 2001: 17]. Автор исходит из того, что существуют 1) «реальные артефакты и натурфакты, составляющие среду обитания социума, 2) культура как идеальный эквивалент среды обитания социума, включающая помимо объективной, субъективную идеальную реальность, составляющую идеальную среду обитания социума; при этом «по ощущению достоверности и непреложности для представителей данного социума субъективная реальность ничуть не уступает объективной

реальности» 3) язык, располагающий средствами номинации концептов – словами и словосочетаниями.

В лингвокультурологии в равной степени представлено лингвистическое начало, что позволяет изучать языковые единицы, формы, а также культурный фон, т.е. номинативные единицы (слова и фразеологизмы). Культурологическое начало дает возможность познавать посредством языковых реалий культурные традиции, обычаи, различные стороны жизни общества, значимые культурные ценности, закрепленные в памяти народа.

Ценности, как одна из основных категорий культурологии, становятся одним из ключевых понятий лингвокультурологии. Принадлежность к национальной культуре реалий определяется их использованием в художественных текстах, которые являются истинными хранителями культуры и отражают исторический, материальный и духовный опыт, накопленный обществом за период его развития. Именно в них зафиксированы ценности, которые стали приоритетными для данной культуры.

Согласно И.Э. Клюканову, каждая культура выступает как лакунизированный объект, постепенно заполняющийся различными интерпретациями, исходящими от других культур [Клюканов 1998: 50]. В результате различного коммуникативного потенциала знаков возникает своеобразное силовое поле межкультурного взаимодействия. Реалии, будучи безэквивалентными знаками, находятся в области стопроцентной лакунизованности. Их перевод как продолжение семиозиса обеспечивается за счет обращения к универсальным характеристикам, в то время как делакунизованность (формально–логическая эквивалентность) коммуникативного универсума межкультурного взаимодействия поддерживается частными (локальными) характеристиками [Ibid.].

Специалисты в области лингвокультурологии предлагают ряд номинаций для культурно–специфической лексики. Например, П.Н. Донец считает нецелесообразным использовать при изучении взаимосвязи языка и культуры

термин культурема, получивший распространение в отечественном языкознании в связи с работами В.Г. Гака [Гак 1998], а также термин лингвокультурема (Н.В. Меркулова, Л.Г. Веденина, В.Н. Базылев). Во-первых, по мнению П.Н. Донца, эти термины страдают очевидными недостатками бихевиоризма [недифференцированность понятий «деятельность» и «поведение», сужение культуремы до поведения]. Во-вторых, эти термины не учитывают контрастно–культурологическую подоплеку феномена межкультурной коммуникации [Донец 2004: 93].

Термины «культурный стандарт» (А. Томас) и «культурный символ» П.Н. Донец считает также недостаточно корректными. Кроме того, понятие «символ» уже задействовано в лингвистике и семиотике как общий термин для знака (или одной из разновидностей знаков).

В списке номинаций особое место занимает категория лакунарности [Сорокин 1998; Клюканов 1998; Быкова 1999] как своего рода собирательного (родового) понятия для всевозможных межкультурных, межъязыковых и межтекстовых расхождений, проявляющихся в межкультурной коммуникации и при межкультурном сопоставлении. Классификация лакун включает более 40 типов и, что примечательно, носит в значительной степени таксономический характер. «Внутренняя форма» термина лакуна показательна в смысле трудностей, которые обуславливаются её «биполярностью», тем, что она возникает при сопоставлении и взаимодействии двух языков и культур, в ситуации контраста.

Согласно П.Н. Донцу, на роль базовой единицы лучше подходит новый термин «специалия». Эта категория мыслится как единица максимально высокого уровня обобщения, охватывающая все виды специфики культуры, языка, а также речи и текстов на этом языке (дискурса). Вместе с «лакуной» «специалия» образует бинарную единицу контраста, охватывающего, в свою очередь, все виды несовпадений между сопоставляемыми культурами, языками, дискурсами и текстами [Донец 2004].

Следовательно, вся сфера специфических явлений, возникающих на стыке, при сопоставлении и контакте двух языков и культур, может быть первоначально подразделена на культурные, (системно–) языковые, дискурсивные и текстовые специализации [Донец 2006].

Однако сам автор считает, что введенная категория «специалий» не может претендовать на статус рабочей исследовательской единицы текста – для этого её содержание слишком расплывчато. Эту единицу можно использовать лишь для теоретических построений общего характера или в качестве гиперонима в кореферентных терминологических цепочках.

Постепенно популярным становится более «рафинированный» пласт безэквивалентной лексики, связанной уже не с материальной культурой, как раньше, но с уникальными явлениями духовной культуры или общественной жизни. В обиход вошли «культурные слова»: дружба, милосердие, воля, душа и т.п., не имеющие печати культурного своеобразия в своем «необходимом и достаточном» значении, но обнаруживающие специфическую конфигурацию коннотативного уровня семантики. Именно здесь стало возможным собственно лингвистическое приращение анализа, базирующегося на всестороннем изучении системных связей слов [Березович 2004: 3].

Выявляя логику распределения «языковых» и «культурных» смыслов, обнаруживающих как общие зоны, так и специфические, а также закономерности взаимовлияния языковой и внеязыковых форм культуры, Е.Л. Березович отмечает, что перечень выделенных на сегодняшний день параметров интерпретации семантических полей, безусловно, является неполным и открытым. Поиск новых параметров следует вести, исходя из некоторых общих принципов, предполагающих «панорамное» рассмотрение изучаемых семантических феноменов, их сопоставление и оценку. Исследования в намеченных направлениях позволят получить системное описание лексики [Op.cit.: 22].

В данной работе предпочтение отдано общеизвестному термину реалия. На наш взгляд, он является самым удачным для обозначения культуроспецифичной лексики.

Таким образом, в свете интегрированного подхода, который мы именуем как *лингвокультурологический*, реалия рассматривается как один из значимых элементов текста, представляющий собой культурную ценность, выступающий как хранитель национального и исторического колорита, как средство межкультурного взаимодействия.

Соответственно, перевод реалий – это передача культурных ценностей с одного языка на другой, а выбор переводческого решения при передаче реалий позволяет преодолеть культурный барьер путем построения между различными культурами своеобразного моста. В связи с этим неотъемлемой частью лингвокультурологического подхода к рассмотрению реалий становится создание интегрированной модели перевода реалий.

Реалии представляют собой одну из главных трудностей при переводе художественного текста, поскольку по определению они не имеют аналогов в принимающей культуре. В связи с данной проблемой исследователи занимаются разработкой различных классификаций стратегий и приёмов перевода реалий. В нашем исследовании представлена разработанная и дополненная нами модель перевода реалий на основе типологий, описанных И.С. Алексеевой [2004] и С. Влаховым и С. Флориным [1986]. Данная интегрированная модель включает 5 основных стратегий перевода и конкретные переводческие приёмы (см. рис. 7).

Таким образом, выстраивается следующая двухуровневая цепочка: стратегии —>приёмы, которыми руководствуется переводчик при осуществлении перевода реалий.

В центре данной модели находится личность переводчика, у которого с одной стороны – текст оригинала, с другой – задача создать новое произведение – перевод. В его арсенале имеются переводческие стратегии, «одомашнивание vs остранение» и «архаизация vs модернизация vs синхронизация» (см. пункт 2.1.1.), а также переводческие приёмы.

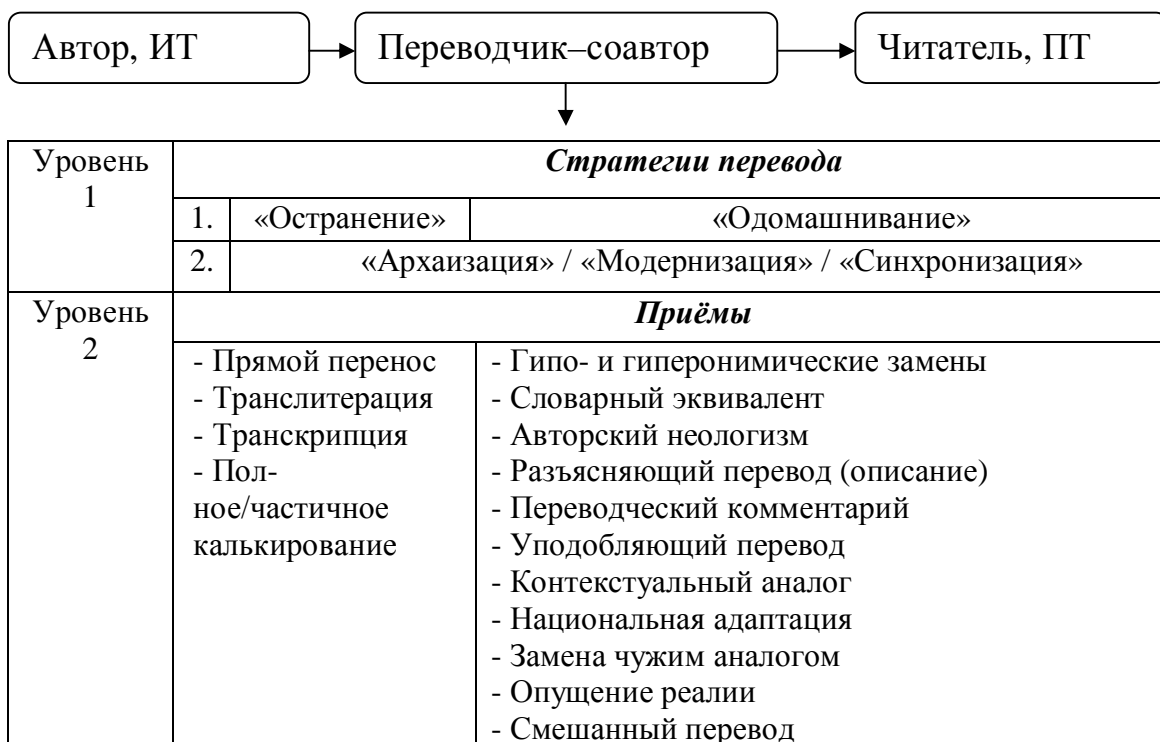

Рис. 7. Интегрированная модель перевода реалий

Итак, в нашем понимании интегрированная модель – это комплексная модель перевода реалий, отражающая интеграцию трёх основных подходов (рассмотренных выше) к изучению реалий, учитывающая основные особенности перевода данных ЛЕ. В зависимости от вида реалий (применительно к языковому материалу) набор переводческих приёмов может меняться. Например, при переводе географических реалий основными приёмами будут транскрипция и словарный эквивалент, а при переводе этнографических реалий – семантические приёмы перевода.

2.3. Реалия в аспекте сопоставительной лингвистики

В трудах по сопоставительной стилистике [Vinay, Darbelnet 1969; Степанов 2003], а также по сопоставительной семантике [Будагов 2004; Гак 1977 а; Гак 1977 б] детально разработана процедура системного сопоставительного исследования французского языка на фоне другого, в «зеркале» другого языка.

В работе Шарля Балли «Общая лингвистики и вопросы французского языка» [Балли 1955] наиболее полно и последовательно представлены методология и методика сопоставительного анализа (с целью установления структурных и функциональных сходств и различий между языками независимо от степени их родства).

Заметный интерес к национально-культурной специфике семантики существенно продвинул вперед исследование проблем семантической структуры слова всего за несколько десятилетий и позволил детально разработать методику её изучения, описания и системного представления.

В.Г. Гак, призывая изучать «русский язык в зеркале французского», ставил задачу выявлять функциональные межъязыковые соответствия, обращаясь к сопоставительному анализу текстов. О необходимости поиска функционально соответствующих друг другу средств в разных языках говорили и специалисты по теории перевода. «Задача теории перевода - раскрыть внутренние ресурсы таких функциональных подобиий в двух сопоставляемых языках. Наука, обнаруживающая эти ресурсы, должна называться сопоставительной стилистикой» [Фёдоров 2002: 12]. Позиционируя сопоставительную стилистику как базу для теории перевода, учёные поставили вопрос о взаимосоответствии элементов разных ярусов с точки зрения их функций в разных языках (например, синтаксическое средство – инверсия в русском языке – как возможный носитель функции архаизации речи, которая будет выполняться лексическим элементом в другом языке) [Ibid.]. Анализ слова и сочетания слов с учётом широкого контекста «составляет наиболее объективный и исчерпывающий метод изучения реального словоупотребления в художественном тексте» [Ibid.], поскольку именно в широком контексте осуществимы разнообразные компенсации, замены и другие средства, которыми переводчик реально добивается смыслового и художественного соответствия подлиннику [Op.cit.: 23].

Современные сопоставительные исследования направлены на анализ концепта в его отношении к слову, к значению, созданию полевой модели

концепта. Особую ценность в этой связи имеют работы З.Д. Поповой, И.А. Стернина и их учеников [Попова, Стернин 2001], в которых детально разработаны и апробированы методология и методика анализа языкового материала.

Согласно контрастивной лингвистике, языки – это системы значений, специфические комбинации возможностей обозначения. Следовательно, они позволяют обозначать «одно и то же» с помощью различных значений: идентичность значений в различных языках. Задача перевода – поскольку именно обозначения в исходном тексте и в тексте перевода должны оставаться неизменными – заключается в том, чтобы обозначать одно и то же с помощью разных значений. Обозначения должны быть известны, чтобы оставаться неизменными. Следовательно, переводчик должен их сначала точно идентифицировать в тексте оригинала – или, во всяком случае, в той мере, в какой это необходимо с точки зрения их передачи с помощью других значений, – и лишь затем соотносить эти обозначения с подходящими значениями в языке перевода.

Это означает, что переводчику в зависимости от языков, с которых и на которые он переводит, большей частью приходится идентифицировать в исходном тексте различные типы обозначений. В первой фазе перевода (интерпретация текста для перевода) переводчик идет «семасиологическим» путем: от языковых знаков (т.е. от значений) к внеязыковым обозначениям; напротив, во второй фазе («передача») он идет «ономасиологическим» путем, т.е. от обозначений к значениям (языка перевода). То, что он «переводит», – это всегда обозначения; а значениями он оперирует постольку, поскольку в первом случае они для него являются инструментами интерпретации, а во втором – инструментами обозначения. Межъязыковые «соответствия», или «эквивалентности», хотя и устанавливаются между значениями, но не как эквивалентности между самими значениями, а всегда в опоре на обозначение: в каждом отдельном случае речь идет о конкретных соответствиях в обозначениях внеязыковых сущностей. «Переводческие ошибки» могут возникать как при интерпретации обозначений (в

«семасиологической» фазе), так и при выборе соответствующих значений в языке перевода (в «ономасиологической» фазе) [Косериу 1981].

Отчетливо ориентируясь на предложенную выше интерпретацию, учёные предлагают для обеих выполняемых переводчиком операций следующие термины – "декодировать" и "закодировать". Переводчик вначале действительно должен «освободить от языковой оболочки» обозначения, содержащиеся в исходном тексте, т.е. от значений исходного языка для того, чтобы затем «облечь их в языковую оболочку», т.е. заново оформить их с помощью значений языка перевода. Правда, полное «декодирование» необходимо только для идеального перевода (на любой язык). Обычно переводчик с самого начала уже учитывает значения того языка, на который он переводит; это означает, что на практике он осуществляет «декодирование» лишь в той мере, в какой это необходимо для оформления обозначений с помощью значений языка перевода. Переводчику приходится выполнять эту операцию всякий раз, когда в языке перевода проводятся разграничения, не известные в языке оригинала (или когда в языке перевода разграничения проводятся иным способом). Более того, в подобных случаях ему приходится произвольно производить декодирование, если в тексте оригинала он не находит достаточной опоры для обоснованной идентификации обозначаемого [Ibid.].

Таким образом, в основе контрастивной лингвистики лежит понятие межъязыкового соответствия [Махонина, Стернин 2006], под которым понимают единицы разных языков, имеющие сходства в семном составе; или сходные по семантике единицы двух языков, которые могут быть поставлены друг другу в соответствие независимо от того, часто ли они используются для взаимного перевода или могут быть использованы для перевода лишь теоретически, в некоторых специальных контекстах.

Важным моментом при контрастивном описании лексики является количество лексических единиц языка сопоставления, приведенных в соответствие исследуемой единицей исходного языка. Исходя из этого выде-

ляют три типа соответствий: линейные (единице исходного языка соответствует лишь одна единица языка сопоставления, не имеющая синонимического ряда, например, *январь* – *janvier* (фр.)), векторные (единице исходного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления, выражающие различные семантико-стилистические оттенки или же разные значения, например, гипонимы и гиперонимы) и лакуны. Реалии входят в третий тип соответствий, имеющий в качестве коррелята лакуну. Определить, систематизировать и классифицировать лакуны возможно лишь благодаря переводу и процессу перевода, так как лакуна есть результат тесного контакта культур [Карасёва 2012].

Виды межъязыковых соответствий устанавливаются с помощью двуязычных переводных словарей, синонимичных словарей путем опроса информантов и привлечения данных текстовых материалов. Результаты контрастивного анализа лексики находят отражение в контрастивных двуязычных словарях, а также в исследованиях по сопоставительным проблемам коммуникативного поведения.

Контрастивное описание лексики позволяет сделать выводы, касающиеся соотношения разных типов соответствий, а также индекса национальной специфики лексической группировки (отношение количества семем с национальной спецификой и безэквивалентных единиц к общему числу семем группировки).

Особое направление сопоставительных исследований представлено разработкой словарей безэквивалентной лексики [Махонина, Стернина 2006], которые показывают, каким образом можно связать чисто техническое лингвистическое описание с переводом текстов [Ферс 1978: 34].

В настоящее время многие специалисты в области теории перевода разделяют мнение о том, что в структуре концепта переводческой деятельности определенная роль отводится компаративности. В традиционном переводоведении переводимость и сравнение (культур, текстов, ситуаций, языковых элементов) были настолько тесно переплетены, что обычным считался вопрос

«не о том, является ли по своей сути перевод сравнением или нет, а о том, какие критерии лежат в основе этого сравнения» [Фесенко 2004]. В этой связи Т.А. Фесенко замечает, что перевод как компаративный процесс, свойственен переводчикам-непрофессионалам, поскольку они ограничиваются стремлением к корреспондированию констативных единиц исходной и конечной систем, в то время как профессиональные переводчики стремятся к их когерентности. С позиций когнитивной науки в основе переводческой деятельности лежит не сравнение, но понимание, которое, по сути, определяет «стратегический потенциал» переводчика [Ibid.].

Анализируя исследовательские подходы, которые превалировали при межъязыковых и межкультурных сопоставлениях, А.А. Залевская отмечает, что контрастивный метод сыграл значительную роль в проведении межъязыковых и межкультурных сопоставлений. Он прошел путь от признания его основным и достаточным методом выявления «критических» моментов в рассматриваемых языках и культурах через определенное разочарование в прогнозе возможностей его использования в сочетании с другими исследовательскими процедурами [Залевская 2005].

Подводя итог всему вышесказанному, применительно к нашему материалу, систематизировать реалии возможно лишь благодаря переводу и процессу перевода, т.е. с помощью контрастивного метода, а именно сопоставительного анализа формы, значения и дистрибуции данных лексических единиц при их передаче с одного языка на другой [Гак 1998]. Необходимость в определённых переводческих преобразованиях может объясняться лингвистическими причинами, а именно: несовпадениями ИЯ и ПЯ на уровне системы: фонетическом, морфологическом и семантическом, нормы и узуса, т.е. тем, что в ИЯ и ПЯ не совпадают средства выражения эквивалентных значений или средства описания аналогичных ситуаций. Частные теории перевода должны учитывать результаты контрастивного сопоставления ИЯ и ПЯ на всех трёх уровнях – системы, нормы и узуса – и вырабатывать соответствующие рекомендации. Причины переводческих

преобразований могут носить экстралингвистический характер, что имеет немаловажное значение в ряду общих закономерностей перевода [Иванова 2004].

Следовательно, современные методы сопоставительной лингвистики, на наш взгляд, будут наиболее эффективными для исследования реалий, а именно для выявления общностей и различий стратегий и приёмов перевода реалий в разных языковых системах (в данной работе – на материале ОР русского и французского языков).

3. Оним и реалия

3.1. Ономастическая реалия с точки зрения лингвистики и теории перевода

Проведя теоретическое исследование онимов и реалий, можно прийти к выводу о том, что данные языковые явления имеют как сходства, так различия в классификациях и в стратегиях и приёмах перевода данных ЛЕ с одного языка на другой. Возникает вопрос: «Какой термин можно использовать для наименования смежного понятия, сочетающего в себе сущностных характеристики онима и культурную маркированность реалии, т.е. точки пересечения данных явлений в категориях (рис. 8), характеристиках (как языковые знаки – рис. 9)) и моделях перевода (рис. 10)»?

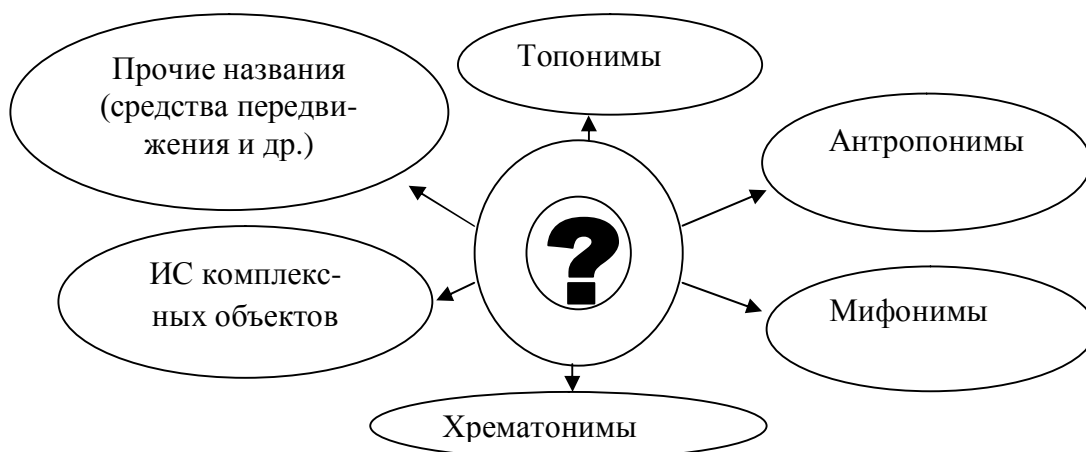

Рис. 8. «Гибридная» схема онимов и реалий

Опираясь на модель треугольника Огдена-Ричардса (1923) оним и реалию как языковые знаки можно представить в следующем виде (см. рис.9.). Реалия – это более широкое понятие, чем оним, оно может вклю-

чать оним в свой состав, т.е. (согласно В.С. Виноградову) имя собственное – это всегда реалия, а реалия – не всегда оним. Из рисунка 9 видно, что реалия и оним могут выступать денотатами одного референта, соответственно, общего сигнификата). Следовательно, возникает область пересечения двух денотатов (выделено пунктирной линией), которая требует соответствующего определения.

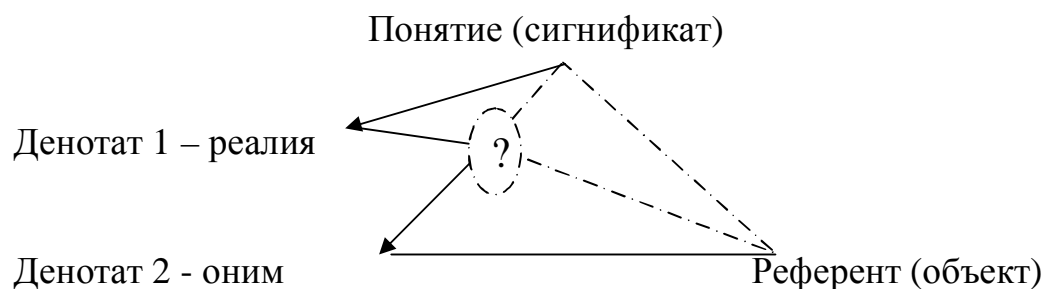

Рис. 9. Оним и реалия как языковые знаки

Далее представлена модель перевода, которая включает в себя три уровня: переводческие стратегии (свойственные реалиям) и приёмы, характерные как для онимов, так и для реалий, но требующая своей номинативной единицы (отсюда в названии рисунка присутствует вопросительный знак – см. рис. 10). В связи с тем, что ономастическая лексика может быть представлена в тексте как именами историческими, так и современными, «своими» и «чужими», а также перевод онимов требует учёта исторической традиции, то вышеуказанные переводческие стратегии могут использоваться и при переводе имён собственных. Для реалий данная модель не является исчерпывающей, поскольку для разных категорий реалий требуется большой арсенал переводческих приёмов, а для онимов, напротив, – избыточной, поскольку основными приёмами перевода, как правило, являются транскрипция, транслитерация и прямой перенос (см. рис. 2).

Уровень 1	<i>Стратегии перевода</i>		
	1.	«Остранение»	«Одомашнивание»
	2.	«Архаизация» / «Модернизация» / «Синхронизация»	
Уровень 2	<i>Приёмы</i>		
	- Прямой перенос - Транслитерация - Транскрипция - Полное/частичное калькирование	- Гипо- и гиперонимические замены - Словарный эквивалент	- Авторский неологизм - Разъясняющий перевод - Уподобляющий перевод - Контекстуальный аналог - Национальная адаптация - Замена чужим аналогом - Смешанный перевод - Опускание реалии (нейтрализация)

Рис. 10. Модель перевода (?)

Вслед за В.С. Виноградовым, Г.Д. Томахиным, В.А. Ражиной мы признаем общеизвестный термин «ономастическая реалия», который обозначает реалию, являющуюся именем собственным или включающую в себя имя собственное. Именно данное понятие наилучшим образом вписывается в разработанные нами «гибридные» схемы (рис. 7, рис.8, рис.9) и служит ответом на выше поставленный вопрос.

Яркое коннотативное значение, обуславливающее способность передавать национальный и/или исторический колорит роднит имена собственные имена с реалиями. Как и реалии, имена собственные являются яркими носителями колорита и национального своеобразия подлинника, они находятся на периферии языка, то есть относятся к так называемой безэквивалентной лексике, именно это заставляет нас и ряд других авторов причислять ономастическую лексику к реалиям.

Более того, таблица 1 служит доказательством того, что термин «ономастическая реалия» признаётся широко известным среди большинства лингвистов и языковедов.

Таблица 1. ОР как общепризнанный термин

Учёный	Имя собственное / реалия	ОР
Ахманова О.С.	+	
Бархударов Л.С.	+	
Верещагин Е.М.		+
Виноградов В.С.		+
Влахов С.	+	
Комиссаров В.Н.	+	
Костомаров В.Г.		+
Миньяр-Белоручев Р.К.		+
Ражина В.А.		+
Рецкер И.Я.	+	
Томахин Г.Д.		+
Фененко Н.А.		+
Фесенко Т.А.		+
Фёдоров А.В.		+
Флорин С.	+	
Швейцер А.Д.	+	

В данной таблице представлены две точки зрения (которые отмечены + в случае принадлежности к одной или другой): 1. Учёные рассматривают имя собственное и реалию как оппозицию – два разных понятия и 2. Признается существование «гибрида», т.е. термина «ономастическая реалия».

Термин «ономастическая реалия» вошёл в лингвистическое пространство в конце прошлого столетия и, как установлено, признается широко известным. Несмотря на этот факт, помимо трудов В.С. Виноградова и Г.Д. Томахина, Ражиной В.А. вышло несколько научных публикаций, углублённо рассматривающие данное явление [Бугрышева 2014; Потурева, Русакова 2014].

Следовательно, ОР до сих пор еще мало изучены и представляют интересное поле для исследований, особенно в ракурсе сопоставления их формы, содержания, нормы и узуса в разных языковых системах.

Итак, ОР представляют собой самостоятельный вид реалий, особую знаковую подсистему, основным параметром которой является большая зависимость от социокультурных обстоятельств (по сравнению с нарицательной лексикой).

В отличие от теоретиков С. Влахова и С. Флорина, которые не причисляют имена собственные к реалиям, В.С. Виноградов и Г.Д. Томахин полагают, что даже общие имена собственные маркированы культурными, историческими особенностями определенного народа. В плане содержания отличительной чертой реалии и смыслового имени собственного по сравнению с другими словами является характер их предметного содержания, т.е. тесная связь референта – обозначаемого ими предмета, понятия, явления – с народом, с одной стороны, и с национально–историческим колоритом, с другой.

Следовательно, ОР являются национально-окрашенными единицами, отражающие культурный и исторический колорит художественного произведения. Обладая богатой семантической природой, данные ЛЕ являются опорными в тексте, поэтому они требуют пристального внимания переводчиков.

В.С. Виноградов посвящает ОР специальный параграф (§ 26) в своем труде «Перевод: Общие лексические вопросы», а также он утверждает, что «имя собственное – всегда реалия» [Виноградов 2004: 110–113].

К ОР учёный причисляет:

– антропонимы (общие имена и фамилии (*Жуан, Педро, Иван Соловьёв*); индивидуальные имена и фамилии (известные общественные деятели, артисты + комментарии))

– топонимы – географические названия (обычные (*Москва, Париж*)); мемориативные, которым присуще наличие смысловой информации (Например, *Нумансия – древний испанский город и символ мужества*)

– имена литературных героев (*Сид, Алёнушка*)

– названия компаний, музеев, театров, дворцов, ресторанов, магазинов и т.д.

Г.Д. Томахин, исследуя ОР американской действительности, классифицирует их следующим образом: 1. Топонимы; 2. Антропонимы; 3. Репрезентативные имена: а) Имена, репрезентирующие национальности,

имена – символы национальностей; б) Имена, обозначающие простых людей; в) Имена–заместители подлинных имен в юридических документах; г) Имена, символизирующие профессии; д) Имена–прозвища; 4. “Загубленные” имена. Это имена литературных героев с отрицательной коннотацией, герои наделены такими именами в связи с совершением какого–либо постыдного деяния; 5. Аллюзивные имена. (а) Имена библейских персонажей, получившие широко известные коннотации; б) Имена персонажей античной мифологии; в) Имена персонажей мировой литературы; г) Имена персонажей американской литературы; д) Переносные значения имен собственных); 6. Прозвища; 7. Сказочные персонажи [Томахин 1988: 197].

Наиболее удачной классификацией ОР, на наш взгляд, является их функционально-семантическое членение на: полиреферентные (общие имена и названия: антропонимы, топонимы), монореферентные (индивидуальные имена, имена сказочных персонажей), которые могут быть или не быть прецедентными ОР (см. п. 1.2.2. глава 1).

Указанная функционально-семантическая классификация, а также разработанная теоретическая модель перевода ОР взяты за основу практического исследования данной диссертационной работы (см. глава 2 «Сопоставление стратегий и приёмов перевода ономастических реалий»).

Выводы по главе 1

- 1) Имя собственное и реалия обладают общим арсеналом характеристик, признаков и свойств. Этот факт заставляет обратиться к смежному понятию «ономастическая реалия», которое является общепризнанным и которое включает в себя основные черты, присущие как имени собственному, так и реалии. Для разностороннего изучения ОР необходимо исследовать её составляющие: оним и реалию в отдельности.
- 2) Онимы выполняют не только функцию наименования, но и являются теми немногими словами, сама форма которых указывает на националь-

ную принадлежность наименованного предмета мысли, т.е. они способны способствовать сохранению национального колорита оригинала в переводе.

3) Реалии – это многослойное образование, национально окрашенные единицы языка, специфика которых проявляется в переводе, приобретают важный статус в теории перевода, в переводческой деятельности и занимают одно из центральных мест в цепи взаимодействия языка и культуры. Глубокое знание реалий необходимо для правильного понимания явлений и фактов, относящихся к повседневной действительности народов, говорящих на данном языке. Реалия представляет собой квинтэссенцию культуры. Она занимает одну из центральных позиций в двуязычной опосредованной коммуникации, является посланником культурных маркировок исходного текста и проводником в иноязычный мир с национальным своеобразием и колоритом.

4) Три частные теории перевода (ЛТП, КТП и ИТП) детально рассматривают культуроспецифичную лексику. В рамках ЛТП появляется необходимость привлечения внеязыковых факторов выбора переводческих решений. В КТП реалия становится частью концептуальной картины перевода, данный подход обуславливает перевод реалий, как спецификой построения вербальной цепи, так и спецификой образов сознания, отражающих культуру. ИТП рассматривает перевод реалий как взаимодействие языка и культуры, как интерпретацию одной культуры средствами языка другой культуры.

5) Интегрированным подходом к изучению реалий и их переводу является, в нашем понимании, лингвокультурологический, поскольку он сочетает в себе три основных подхода (ЛТП, КТП и ИТП) к рассмотрению реалий и отражает культурную значимость данных ЛЕ. Лингвокультурологический подход принимает во внимание, как лингвистическое начало, так и культурный фон безэквивалентной лексики.

6) Общие категории онимов и реалий, их характеристика как языковых знаков, а также переводческие стратегии «одомашнивание vs остранение», «архаизация vs модернизация vs синхронизация» и приёмы перевода от-

сылают нас к понятию ОР. При переводе рассматриваемые ЛЕ не могут быть ограничены транскрипцией и транслитерацией.

7) ОР обладают богатой семантической природой, поэтому для них актуальным является функционально-семантическое деление на категории: полиреферентные и монореферентные, которые, в свою очередь, могут быть прецедентными.

8) Классифицировать и систематизировать ОР возможно благодаря переводу и процессу перевода, а современные методы сопоставительной лингвистики, на наш взгляд, будут наиболее эффективными для исследования стратегий и приёмов перевода ОР русского и французского языков в диахронии с целью выявления общностей и различий в данных языковых системах.

Глава 2. СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЙ И ПРИЁМОВ ПЕРЕВОДА ОНОМАСТИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

1. Перевод ономастических реалий

Рассмотрим стратегии и приёмы перевода ОР согласно их функционально-семантической классификации (на полиреферентные и монореферентные с подвидом прецедентных ОР).

1.1. Полиреферентные ономастические реалии

К полиреферентным ОР следует отнести:

- множественные антропонимы (имена, фамилии, отчества);
- множественные прозвища;
- множественные топонимы.

Такие ОР в языковом сознании коллектива не связываются с каким-то одним объектом. Например, множественные антропонимы характеризуются тем, что коммуникативная сфера, в которой они однозначно определяют одного референта, ограничена. Следовательно, при введении их в более широкую сферу общения им обязательно должен сопутствовать уточняющий контекст.

К антропонимам относятся все виды личных и фамильных имён. В разных странах набор имён, из которых состоит официальное именование человека, не всегда одинаков. Во франкоязычных странах система имён включает личное имя (*prénom*) и фамилию (*nom*), но нередко также двойные личные имена, двойные фамилии.

Существенным различием между русским и французским языками является наличие отчеств в русском языке, которые не имеют аналогов в европейских языках. При транскрипции русских обращений по имени-отчеству на французский язык отчества нередко воспринимаются как фамилии.

Особенностью личных имён является то, что они обладают большой способностью к образованию вариантов, или дериватов. Дериваты пред-

ставляют собой все производные имена: сокращённые, ласкательные, уменьшительные и фамильярные (фр. *diminutifs*), не поддающиеся чёткой дифференциации.

Во французском языке разграничиваются два основных типа дериватов: сокращения (*Frédéric – Fred*) и субъективно-оценочные формы (*Frédi, Cathie*), которые противопоставлены полным формам, тяготеющим к официальному стилю речи.

Отличительной особенностью французских личных имён является их относительная устойчивость в пределах функционального стиля. В отличие от русского языка, где присутствует большая вариативность в употреблении полных и уменьшительно-ласкательных, сокращённых форм (*например, Николай – Коля – Колька, Коленька, Колян и т.д.*), во французском языке за человеком закрепляется преимущественно одна форма имени, которая используется в подавляющем большинстве случаев.

В своей основе парадигматика личных имён во французском и русском языках имеет много общего, и русскому читателю в принципе понятна разница в употреблении полных форм и дериватов в тех случаях, когда первые соответствуют более официальной ситуации, а вторые отражают более интимные, дружеские отношения между говорящим и носителем имени. Соответственно, в таких случаях передача имени по известным правилам практической транскрипции и транслитерации в той форме, в какой имя встречается в тексте, достаточна для эквивалентной передачи прагматического аспекта значения имени [Ермолович 2001: 39].

Современные правила практической транскрипции приведены в данной работе в приложении 1, а особенности транскрипции ОР исходя из анализа языкового материала рассматриваются в данной главе в пункте 1.4.1. (табл. 5, табл. 6).

Известно, что французские антропонимы гораздо более стабильны относительно различных ситуаций, чем русские. В этой связи разница в форме личного имени может свидетельствовать не столько о разнице в си-

туации или индивидуальных намерениях говорящего, сколько о разнице социальных стереотипов восприятия. Следовательно, переводчик должен иметь в виду, что парадигматика иноязычных имён не всегда хорошо осознаётся читателем на ПЯ. Более того, возможно сильное отличие деривата от полного имени, в этом случае тождество антропонима нарушается.

Если вариантность имени затрудняет доступность текста, то в распоряжении у переводчика имеется приём национальной адаптации, компенсации, когда субъективное отношение говорящего может быть передано посредством прочих элементов или даже через замену имени нарицательным эмоционально-оценочным словом [Op.cit.: 40].

«Отчества также являются видом множественных антропонимов, так как одно и то же отчество может принадлежать большому числу самых разных людей. Это весьма специфическая форма именованья по отцу, свойственная в Европе лишь русскому и ещё нескольким славянским языкам. Отчества стали упоминаться в русских письменных источниках около XII века, то есть возникли намного раньше фамилий, система которых сформировалась в нашей стране только в XVII–XVIII веках» [Ibid.].

Отчества не отличались по форме от современных фамилий, то есть имели окончания -ов, -ев, -ин, а не только -ич, -евич, -ович, как в современную эпоху. Полными отчествами на -ич, -евич, -ович именовались только представители высшего сословия, а отчества на -ов, -ев, -ин (так называемые полуотчества) использовались для лиц с более низким социальным статусом. Таким образом, официальная система именованья людей в русском обществе той эпохи складывалась, из двух компонентов – имени и отчества или прозвища [Op.cit.: 54].

«В XVII–XVIII веках на основе прозвищ и отчеств в русском языке сформировалась система фамилий, то есть имён, общих для одной семьи и потомственной линии, и постепенно официальная система полного именованья человека в России приобрела трёхэлементный вид (имя, отчество, фамилия)» [Ibid.].

В современную эпоху сочетание личного имени и отчества служит, прежде всего, показателем уважительного отношения к нему. Русское отчество в этой функции неотделимо от личного имени. Обращение к кому-либо только по отчеству носит оттенок просторечности и фамильярности.

Самым популярным периодом отчеств можно считать советский, когда необходимость образования отчеств и включения их в именование человека была распространена и на другие народы, населявшие Советский Союз. После его распада от официального использования отчеств отказались не только его бывшие республики, но и – в отношении ряда национальностей – некоторые республики в составе Российской Федерации.

В самые последние годы появились признаки того, что русские отчества постепенно уходят из разговорного обихода в России. Подобно европейской модели именовании в публичном или даже в официальном разговоре с собеседником зрелого возраста обращение к нему только по имени рассматривается уже как норма.

Несмотря на данный факт, отчества по-прежнему широко используются в составе русских персоналий и представляют собой известную проблему для переводчиков с русского на иностранные языки. «Настоящим же бедствием, – пишет С. Флорин, – всегда были... для меня бесконечные русские "вариации на тему" личных имён» [Флорин 1983: 36].

Прежде всего, эта проблема культурно-психологическая. Дело в том, что носителям иностранного языка, сам факт употребления отчеств представляется экзотическим и малообоснованным. В связи с этим переводчики с русского языка на французский всегда стараются по возможности устранить этот барьер для восприятия. Так, в письменном переводе отчества могут иногда опускаться.

Однако в письменном переводе на французский язык предпочтительным считается сохранение отчеств. «В переводах выдающихся литературных произведений отчества в именовании сохраняют ещё и потому, что каждый элемент художественного текста имеет повышенную цен-

ность, он может выполнять не только смысловую, но и многие другие функции (например, ассоциативную, звукоритмическую, эстетическую и т.д.), следовательно, им нельзя жертвовать в переводе без весьма серьёзных причин» [Op.cit.: 56].

Итак, рассмотрим более подробно приёмы перевода множественных антропонимов с русского языка на французский и наоборот, обращая внимание на особенности фонетического строя языков.

В отличие от фонетического строя французского языка, в котором 38 звуков: 15 гласных, 20 согласных и 3 полусогласных (полугласных), фонетическая система русского языка имеет 43 звука: 6 гласных и 37 согласных, каждая из которых в определённой позиции способна выполнять смыслоразличительную функцию [Галинская 2009].

Так в составе русского языка есть фрикативные согласные, которыми не располагает французский язык (например, [х], [щ], [хь] и др.), поэтому французские переводчики вынуждены находить соответствия во французском языке и обходится теми средствами, которые имеются в данном языке. Например, для передачи звука [х] используется сочетание букв kh или просто k. Соответственно, буквы, отсутствующие во французском языке, заменяются буквосочетаниями (ч – tch, щ – chtch).

Другой отличительной особенностью русских согласных является их палатализация (т.е. смягчение согласных перед гласными переднего ряда), а также оглушение конечных звонких согласных на конце слова, что не характерно для французского языка. В качестве примера можно привести несвойственное французскому языку палатализованное [v`], которое заменяется на буквосочетание vi. В свою очередь мягкая французская [v] не соответствует русской [л], которая может быть твёрдой, поэтому твёрдая русская согласная смягчается: *Izmailov*. Оглушение русских конечных звонких согласных во французском языке передаётся с помощью глухих согласных: *Zaharoff*, *Izmailoff* (даже в письменной речи).

Зачастую звонкие согласные русского языка передаются глухими согласными французского языка, которые в определённом положении (например, между двумя гласными) озвончаются: *Луиза – Louise*; либо удваиваются и становятся глухими: *Любовь Онисимовна – Lioubov Onissimovna, Василий – Vassili*.

Следует отметить, что наличие носовых звуков во французском языке также отражается на передаче и произношении имён собственных русского языка. Свойственные носовые звуки для французских имён и фамилий переносятся и на русские онимы (*Лев – Léon, Серафим – Séraphin*), но французские переводчики умело трансформируют носовой звук в чистый, добавляя гласную букву на конце: *Доктор Коровин – Le docteur Korovine, Митрофаній – Mitrophane*.

Таким образом, вокалические и консонантные системы двух языков не совпадают, поэтому при отсутствии в языке перевода буквы, обозначающей звук, по своему звучанию схожий со звуком в исходном тексте, применяются сочетания букв, дающие соответствующее звучание. Например, *Сергей – Serguéi, Николай – Nikolai, Аркаша, Аркадий – Arkacha, Arcadie* и др.

При транскрипции нередко происходит сдвиг ударения, обусловленный фонетическими особенностями французского языка, в котором ударение всегда падает на последний слог:

Филюшка **Filiouchka**

Говоря о транскрипции, необходимо упомянуть о явлении межъязыковой омонимии, то есть о наличии в языке перевода слов, близких фонетически к подлежащим переводу реалиям. Транскрипции опасны тогда, когда противоречат эстетическому чувству читателя, напоминая неприличные или смешно звучащие слова родного языка. В ряде случаев это фактор заставляет переводчика отказаться от использования описываемого приёма.

Русский язык относится к флективным языкам, т.е. языкам синтетического типа, при котором доминирует словоизменение при помощи флексий – формантов, сочетающих сразу несколько значений. Французский язык является языком с хорошо выраженной тенденцией к аналитизму, т.е. грамматические отношения в нём передаются через отдельные служебные слова (предлоги, модальные глаголы и т.д.) и лексически значимые единицы, которые остаются неизменными по форме или меняются незначительно, через фиксированный порядок слов, контекст, интонационные вариации, а не через словоизменение с помощью зависимых морфем (окончаний, суффиксов, приставок и т.д.) [Словарь лингвистических терминов 1976].

Различия проявляются, прежде всего, в словоизменении, а именно в отсутствии склонений и падежей во французском языке. Французские переводчики вынуждены прибегать к грамматическим преобразованиям ЛЕ в соответствии с косвенными падежами в русском языке. Например, *Гордюшке (Дательный падеж) – à Gordiouchka, Аксинии (Родительный падеж) – d` Aksinia*. Причем при переводе русских имён на французский язык существует тенденция сохранять уменьшительно-ласкательные суффиксы, характерные для русского языка, хотя эта тенденция характерна не для всех переводов (*Катюша – Katioucha, Гордюша – Gordioucha*).

В нижеприведенных примерах при переводе уменьшительно-ласкательные суффиксы не сохраняются. Зачастую нежное и ласковое отношение, передаваемое суффиксами в русском языке, подчеркивается лексическими средствами: прилагательными *petit, jeune, léger, cher* и др. Например, *Серезенька – Serge chéri, Аксиньюшка – la chère Aksinia, обращение «тетушка» – petite tante* и т.д.

Следующим отличительным признаком русского и французского языков является словообразование. Для антропонимов русского языка характерны окончания: *-а, -ов*; суффиксы: *-ович, -овна*. При их передаче на французский язык используются различные буквенные сочетания фран-

цузского языка: *Филипыч – Filippitch, Игнатич – Ignatitch, Ignatievitch, Львовна – Lvovna, Овчинников – Ovtchinnikov, Ovchinnikoff, Сазиков – Sazikov.*

Кроме того, в ПЯ морфема –а заменяется на французскую –е или к концу слов добавляется характерная буква –е, даже если она отсутствует в ИЯ: *Катерина – Catherine, Серёжа – Serge* и др.

Что касается русских фамилий, употреблённых во множественном числе, то французском языке наблюдается тенденция в их употреблении в единственном числе: *Кончановы – Kontchonov, Kontchanof*, либо с артиклем множественного числа. При этом фамилия остается в форме единственного числа мужского рода, женская флексия русской фамилии игнорируется и фамилия передаётся в мужском варианте: *Mme Nikolaïev, Коровины – Les Korovine, Ленточкины – Les Favorchine, Поздняева – Mme Pozdniaeff.*

Во французском языке, так же как и в русском, словообразующими являются только гласные, поэтому исходное положение для данных языков одинаково – сколько гласных, столько слогов, но ввиду отсутствия во французском языке некоторых букв, то при передаче русских ОР на французский язык меняется их слоговая структура: *Серёжа - Sérioja.*

Русские уменьшительные имена транскрибируются обычно в тех случаях, когда они уже получили какое-то распространение в западных странах (например, имена *Sonia, Tanya, Nadya*). Впрочем, эти имена не рассматриваются как уменьшительные, а выполняют функцию полного имени. Очевидно, только описываемая ситуация, из которой ясен эмоциональный настрой персонажей, позволяют читателю догадаться, что перед ним уменьшительные имена. Нужно помнить, что сохранение полных имён может создать ощущение ненатуральности и даже комизма [Ермолович 2001: 42]. Однако «формы с пренебрежительной и отрицательной оценкой типа *Машка, Вовка* или *Лёлища* (как у М. Зощенко) транскрибировать не рекомендуется, так как они не сохраняют соответствующего от-

тенка значения. Их следует заменять на стандартные в данном тексте способы именованя персонажа» [Ibid.].

При переводе текстов, связанных с древними или библейскими именами, недопустимо искажать сложившуюся традицию. Для удобства поиска библейских имён и цитат существуют специальные указатели, именуемые по-французски *Concordance*, а по-русски – «Симфонией», которые рекомендуется иметь переводчику наряду со справочником по именам мифологического происхождения (например, энциклопедия «Мифы народов мира»).

Необходимо учитывать, что с развитием и изменением языков, а также в зависимости от сфер использования имена религиозного и мифологического происхождения часто модифицировались. «Например, библейское *Иоанн* превратилось по-русски в имя *Иван*, *Илия* – в имя *Илья*, *Георгий* – в *Егор*, *Матрона* – в *Матрёна*, *Матфей* – в *Матвей*, *Иаков* – в *Яков*, *Феодор* – в *Фёдор*» и т. д. В итоге многие имена римского и греческого происхождения, часть из которых принадлежала когда-то христианским святым и мученикам, стали восприниматься в русском обиходе как «деревенские», «простонародные» (*Авдотья*, *Агафья*, *Дементий*, *Марфа*, *Прокон*, *Паттелей*, *Пахом*, *Федот* и т. п.)» [Op.cit.: 77].

Для переводчика при передаче общеевропейских личных имён всегда остаётся актуальным вопрос выбора между традиционным вариантом передачи по методу транспозиции и вариантом по методу практической транскрипции.

Издавна сложилась традиция передавать имена монархов и религиозных деятелей по методу транспозиции. Однако, если речь идёт о людях современной эпохи, то переводчики чаще прибегают к практической транскрипции: *Николай* – *Nikolai*, а не *Nicolas*, *Андрей* – *Andrei*, а не *André* и др.

Следует также отметить, что множественные антропонимы могут обрести вторичную номинативную функцию благодаря случайно возникающим ассоциациям, которые впоследствии закрепляются в речевой

практике. Данные ОР лежат в основе формирования ряда лексических стилистических приёмов, таких как метафора, метафорический эпитет, метонимия, антономасия. В данной работе мы не будем подробно на них останавливаться, поскольку в переносных значениях множественные антропонимы выступают достаточно нерегулярно и во многих случаях немотивированно.

Следующим видом полиреферентных ОР являются множественные прозвища (фр. *surnom*). В общем смысле, прозвища – это дополнения или заместители имён, «вид антропонима – дополнительное имя, данное человеку окружающими в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельствам или по какой-либо аналогии» [Подольская 1978: 115].

Лингвистов интересуют чаще всего мотивация и конкретные причины, приводящие к возникновению прозвища у конкретного человека. Однако причина возникновения прозвища может оказаться случайной, немотивированной.

Рассматривая прозвища с точки зрения употребления, можно прийти к выводу о том, что одни прозвища действительно называют какую-то черту характера или внешнюю примету; другие же расплывчато-образны, допускают различные толкования или вообще не связаны с характеристиками человека.

Кроме того, имеется довольно большая группа прозвищ, которые заключаются в использовании нестандартного способа именования, в трансформации антропонима, что придаёт им эмоционально-оценочную коннотацию. Они могут употребляться в дополнении к антропониму или вместо него, а также у одного человека может быть много прозвищ.

Что касается множественных прозвищ, то они во всех языках разнообразны и практически необозримы. Однако среди них выделяется ядро, образующее своеобразную номенклатуру. Это типичные, универсальные

прозвища, основное свойство которых в том, что они регулярно употребляются в отношении людей с определёнными характеристиками.

«Стандартность и регулярность многих множественных прозвищ объясняется тем, что внешние признаки и свойства поведения и характера, как наиболее доступные для наблюдения и самые объективные в восприятии человека другими людьми, являются главным основанием для характеризующей прозвищной номинации» [Ермолович 2001: 97].

Можно систематически представить некоторые категории множественных прозвищ: прозвища, указывающие на внешний вид в целом: *Квашня квашней – Quel laideron, Чучело огородное – Un épouvantail à moneaux, votre chou*; прозвища, указывающие на рост и особенности телосложения: *Толстяк – Gros*; прозвища, указывающие на особенности отдельных частей тела и детали внешнего облика: *Богатырь медвежья башка – grosse tête d’ours; chevalier à la manque, tête d’ours*; прозвища, указывающие на привычки и особенности поведения: *Левша – Gaucher*; прозвища по этническому или расовому происхождению: *Чёрный – Noir*; прозвища по занимаемому положению, профессии, занятию: *Священник – Moine*; прозвища, содержащие субъективную оценку общего характера: *Чудо–юдо – une impertinente, jeune merveille*; прозвища, содержащие оценку умственных способностей: *Дурёху – sottès; petites sottès*.

При переводе текстов, содержащих прозвища, важно стремиться к тому, чтобы прозвище в той же мере обнаруживало зависимость от ситуации, от подлинного антропонима или содержало указания на те же признаки своего носителя.

Можно заметить, что соответствующие друг другу прозвища могут быть образованы от различных частей речи: прилагательные во французских прозвищах чаще соответствуют русским прозвищам – существительным (*Court – Коротыш, Soul – Выпивоха*).

Третьим видом полиреферентных ОР являются множественные топонимы. Топонимические денотаты многочисленны: это может быть кон-

тинент, океан, море, страна, озеро, река, остров, полуостров, населённый пункт, улица, площадь, строение и т.д.

Во-первых, название денотата может являться неотъемлемой частью самого названия, например, во французском *Mont Blanc*, *l'Île de France* или в русском *Москва-река*, *Васильевский остров*, *Рижский залив*, *Ломоносовский проспект*.

Во-вторых, обозначение денотата может вливаться в топоним как некая псевдоморфема, например: *Новгород*, *Белоозеро*.

В-третьих, существуют морфемы и псевдоморфемы, не называющие прямоде нотат, но специфичные для него. Так, в русском языке для названий городов типичны окончания -ск, -цк (*Бобруйск*, *Липецк*), для деревень и сел (а следовательно, и для городов, в которые они могут превратиться) – окончания – -ово, -ево, -ское, -ки, -ино, -ье (*Быково*, *Матвеевское*, *Петушки*, *Выхино*, *Запорожье*), для названий стран (особенно традиционных) – -ия (*Франция*) и т.д. Во французском языке для названий городов характерны окончания – on, - s, - x, а также использование в составе топонима самого слова город – ville (*Belleville*), для названий стран и мужского, и женского родов характерна конечная произносимая согласная (*La France*, *L'Allemagne*, *Le Brésil*).

Основной массив топонимов, безусловно, относятся к единичным, т.е. соответствуют одному референту, но существуют и множественные топонимы, которые лишь потенциально способны получить языковой статус с полнозначным индивидуализирующим значением [Op.cit.: 108].

Известно, что одно и то же название может встречаться даже в пределах одной и той же административно-территориальной единицы (например, в Якутской области два города с названием *Артык*). Топонимы же, образованные по продуктивным моделям, часто повторяются: *Березовка*, *Красноармейск*, *Каменка*, *Советский* и т.п. Особенно наглядно проявляется это правило в названиях улиц: практически в каждом городе есть ул. *Пушкина*, ул. *Горького*, ул. *Комсомольская*; а улиц с названием *la Grande*

гие большое множество во Франции. Поэтому даже топонимы, которые не повторяются, можно отнести к множественным – с точки зрения языка они могут обслуживать любое количество узких коммуникативных сфер [Ibid.].

Предполагается, что топоним должен передаваться на ПЯ по правилам практической транскрипции. Однако необходимо учитывать правила передачи топонима с языка оригинала.

Многие топонимы включают нарицательный элемент. Например, это могут быть слово или морфема, обозначающие денотат. В частности, такое слово обязательно входит в состав названий морей, многих островов, полуостровов, а также объектов городской топонимии (улиц, районов, зданий). Такое дублирование кажется избыточным, поэтому переводчику следует выбрать какой-либо проверенный источник (словарь географических названий, энциклопедию или атлас), согласно которому он будет воспроизводить названия в переводе.

Однако некоторые топонимы невозможно найти в атласах или энциклопедиях, поэтому словарный эквивалент становится не актуален. Прежде всего, это объекты городской топонимии – названия районов, улиц, площадей, зданий. Единого решения эта проблема не находит, но в основном доминируют транскрипционный приём, а также словарный эквивалент.

Не выработалось однозначного подхода к проблеме в передаче на французский язык наименований административных единиц России и бывшего СССР (*район, область, край, автономный округ, республика*). При передаче их с русского на французский язык имеют место две тенденции – использовать соответствия-аналоги (например, *область – région, край – pays, округ – arrondissement* или *district*) или соответствия на основе транслитерации (*oblast, kraï, okroug*). В текстах литературного характера уместны скорее аналоги, в текстах технического и официального характера – транслитерации.

В названиях районов и областей России первое слово обычно представляет собой прилагательное, образованное от названия районного или областного центра. При переводе рекомендуется использовать не транслитерацию прилагательного, а название этого города с предлогом *de*, например: *Ивановская область – Oblast d'Ivanovo*, *Солнечногорский район – Région de Solnetchnogorsk*. Однако в названиях внутригородских районов, а также областей, названия которых не совпадают с наименованием областного центра, прилагательное транслитерируется как таковое: *Заводской район – Zavodskoi Région*, *Ленинградская область – Leningradskaiia Oblast*.

Необходимо отметить, что когда в состав названия входит значимое слово, нередко применяется смешанный перевод, то есть сочетание транскрипции и семантического перевода. Данное сочетание двух приёмов – транскрипции и описательного перевода (последний присутствует в сноске или в комментарии) даёт возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственных транскрипции, с раскрытием семантики данной единицы, достигаемой через описательный перевод. Например, *Царское Село – Tsarskoe Selo* (+ комментарий: *местечко дачного типа для жителей Санкт–Петербурга, где также находилась летняя резиденция царей*).

Достоинством описательного перевода является возможность наиболее полного раскрытия сути описываемого явления. Именно поэтому данный приём именуется также разъяснительным переводом, но в определенной степени данный перевод является громоздким. Как правило, такие конструкции изобилуют причастными оборотами, сложными дополнениями и развернутыми (часто избыточными) определениями нового слова.

Так, транскрипция носит механистический характер, а описательный перевод требует от переводчика проникновения в суть передаваемых явлений, глубокого знания реалий. Соответственно, смешанный перевод – транскрипция и описательный перевод – требует скрупулезной работы переводчика над оригиналом.

Следующий приём перевода множественных топонимов – это национальная адаптация, которая заключается в подыскании ближайшего по значению соответствия в языке перевода для лексической единицы исходного языка, не имеющих в языке перевода точных соответствий. Такого рода приблизительные эквиваленты лексических единиц можно назвать «аналогами». Названный приём перевода употребляется довольно часто, например, весьма распространён подбор функционального эквивалента, который вызывает у читателя такие же ассоциации, как и читателя исходного текста.

Суть данного приёма заключается в том, что вместо иностранной реалии переводчик использует реалию языка перевода, которая (по определению) обладает собственной национальной спецификой, но в то же время имеет много общего с реалией иностранного языка (например, *площадь Ильинка – La Saint-Elie*).

Данный приём близок с приемом генерализации, суть которого заключается в том, что нечто специфическое, конкретное представляется обобщению. При этом узкое понятие о реалии заменяется более широким понятием или вообще опускается. Этот приём называется гипонимическим переводом. Например, *Пушкарская слобода – l'auberge du village*.

Гипонимический перевод позволяет отказаться от транскрипции и произвести замену понятий, разница между которыми в условиях данного контекста незначительна.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что перевод полиреферентных ОР отличается своей преданностью оригиналу, всем именам собственным, он характеризуется максимальным подражанием ИТ, сохранением всех уменьшительно-ласкательных суффиксов, всех языковых тонкостей, соответствующим сохранением культурной составляющей текста без каких-либо опущений.

1.2. Монореферентные ономастические реалии

К монореферентным ОР мы относим единичные антропонимы, единичные прозвища, имена литературных героев, единичные топонимы, названия организаций, праздников и иных общественных явлений, названия литературных произведений.

Так единичные антропонимы принадлежат множеству людей, но, в отличие от множественных антропонимов, они, прежде всего, связаны с конкретным референтом. Это имена людей, получивших широкую известность, они не требуют уточняющего контекста, поскольку их коммуникативная сфера – весь языковой коллектив, т.е. в данном случае предполагается также наличие экстралингвистического фактора. Отсюда следует, что известная информация о носителе имени входит в значение единичного антропонима как единицы языка (например, *Николай I – Nicolas I-er, Victor Hugo – Виктор Гюго*).

«Для переводчика немаловажно знать, каков объём этой информации и можно ли её приравнять к энциклопедическим сведениям о человеке, которому имя принадлежит. Конечно, далеко не каждый член языкового коллектива обладает всей полнотой сведений о конкретном лице, поэтому значение единичного антропонима в языке есть известная абстракция, соответствующая среднему уровню знаний о носителе имени» [Ермолович 2001: 41].

Необходимо уточнить, что единичные антропонимы могут являться единичными и в других языках, когда известность конкретных людей выходит за рамки их страны и языковой общности. С другой стороны, слава других деятелей, широко известных в своих странах, может не выходить на международный уровень. В таком случае у переводчика есть основания применить уточняющие, описательные или преобразующие соответствия, допустима также замена уменьшительного имени на полное.

В отличие от множественных, единичные антропонимы обладают более богатой смысловой структурой. Это позволяет им регулярно высту-

пать в качестве характеризующих словесных знаков при вторичной номинации.

Единичные антропонимы легко вовлекаются как в сравнительные обороты, так и в метафору, метонимию: круг деятельности человека, его связи с окружающим миром так широки, что включают самые разнообразные отношения сходства и смежности.

Что касается единичных прозвищ, то это популярные прозвища известных людей, которые, как правило, построены на основе описательной характеристики: *Charlemagne – Карл Великий; Иван Грозный – Ivan le Terrible* и другие. Единичные прозвища должны быть известны в широкой коммуникативной сфере. Такие прозвища служат, прежде всего, для того, чтобы избежать повторной прямой номинации деятеля его собственным именем.

Некоторые прозвищные именованья во французском языке образуются путём простого присоединения к антропониму какого-либо эпитета типа *Grand, Terrible, Saint* и т.п. Следует иметь в виду, что традиция эта не во всех случаях одинакова в разных языках. Так, если во французском языке эпитет *Grand* постоянно присутствует в именовании *Alexandre le Grand* или *Pierre le Grand*, то в русском языке этих исторических личностей всё-таки чаще зовут *Александром Македонским*, чем *Александром Великим*, *Петром Первым*, чем *Петром Великим*.

Имена литературных героев – это следующий подкласс монореферентных ОР. Аналогично единичным антропонимам, имена литературных героев широко известны, поскольку представляют собой мировое культурное наследие той или иной страны. Как правило, существуют аналоги данных ЛЕ в ПЯ, либо они имеют транскрипционные соответствия (*Морозко – Le père Frimas; Le Petit Chaperon Rouge – Красная Шапочка*).

Единичные топонимы. Как правило, люди связывают знание ряда известных им признаков географических объектов с их названиями. Референция топонима реализуется в коммуникативной сфере и чаще всего рас-

ширяется до всего языкового коллектива. В таком случае признаки референта приобретают общеязыковой статус, а информация, заключённая в топонимах, кодифицируется на уровне языка-системы. Такие топонимы, по аналогии с антропонимами, называются единичными. «В их индивидуализирующее значение входит некий минимальный набор наиболее существенных характеристик географического объекта» [Op.cit.: 107].

Так понятийный характер индивидуализирующего компонента топонимов включает в себе, прежде всего, указание на примерное местоположение объекта, в частности по отношению к другим объектам, связь с историческими событиями, крупными сражениями (*Москва, Бородино; Paris, Monaco*), общественно-культурная значимость (*Арбат, Воробьёвы горы, Broadway, Oxford, Montmartre*) и т.д.

В большинстве случаев известность единичного топонима выходит за рамки языкового коллектива соответствующей страны. Следовательно, на ПЯ уже может существовать устоявшееся традиционное соответствие, которое необходимо использовать.

Однако в процессе анализа языкового материала обнаружено, что, например, французские переводчики при переводе монореферентных ОР используют приём конкретизации, но при этом создают свой собственный авторский оним (антропоним, топоним или иное название).

Например, в тексте оригинала не присутствует название озера, а в тексте перевода появляется название с комментарием: *Le lac Elton* (озеро, прославившееся большими залежами соли). На наш взгляд, целесообразно выделить данный приём перевода в отдельный и обозначить его как *авторский оним*.

Это свидетельствует о том, что при переводе монореферентных ОР на первый план выходит экстралингвистический компонент лексических единиц, которому интерпретаторы уделяют особое внимание.

Что касается, названий компаний, то в общем случае они подлежат практической транскрипции и не содержат элементов перевода, не считая

родовых слов компания, корпорация и т.п. В переводе на русский язык они заключаются в кавычки, например, *компания «Ситроен», «Пежо»*. Кавычки снимать не рекомендуется, так как такая практика, во-первых, противоречит правилам русской пунктуации, а, во-вторых, способна привести к недоразумениям.

При обратном переводе (например, на французский язык) названия компаний не должны ставиться в кавычки, как это делается в русском языке. При передаче наименований компаний особенности орфографии оригинала (использование заглавных букв и знаков препинания) в основном сохраняются и в передаче на русский язык. Тем не менее, французский апостроф обычно устраняется из русского варианта. Названия компаний по-французски употребляются, как правило, без артикля.

В случае, когда речь идёт о названиях организаций, партий, учреждений, центров и другое, то, т.к. они обычно представляют собой сочетания нарицательных слов, содержат краткую характеристику организации, они обычно подлежат смысловому переводу.

Что касается наиболее известных организаций, то соответствия для их названий уже закреплены официально, именно такие эквиваленты рекомендуется использовать переводчику. В тех случаях, когда название имеет образный или эмоциональный смысл, могут применяться также и транскрипционные соответствия.

В состав наименований многих организаций и предприятий часто входят антропонимы, то есть имена тех, в честь кого или кем эти организации были основаны. В большинстве случаев, антропоним в исходном французском или русском наименовании стоит в конце, в русском соответствии ставится в родительном падеже, либо состоит из прилагательного, производного от антропонима, а во французском – выражается с помощью предлога *de* или *à*, либо добавляется в конце наименования без предлога (*Государственный центральный театр кукол имени С. Образцова – le théâtre d'Etat central d'Obroztsov; Третьяковская галерея – la gallerie*

Trétyakov). Если в рамках одного наименования используются и антропоним, и топоним, то при переводе на французский язык наиболее приемлемыми являются соответствия, где топоним стоит в конечной позиции в сочетании с предлогом *de*. Например: *Московский государственный университет имени Ломоносова – L'Université d'Etat de Moscou Lomonossov*.

Следующим видом монореферентных ОР являются названия литературных и художественных произведений, которые в общем случае переводятся с французского языка на русский и наоборот как любая осмысленная фраза. Соответственно, в данном случае популярными приёмами перевода оказываются семантические.

Однако следует иметь в виду, что, если произведение ранее публиковалось, желательно переводить его название не самостоятельно, а использовать название из имеющегося перевода. Это относится и к тем ситуациям, когда такое название вообще никак не соотносится с оригинальным [Op.cit.: 129].

Следует отметить, что во франкоязычных странах сложилась иная практика в отношении названий иностранных произведений общеевропейского культурного фонда. Переводные названия там используются только в отношении не слишком большого числа широко известных произведений, переведившихся на французский язык. В остальных случаях название обычно приводится на языке оригинала (если этот язык пользуется латиницей) или в транслитерации (при упоминании, например, произведений русских писателей).

Таким образом, при переводе с русского на французский язык текстов, содержащих названия западноевропейских литературных и драматических произведений, допустимо использование названия на языке оригинала или в практической транскрипции. При переводе с французского на русский приоритет отдаётся ранее опубликованному варианту названия, если, конечно, переводчик не считает, что в нём была допущена грубая ошибка, которую следует исправить [Op.cit.: 131].

Рассмотрев различные виды монореферентных ОР, можно сделать вывод о том, что приёмы перевода рассматриваемых ЛЕ отличаются от приёмов, которые используются при переводе полиреферентных ОР. С одной стороны, монореферентные ОР широко известны и уже имеют аналоги, словарные эквиваленты в ПЯ. В таком случае задача переводчика заключается в верном подборе точного соответствия. С другой стороны, на первый план выходит экстралингвистический компонент слов, который требует больших усилий от переводчика для поиска подходящего соответствия в ПЯ и применения таких приёмов перевода, как национальная адаптация, смешанный перевод – в особенности при передаче названий литературных произведений.

1.3. Прецедентные ономастические реалии

Прецедентная ОР понимается как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин, Тёркин, Tartuffe*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин, Homère*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого ... осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (например, *Ломоносов*) или более элементов (например, *Куликово поле, Летучий голландец*), обозначая при этом одно понятие» [Красных 2002: 48].

В.В. Красных считает, что прецедентное имя, прежде всего, «обозначает определенный признак, некоторую черту характера или внешности, то есть имеет «терминологическое значение и является символом некоей характеристики, некоего характера» [Op.cit.: 86].

Прецедентные ОР (иногда их называют смысловыми или «говорящими») являются лингвокультурологическими единицами, обладающими экспрессивной, символической, коннотативной функциями. Являясь частью коллективно-образной картины мира, тесно связанные с националь-

ным менталитетом и сюжетной линией произведения, данные имена опосредованно участвуют в раскрытии содержания и создают своеобразный культурно-исторический фон.

Прецедентные ОР следует подразделить на прецедентные антропонимы (*Гобсек*), прецедентные топонимы (*Санкт-Петербург – Северная Венеция*), прецедентные названия художественных произведений (*Шолохов – русский Гомер, написавший «Илиаду»*), прецедентные мифонимы (*Чупа-кабра, Русалка, единорог*).

Самой распространенной группой прецедентных ОР являются антропонимы. Их специфика состоит в том, что обозначаемый ими денотат существует только в тексте (например, *Недоросль, Gobseck*). С учётом организующей роли в художественной парадигме и с учетом значимости прецедентных антропонимов в развитии сюжета данная группа является ядерной, все остальные группы находятся на периферии прецедентно-ономастического пространства.

Вторая группа представлена топонимами, значительное количество которых так или иначе связано с семантикой вымышленного мира. Но, тем не менее, все же большинство топонимов являются реальными географическими объектами, ныне существующими или когда-то существовавшими. Этим топонимам свойственна некоторая прецедентность, то есть смысловая связь с сюжетопостроением произведения и его контекстуальной семантикой. Прецедентные (вымышленные) топонимы часто не обладают чёткой конкретикой, им свойственна «расплывчивость» значения и частотность употребления (например, *на краю земли – au bout du monde*). Подобные объекты носят абстрактный характер. Топонимы являются маркерами времени и пространства, которое не имеет каких-либо определённых границ, а мыслится рассказчиком во вселенском масштабе.

Нельзя не отметить, что именно в русской литературе отводится значительное место прецедентным топонимам. Возможно, это связано с тем, что в русской культуре прецедентные топонимы способны образно обо-

значать самые разные события, так или иначе связанные с соответствующим городом (*Багдад как иракский Сталинград*).

К прецедентным ОР относятся также мифонимы – имена не существующих в действительности существ, населяющих запредельный мир, и либо предстающих перед человеком в силу той или иной определенной ситуации, либо управляющих его жизнедеятельностью «со стороны». В данную категорию входят имена человекоподобных существ, имеющих сверхъестественную природу; имена зооморфных существ, которые, с одной стороны, в силу своего внешнего облика относятся к животному миру, а с другой обладают некоторыми человеческими характеристиками речью, памятью и могут быть носителем как доброго, так и злого начала (*Додола, Олимп*).

Функционирование и восприятие прецедентных ОР тесно связано с особенностями национальной культуры, с традициями и ментальностью соответствующего народа. «Например, сербы с особым чувством воспринимают прецедентный топоним Косово поле, поляки — Освенцим, а евреи и украинцы Бабий Яр. В США Ирак нередко называют Вьетнам Буша.

Нередко обнаруживаются и своего рода «межнациональные политические параллели», в рамках которых политическая реальность одной из стран становится сферой – источником для заимствования прецедентных феноменов, необходимых автору для описания политической реальности другого государства. В результате возникают такие обозначения, как Российская Швейцария или Северный Гонконг» [Нахимова 2007: 87].

В самых различных лингвокультурных сообществах топонимы Монако и Лас-Вегас выступают как обозначение мест, где разрешены азартные игры; название реки Рубикон – как символ границы, переход через которую означает кардинальные изменения; соответственно название Бабий Яр выступает как символ бесчеловечного уничтожения людей [Ibid.].

Итак, с одной стороны, прецедентные ОР выступают как знаки вторичной номинации с целью художественного изображения произведения.

С другой стороны, они являются носителями исторической, этнографической, географической и другой информации, что делает их репрезентантами «фоновых» знаний, формирующих «художественную картину мира» определенного этноса. Следовательно, они конструируют специфическую ономастическую парадигму, аккумулирующую культурно-историческую, мифологическую, этнокультурную и иную информацию.

Соответственно, перевод прецедентных ОР – это особый процесс, требующий от переводчика творческого подхода, привлечения дополнительной информации и профессиональных компетенций, поскольку в данном случае главное место занимает экстралингвистический компонент ЛЕ, который невозможно передать только с помощью транскрипции. В противном случае в тексте неизбежно будет иметь место смысловая потеря. Предпочтительными приёмами перевода оказываются смешанный перевод, описательный, разъясняющий перевод.

1.4. Стратегии и приёмы перевода ономастических реалий

За основу практического исследования нашей диссертационной работы взяты функционально-семантическая классификация ОР, а также разработанная теоретическая модель перевода ОР (см. Глава 1 п. 3.1.).

В ходе исследования обработано на ИЯ и ПЯ более 5500 страниц текста на русском и французском языках, а общее количество ОР, которые отобраны методом сплошной выборки, составило около 3000 ЛЕ, из которых 376 приходится на полиреферентные ОР, более 2000 – на монореферентные и 266 – на прецедентные ОР.

Следует отметить, что данное практическое исследование ОР в диахроническом аспекте невозможно провести без обращения к данным по литературоведению. В этой связи, базируясь на основных литературных направлениях и эпохах, был отобран необходимый языковой материал, который позволил сопоставить, схожие по жанрам и историческим эпохам создания оригинала и перевода,

тексты на русском и французском языках, а, соответственно, и стратегии и приёмы перевода ОР с одного языка на другой (таблица 2).

Таблица 2. Языковой материал практического исследования

Авторы и произведения	№	Русские		Французские	
	1.	«Житие протопопа Аввакума» протопопа Аввакума		«Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле	
		Оригинал	Перевод	Оригинал	Перевод
		XVII в.	XX в.	XV в.	XX в.
	2.	Народные сказки А.Н. Афанасьева		Народные сказки Ш. Перро	
		Оригинал	Перевод	Оригинал	Перевод
		XIX в.	к. XX – н. XXI вв.	к. XVII в.	XIX в.
	3.	Комедия «Недоросль» Д.И. Фонвизина		Комедия «Тартюф» Ж.-Б. Мольера	
		Оригинал	Перевод	Оригинал	Перевод
		XVIII в.	XX в.	XVIII в.	XX в.
4.	«Мёртвые души» Н.В. Гоголя		«Гобсек» О. де Бальзака		
	Оригинал	Перевод	Оригинал	Перевод	
	XIX в.	XX в.	XIX в.	XX в.	
5.	Сказы Н.С. Лесков		«Кола Брюньон» Р. Роллан		
	Оригинал	Перевод	Оригинал	Перевод	
	XIX в.	XX-XXI вв.	н. XX в.	XX в.	
6.	«Пелагея и чёрный монах» Б. Акунин		«Графиня Калиостро» М. Леблан		
	Оригинал	Перевод	Оригинал	Перевод	
	н. XXI в.	XXI в.	XX в.	н. XXI в.	

Уточним, что выбранные тексты на ИЯ и ПЯ предназначены для широкого круга читателей, для массовой аудитории; тираж составляет не менее 5000 экземпляров.

На базе вышеуказанного языкового материала рассмотрим более подробно и сравним стратегии «одомашнивание» vs «остранение», ««архаизация vs модернизация» vs «синхронизация» и переводческие приёмы применительно к русским и французским ОР, а именно к полиреферентным, монореферентным и прецедентным ОР. Начнём в хронологическом порядке.

1.4.1. «Гаргантюа и Пантагрюэль» и «Житие протопопа Аввакума»

Целесообразно начать анализ языкового материала с таких произведений как «Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, некогда сочинённая магистром Алькофрибасом Назье, извлекателем квинтэссенции, книга полная Пантагрюэлизма» (отрывки) Ф. Рабле (XV в.) и «Житие протопопа Аввакума», написанное им самим (XVII в.), поскольку это самые ранние тексты, переводы которых нами найдены на русском (перевод Н.М. Любимова) и французском языках (перевод П. Паскаля).

Итак, в ходе исследования выявлено всего 375 ОР на ИЯ и ПЯ: 44 полиреферентных ОР; 315 монореферентных ОР; 16 прецедентных ОР (табл. 3).

Таблица 3. Количественные данные по ОР в произведениях Аввакума и Ф. Рабле

Вид ОР	«Житие протопопа Аввакума»		«Гаргантюа и Пантагрюэль»	
	ИЯ 1	ПЯ 1	ИЯ 2	ПЯ 2
П. ОР	20	20	2	2
М. ОР	79	77	80	79
ПР. ОР	3	3	5	5

В данной таблице ИЯ 1 и ПЯ 2 – это русский язык (как язык оригинала и как язык перевода), а ИЯ 2 и ПЯ 1 – французский язык; П.ОР – полиреферентные ОР, М. ОР – монореферентные ОР и ПР. ОР – это прецедентные ОР. Из таблицы видно, что вариантов перевода монореферентных ОР несколько меньше, чем в оригиналах, это объясняется опущением данных ЛЕ переводчиками в некоторых случаях. Например, в «Гаргантюа и Пантагрюэль» опускается ОР – *le comte Mouillevent*, а в житие Аввакума игнорируются такие ОР как *Петров день* и *Угреш*, что, однако, не затрудняет понимание текста.

Установлено, что русские и французские переводчики используют разные стратегии и приёмы перевода ОР в рассматриваемых произведениях (таблица 4).

При переводе монореферентных и прецедентных ОР французские переводчики отдают предпочтение стратегии «одомашнивания». Например, *Фома Аквинский* – *Thomas d'Aquin* (словарный эквивалент), *Москва* – *Moscou* (словарный эквивалент).

Таблица 4. Стратегии и приёмы перевода ОР в произведениях Аввакума и Ф. Рабле

«Житие протопопа Аввакума»	«Гаргантюа и Пантагрюэль»
<i>1. Монореферентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии</i>	
Одомашнивание – 74 % Остранение – 26 %	Остранение – 70 % Одомашнивание – 30 %
Синхронизация	
<i>В. Приёмы</i>	
Национальная адаптация – 23,5 % Словарный эквивалент – 52 % Транскрипция, транслитерация – 22 % Опущение – 2,5 %	Прямой перенос – 20 % Смешанный перевод – 8 % Национальная адаптация – 2 % Словарный эквивалент – 18,6 % Калькирование – 10 % Транскрипция, транслитерация – 40 % Опущение – 1,4 %
<i>2. Полиреферентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии</i>	
Остранение – 80 % Одомашнивание – 20 %	Одомашнивание – 100 %
Синхронизация	
<i>В. Приёмы</i>	
Национальная адаптация – 20 % Транскрипция, транслитерация – 80 %	Словарный эквивалент – 50 % Национальная адаптация – 50 %
<i>3. Прецедентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии</i>	
Одомашнивание – 67 % Остранение – 33 %	Остранение – 60 % Одомашнивание – 40 %
Синхронизация	
<i>Б. Приёмы</i>	
Словарный эквивалент – 67 % Транскрипция, транслитерация – 33 %	Смешанный перевод – 40 % Прямой перенос – 20 % Транскрипция, транслитерация – 30 %

Таким образом, специалисты по переводу русских ОР уделяют большое внимание экстралингвистическому компоненту ЛЕ, а применяемые ими приёмы передачи ОР достаточно полно раскрывают семантику данных реалий.

Русские же переводчики, напротив, склонны к стратегии «остранения» и, соответственно, тяготеют к транскрипции, транслитерации и калькированию. Это свидетельствует о том, что авторы ПТ максимально стараются приблизиться к ИТ, сохраняя в ПЯ иноязычные реалии. Например, *Gargantua et Pantagruel* – *Гаргантюа и Пантагрюэль*, *Saint-Genou* – *Сен-Жну*, *Sinais* – *Сине*, *Coudré Montpensier* – *Кудре-Монпансье*, *Croque-mouche* – *Крокмуш*, *Adonis* – *Адонис*, *Pollux* – *Поллукс*, *Castor* – *Кастор*, *Gargamelle* – *Гаргамелль*; *Jacques Coeur riche* – *Богач Жак Кер* и т.д.

Однако при переводе французских монореферентных ОР переводчики не обходятся без словарного эквивалента (*Hercules* – *Геракл*, *Grèce* – *Греция*, *Minèrve* – *Минерва*) и национальной адаптации (*Angest en Mans* – *Анже Майский*, *le Gué de Vède* – *Ведский брод*). Латинские имена и названия, как правило, передаются словарным эквивалентом (*Censorinus* – *Цензорин*, *Servius* – *Сервий*, *Gallus* – *Гелий*) или прямым переносом (*Galli* – *Galli*, *Cistellaria* – *Cistellaria* (лат. «Комедия о ларчике»), *Exponibilia* – *Exponibilia* («Описуемое» лат.), *Problematum* – *Problematum* («О проблемах» лат.)).

При переводе полиреферентных ОР приоритеты меняются: переводчики с русского на французский применяют стратегию «остранения» (например, *Анастасия* – *Anastacia*, *Иван Родионович* – *Ivan Rodionovitch*), а с французского языка на русский – стратегию «одомашнивания» (*Paul* – *Павел*, *Saint Martin* – *Св.Мартин*).

Общей стратегией при переводе русских и французских ОР оказывается «синхронизация», т.е. в несовременных текстах для перевода ОР используется идентичная, во временном ракурсе, лексика; несвойственными

оказываются стратегии «архаизация» / «модернизация», которые применимы для культурно-исторических реалий.

Что касается правил практической транскрипции, то установлены следующие буквенные соответствия русского языка во французском и французского языка в русском (табл. 5 и табл. 6). Следует подчеркнуть, что в основном данные буквенные соответствия совпадают с современными правилами практической транскрипции, но и здесь есть свои вариации (приложение 1).

Таблица 5. Буквенные соответствия русского языка во французском языке

А	A	К	K, c	Х	Kh
Б	B	Л	L	Ц	Ts, tz
В	V, ff, f	М	M	Ч	Tch
Г	G, gu, h	Н	N	Ш	Ch
Д	D	О	O, ô	Щ	Chtch
Е	E, é, eu	П	P	Ъ	–
Ё	E, eu	Р	R	Ы	I, –
Ж	J, g (перед гл. I, e, y)	С	S, ss, c (перед гл. I, e, y)	Ь	–, i
З	Z	Т	T, th	Э	È, e
И	I, y	У	Ou	Ю	Ju
Й	Ï, i, y, j	Ф	Ph, f, th	Я	Ja, ia

Таблица 6. Буквенные соответствия французского языка в русском языке

А	A	J	Ж	S	С
В	B	К	К	T	Т
С	C	L	Л	U	Ю
D	Д	M	М	V	В
E	E, È	N	Н	W	Вь
F	Ф	O	О	X	Кс, -
G	Г, Ж	P	П	Y	И
Н	Г, X, -	Q	Кю	Z	З
I	И	R	Р		

Более того, во французском языке достаточно сложные правила чтения, поэтому транскрипция может не совпадать у разных переводчиков в силу различий в произношении, поэтому возможно наличие вариаций в переводах некоторых сочетаний. Прежде всего, речь идёт о беглом [ə], которое может выпадать в определённой позиции – здесь вариант перевода выбирается на усмотрение переводчика. Например, *Saint Genou* – *Сен-Жну* или *Сен-Жену*. Однако в рассматриваемых переводах расхождения не обнаружены.

Итак, рассмотрев перевод ОР в произведениях Аввакума П. и Ф. Рабле, можно сделать вывод о том, что категории ОР напрямую влияют на выбор стратегий и приёмов их перевода. Русские и французские переводчики используют разные стратегии и приёмы перевода указанных ЛЕ.

При переводе монореферентных и прецедентных русские авторы предпочитают стратегию «остранения», зачастую используя прямой перенос ОР, тем самым загромождая ТП иноязычными ЛЕ, французские – выбирают стратегию «одомашнивания», адаптируя переводимые ЛЕ, делая их максимально понятными для носителей ПЯ.

При передаче полиреферентных ОР, напротив, французские переводчики транскрибируют иноязычные ОР, а русские подбирают словарные эквиваленты, имена, которые свойственны культуре русского языка.

Общей стратегией у переводчиков оказывается «синхронизация». Это означает, что временные характеристики ОР в оригинале и переводе совпадают.

1.4.2. Народные сказки Ш. Перро и А.Н. Афанасьева

Далее рассмотрим более подробно русские (XIX в.) и французские народные сказки (к. XVII в.). Указанные авторы, Ш. Перро и А.Н. Афанасьев, несмотря на разные эпохи создания своих произведений, первые во Франции и в России письменно изложили фольклор – народную сказку,

которая до этого момента существовала только в устной форме. Данный факт позволяет сопоставить ОР в текстах рассматриваемых авторов.

Для анализа выбраны следующие сказки: «Золушка», «Кот в сапогах», «Спящая красавица», «Мальчик-С-Пальчик», «Рике с хохолком», «Феи» (переводы: 1867 г. И. С. Тургеневой; 1936 г. М. Петровского; 1976 г. Т. Габбе) и «Морозко» (перевод Л. Грюэль-Аперт 2003).

В ходе исследования обнаружено 37 ОР в оригиналах (26 монореферентные и 11 прецедентных) и 94 варианта их перевода. Полиреферентных ОР в сказках не выявлено. Это объясняется особым жанром произведений и наличием в них вымышленных персонажей, индивидуальных имён, мифонимов (см. табл. 7, табл. 8).

Таблица 7. ОР в сказке «Морозко»

<i>А. Монореферентные ОР</i>	
Настенька	Nastienka
Марфушка	Marfouchka
Параха	-
Иван	Ivan
Иванушка	Ivanouchka
Квашня-квашней	Quel laideron
Чудо-юдо	Cette créature Une impertinente Jeune merveille
Тяпа	Tiapa
Петя-Петенька	Pierrot, mon petit coq
Красна девица	La plus jolie fille du monde La jolie demoiselle
Марфушка-душка	Petite Marfouchka
Мачеха	Marâtre Méchant belle-mère
Чучело огородное	Un épouvantail à moneaux
Медвежья башка	Grosse tête d'ours Chevalier à la manque Tête d'ours
«Морозко»	Le Gel Père Frimas Morozko
<i>Б. Прецедентные ОР</i>	
Морозко Морозушко Мороз	Le Gel Père Frimas Grand-père Hiver

	Morozko (Grand-père le Gel)
Баба-Яга Ягуся	Baba-Yaga Carabosse
Старичок-Боровичок	Le père Bolet
Зорька	Cocotte

Таблица 8. ОР в сказках Ш. Перро

<i>А. Монореферентные ОР</i>	
La petite Pouffe	Маленький Пуфф Петит Пуфф Пуффик Пуффа Пуффи Каштанка Собачушка Щенок Маленький пес
Mlle Javotte	Юная Жавотт Маленькая Жавотт Баба-Яга Вторая дочь мачехи (в сказке «Золушка»)
Fanchon	Фаншон Марфушенька-душенька
“La belle au bois dormant”	«Спящая красавица» «Красавица в спящем лесу» «Спящая королева» «Красавица в темном лесу» «Сказка о мертвой царевне и 7 богатырях»
“Cendrillon ou la petite pantoufle de verre”	«Золушка» «Золушка или хрустальная туфелька» «Золушка или маленькая стеклянная туфелька» «Хрустальный башмачок» «Маленькая хрустальная туфелька»
“Le Petit Poucet”	«Мальчик-С-Пальчик»
“Les Fées”	«Феи» «Подарки феи» «Волшебницы» «Сказка о волшебницах» «Фея»
“Riquet à la houppe”	«Рике-хохолком» «Рике с хохолком» «Птичка с хохолком» «Петушок на палочке» «Золотой петушок»
“Le Maître Chat ou le chat botté”	«Кот в сапогах» «Господин кот или кот в сапогах» «Хозяин кот или кот в сапогах»
<i>Б. Прецедентные ОР</i>	

Cendrillon	Сандрийон Золушка Замарашка
Le Fils le Jour	Сын День День-Сын Ясный День Пересвет Царевич Свет Царевич Елисей Блудный Сын Сын Солнца Сын Дня
Le Maître Chat ou le chat botté	Кот в сапогах Господин кот
Le Marquis de Carabas	Маркиз де Карабас Господин Маркиз де Карабас
La petite Aurore	Аврорушка Маленькая Аврора Маленькая Заря Зорька Принцесса Аврора
Riquet à la houppe	Рике-хохолком Рике с хохолком
Le Petit Poucet	Мальчик-С-Пальчик

Что касается стратегий и приёмов перевода ОР, то здесь наблюдается полное совпадение у русских и французских переводчиков (табл. 9).

Таблица 9. Стратегии и приёмы перевода ОР в сказках Ш. Перро и А.Н. Афанасьева

Сказки А.Н. Афанасьева	Сказки Ш. Перро
<i>1. Монореферентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии</i>	
Одомашнивание – 52,4 % Остранение – 47,6 %	Одомашнивание – 69, 5% Остранение – 30, 5 %
Синхронизация	
<i>Б. Приёмы</i>	
Калькирование – 8,6 % Национальная адаптация – 43,5 % Описательный перевод – 8,6 % Транскрипция, транслитерация – 39 % Опущение – 0,3 %	Калькирование – 10 % Национальная адаптация – 59 % Описательный перевод – 2,8 % Транскрипция, транслитерация – 20, 5 % Опущение – 7, 7 %
<i>2. Прецедентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии</i>	

Одомашнивание – 71,5 % Отстранение – 28,5 %	Одомашнивание – 72,2 % Отстранение – 28,8 %
Синхронизация	
<i>Б. Приёмы</i>	
Калькирование – 28, 5 % Национальная адаптация – 57 % Смешанный перевод – 14, 5 %	Калькирование – 20, 8 % Смешанный перевод – 4, 6 % Национальная адаптация – 66, 6 % Транскрипция, транслитерация – 8 %

Из таблицы видно, что для перевода монореферентных и прецедентных ОР переводчики выбирают стратегию «одомашнивания».

Для перевода монореферентных ОР преимущественно используют национальную адаптацию (*Петя-Петенька – Pierrot, mon petit coq; Красна девица – La jolie demoiselle; Чучело огородное – Un épouvantail à moneaux; Медвежья бабка – Chevalier à la manque; La petite Pouffe – Капитанка; Mlle Javotte – Баба-Яга; “La belle au bois dormant” – «Спящая красавица»*) и описательный перевод (*Mlle Javotte – вторая дочь мачехи; Мачеха – Méchante belle-mère*).

Транскрипция и калькирование всё же присутствуют в переводах монореферентных ОР, но даже у русских переводчиков, которые предпочитают стратегию «отстранения», они встречаются значительно реже в жанре сказки (*Fanchon – Фаншон; La petite Pouffe – Петит Пуфф; Мачеха – Marâtre; “Riquet à la houppe” – «Рике с хохолком»*). Транскрибированные ОР зачастую подвергаются морфологическим изменениям, т.е. приобретают флексии, уменьшительно-ласкательные суффиксы, свойственные русскому языку (*La petite Pouffe – Пуффик, Пуффа, Пуффи*).

Таким образом, рассмотренные стратегии и приёмы перевода монореферентных ОР доказывают, что названная категория ОР обладает богатой семантикой, которая требует не простого транскрибирования, а более глубокого пояснения, перевода смыслового компонента ЛЕ.

При переводе прецедентных ОР у французских и русских переводчиков зафиксировано преобладающее использование стратегии «одомашнивания».

Соответственно, экстралингвистический компонент ОР со стратегией «одомашнивания» выходят на первый план, а именно национальная адаптация (*Морозко – Père Frimas, Grand-père Hiver; Le Fils le Jour – Царевич Свет, царевич Елисей; La petite Aurore – Зорька*) и смешанный перевод (*Морозко – Morozko (Grand-père le Gel); Le Marquis de Carabas – Господин Маркиз де Карабас*).

Второй общей стратегией перевода оказывается «синхронизация». Переводчики соблюдают темпоральные характеристики переводимых ЛЕ.

Суммируя всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что стратегии и приёмы перевода монореферентных и прецедентных ОР в жанре сказки совпадают у русских и французских авторов ПТ.

1.4.3. Комедии «Тартюф» и «Недоросль»

В продолжение нашего практического исследования сопоставим перевод ОР в комедиях XVIII в. «Недоросль» Д. Фонвизина и «Тартюф, или Обманщик» Ж.-Б. Мольера.

В указанных произведениях выявлено 30 ОР в ИТ и 31 ОР в ТП, из которых 12 монореферентных, 11 полиреферентных и 8 прецедентных ОР.

Французские переводчики для передачи всех категорий ОР с русского языка на французский выбирают стратегию «остранения» (табл. 10). Соответственно, они используют преимущественно фонетические приёмы перевода как для монореферентных ОР (*Вральман – Vralman; Милон – Milon*) и полиреферентных ОР (*Митрофан, Митрофанушка – Mitrofan, Mitrofanouchka; Софья – Sofia; Еремеевна – Ereméevna*), так и для прецедентных ОР (*Правдин – Pravdine; Стародум – Starodoum; Скотинин – Skotinine*).

Следует подчеркнуть, что для перевода имени главного персонажа (которое, как известно, перешло в разряд имён нарицательных), а также названия комедии переводчики используют национальную адаптацию («Недоросль» - *Le mineur, le dadais*), которая всё же присутствует у французских авторов при передаче монореферентных и прецедентных ОР.

Таблица 10. Стратегии и приёмы перевода ОР в комедиях

«Недоросль»	«Гартюф»
<i>1. Монореферентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии</i>	
Остранение – 65 % Одомашнивание – 45 %	Остранение – 70 % Одомашнивание – 30 %
Синхронизация	
<i>Б. Приёмы</i>	
Транскрипция, транслитерация – 65 % Национальная адаптация – 20 % Словарный эквивалент – 25 %	Транскрипция, транслитерация – 70 % Национальная адаптация – 15 % Словарный эквивалент – 15 %
<i>2. Полиреферентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии</i>	
Остранение – 80 % Одомашнивание – 20 %	Остранение – 50 % Одомашнивание – 50 %
Синхронизация	
<i>Б. Приёмы</i>	
Транскрипция, транслитерация – 80 % Словарный эквивалент – 10 % Национальная адаптация – 10 %	Транскрипция, транслитерация – 50 % Словарный эквивалент – 50 %
<i>3. Прецедентные ОР</i>	
<i>А. Стратегии перевода</i>	
Остранение – 85 % Одомашнивание – 15 %	Одомашнивание – 100 %
Синхронизация	
<i>Б. Приёмы</i>	
Транскрипция, транслитерация – 85 % Национальная адаптация – 15 %	Смешанный перевод – 100 %

Русские переводчики солидарны с французскими в выборе стратегии при переводе монореферентных и полиреферентных ОР, они также используют транскрипцию, транслитерацию (*Mme Pernelle* – Г-жа Пернель; *Philipote* – Флипом; *Orgon* – Оргон; *Valère* – Валер). Кроме механистических приёмов, полиреферентные ОР передаются словарным эквивалентом (*Mariane* – Мариана; *Elmire* – Эльмира), что подчёркивает формы ОР женского рода.

Что касается ключевого имени главного персонажа – *Tartuffe*, рассматриваемое как прецедентное ОР, то в этом случае переводчики используют смешанный перевод, т.е. транскрипцию с пояснительным примечанием к тексту: *Тартюф (Обманщик, святоша)*.

Следует также добавить, что временные характеристики ОР в ИТ и в ТП совпадают, т.е. собственно стратегия «синхронизации» сопутствует переводу русских и французских ОР.

Таким образом, стратегии и приёмы перевода ОР в вышеуказанных комедиях схожи у русских и французских переводчиков.

1.4.4. «Мёртвые души» и «Гобсек»

Далее переходим к исследованию ОР в произведениях XIX века: Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мёртвые души», том 1 (перевод Эрнеста Шарьера, 1859 г.) и О.де Бальзака «Гобсек» (перевод Натальи Немчиновой, 1977 г.).

Итак, выявлено 150 ОР в ИТ и 150 ОР в ТП, из которых 110 монореферентных, 25 полиреферентных и 15 прецедентных ОР.

Прецедентные ОР переводчики передают на ПЯ с помощью стратегии «одомашнивания» – 80 % («остранение» – транскрипция – 20 %). Они используют смешанный перевод: транскрипцию с комментарием (разъясняющим переводом). Например, *Степан Плюшкин – Stéphane Pliouchkine, avare; Манилов – Manilov, imbécile, mielleux; Собакевич – Sobakevitch, rustaud; Ноздрёв – Nozdriov, joueur et menteur; Gobseck – Гобсек – живо-глот*.

Что касается темпоральных параметров ЛЕ, то они также совпадают в ИТ и ТП, т.е. при передаче ОР переводчики обходятся стратегией «синхронизации».

При переводе монореферентных и полиреферентных ОР стратегии русских и французских авторов расходятся: первые предпочитают стратегию «остранения» (у монореферентных ОР – 76,5 %; у полиреферентных

ОР – 67 %), а вторые – «одомашнивания» (у монореферентных ОР – 67,3 %; у полиреферентных ОР – 80 %).

Соответственно, русские монореферентные и полиреферентные ОР передаются на французский язык с помощью словарного эквивалента (Прасковья – *Parascève*; Москва – *Moscou*, Тамбов – *Tambov*) и смешанного перевода (Тула – *Toula (ville de la Russie central, don't les armes, les bijoux, les samovars sont depuis longtemps renommés)*) (см. рис. 11).

Наряду со словарным эквивалентом наблюдается также применение приёма национальной адаптации при переводе таких полиреферентных ОР как: *Богдан* и *Селифан*, которые включены во фразеологический оборот: «*Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан*»: *Ni chair, ni poisson (ni Bogdane à la ville, ni Sélifane au village)*.

Стратегия «остранение» у русских переводчиков проявляется в преобладающем использовании транскрипции: *Anastasie* – *Анастази*; *Pondichéry* – *Пондишеру*; *Sara van Gobseck* – *Сарра ванн Гобсек*.

При переводе монореферентных ОР, а именно топонимов, у русских авторов зафиксированы гиперонимический перевод: *le vin de Champagne* – *вино из Франции*, что не искажает смысла высказывания, а также прямой перенос (*De viris illustribus* - *De viris illustribus* лат. («О знаменитых мужах»)) и калькирование (*La belle Hollandaise* – «*Прекрасная Голландка*»). Смешанный перевод также используется при переводе монореферентных ОР: *Grotius* – *Гроций Гуго (1583-1645)* – *голландский юрист и реакционный государственный деятель, был провозглашён «отцом международного права»*.

Таким образом, из рисунка 11 (где М. ОР – это монореферентные ОР, П. ОР – полиреферентные, Пр. ОР – прецедентные ОР, 1 – «Мёртвые души»; 2 – «Гобсек») видно, что приёмы перевода ОР совпадают частично у русских и французских авторов. Стопроцентное совпадение приёмов (смешанного перевода и транскрипции) зафиксировано при переводе прецедентных ОР. Перевод французских монореферентных и полиреферент-

ных ОР характеризуется преобладанием транскрипции, наличием прямого переноса (безусловно, в меньшем соотношении, чем он присутствует в переводах «Гаргантюа и Пантагрюэль» - см. п.1.4.1.), а также вариативностью используемых приёмов перевода ОР. У французских переводчиков лидирующими приёмами оказываются словарный эквивалент и национальная адаптация. Транскрипция и калькирование присутствуют в переводе русских ОР, но не являются приоритетными.

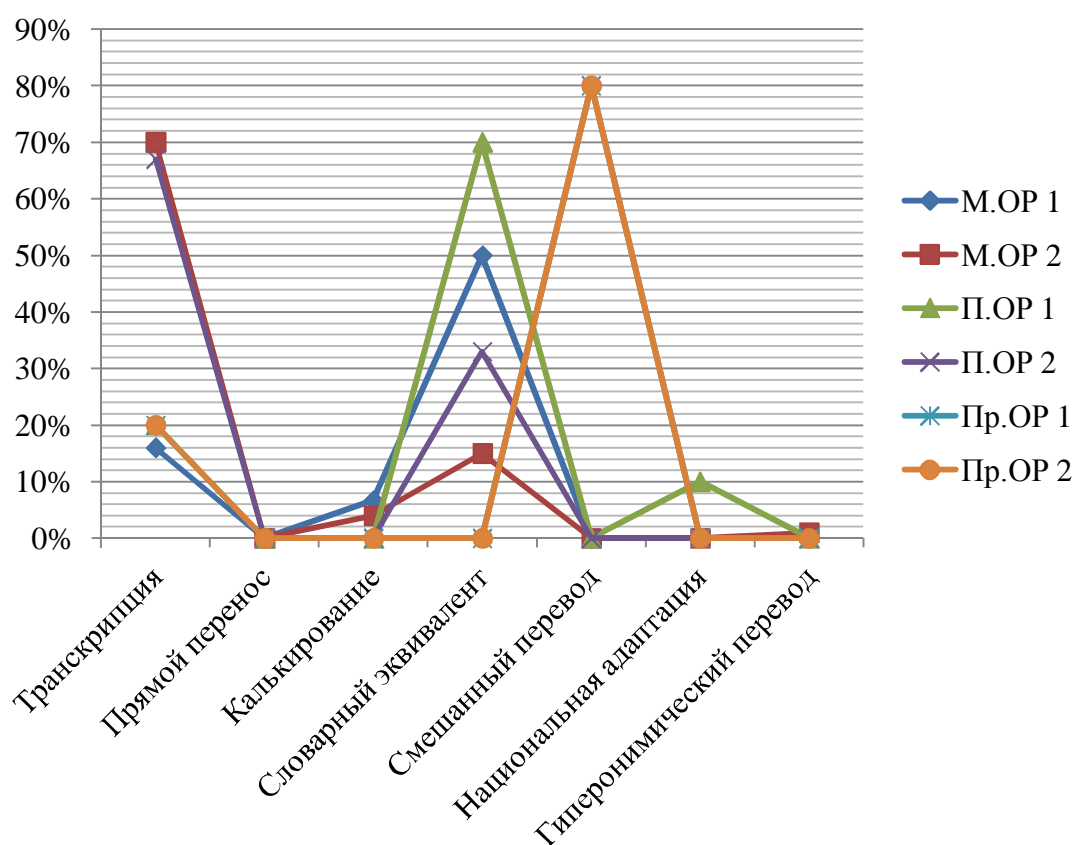

Рис. 11. Приёмы перевода ОР, в %
(в произведениях «Мёртвые души» и «Гобсек»)

1.4.5. «Кола Брюньон» Р. Роллана и сказы Н.С. Лескова

Следующим этапом анализа языкового материала является исследование ОР в:

- 1) повести Р. Роллана «Кола Брюньон» (1914 –1918 гг. Перевод: М. Лозинский, 1932);
- 2) сказках Н.С. Лескова («Леди Макбет Мценского уезда», 1864 – перевод: Boris de Schloezer, 1939, Irène Tateossov, 1970; «Тупейный художник», 1883 – перевод: Boris de Schloezer, 1939, Georges Arout, 1947, Catherine Géry, 2002; «Левша» (Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе), 1881 – перевод: Catherine Géry, 2002; «Очарованный странник», 1883 – перевод: Georges Arout, 1947; «Человек на часах», 1887 – перевод: Irène Tateossov, 1970; «Путешествие с нигилистом», 1882 – перевод: Catherine Géry, 2002; «Штопальщик», 1882 – перевод: Catherine Géry, 2002; «Полунощники», 1891 – перевод: Catherine Géry, 2002; «Леон, дворецкий сын» (застольный хищник), 1881 – перевод: Catherine Géry, 2002; «Запечатленный ангел», 1873 – перевод: Boris de Schloezer, 1939).

Следует отметить, что большое количество переводов сказов Н.С. Лескова свидетельствует о популярности его произведений во Франции, несмотря на достаточно колоритный и насыщенный исконно русскими реалиями язык.

Итак, в ходе исследования обнаружено 663 ОР в ИЯ и 692 ОР в ПЯ. Из них 550 монореферентных, 92 полиреферентных и 50 прецедентных ОР.

Стратегии и приёмы перевода ОР в данном случае имеют ряд различий. Так, для перевода монореферентных и прецедентных ОР французские переводчики используют стратегию «одомашнивания», для передачи полиреферентных ОР авторы выбирают «остранение» (рис. 12, где М. ОР – это монореферентные ОР, П. ОР – полиреферентные, Пр.ОР – прецедентные ОР, 1 – сказы Н.С. Лескова; 2 – «Кола Брюньон»).

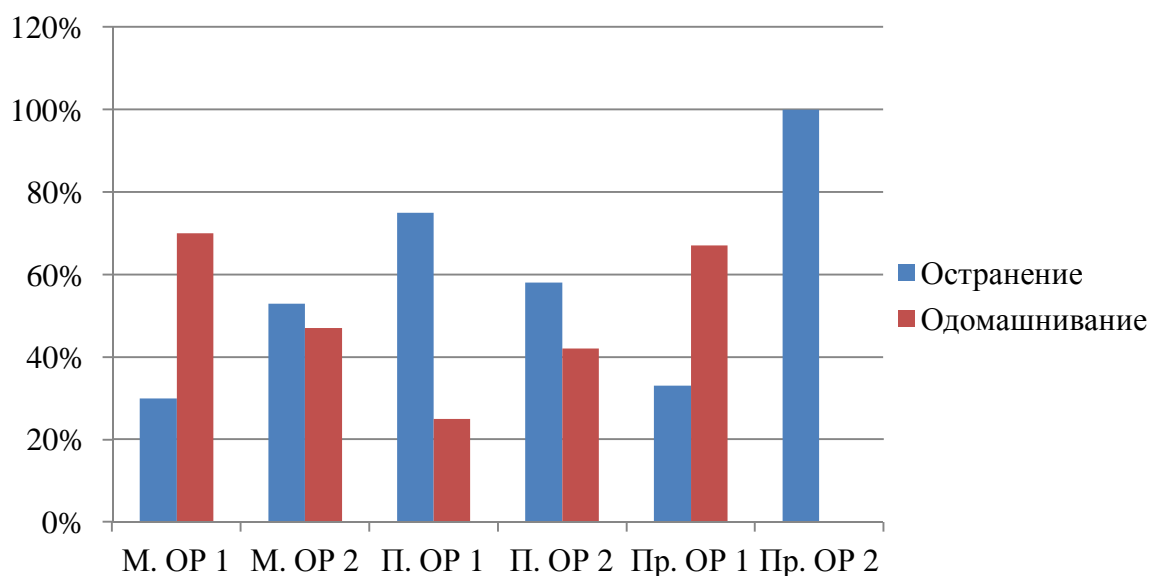

Рис. 12. Стратегии перевода ОР

(в произведениях Р. Роллана и Н.С. Лескова)

Далее остановимся более подробно на приёмах перевода ОР (рис. 13).

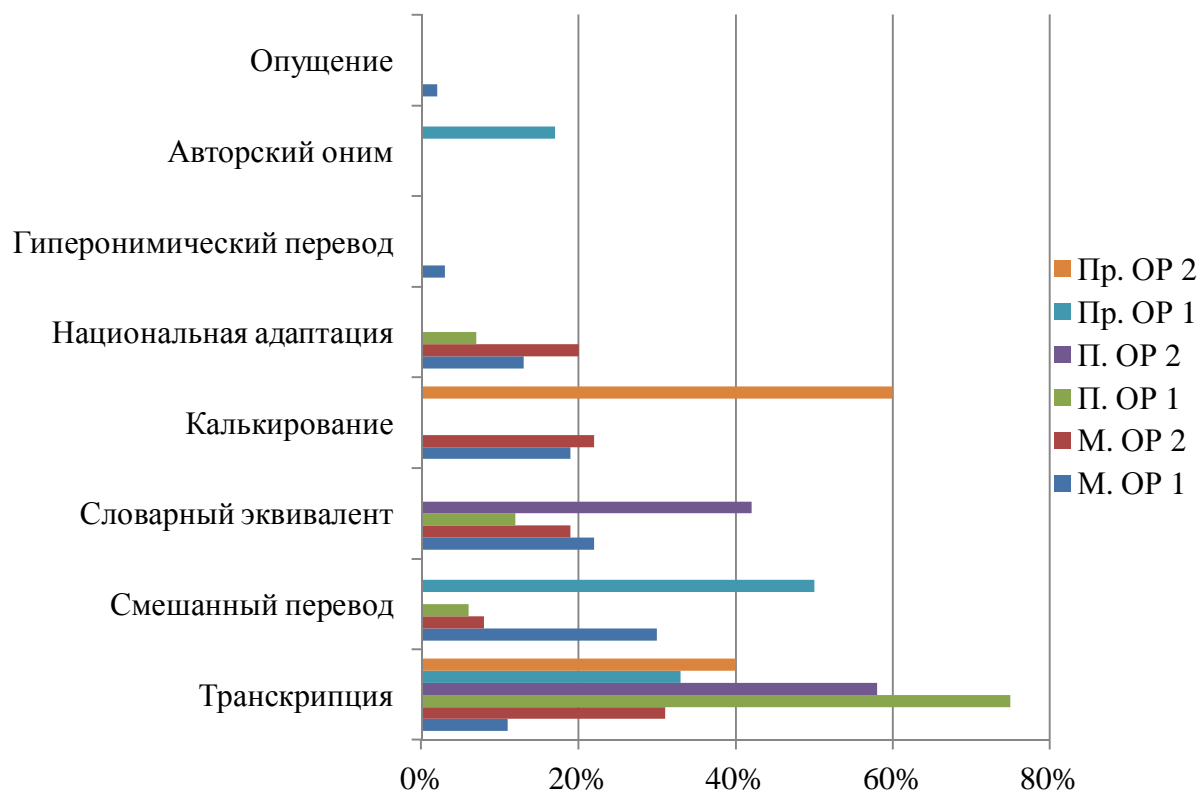

Рис. 13. Приёмы перевода ОР (в произведениях Р. Роллана и Н.С. Лескова)

Русские же авторы используют стратегию «остранения» для всех категорий ОР.

При переводе монореферентных и прецедентных ОР и русские, и французские авторы преимущественно используют следующие приёмы:

- словарный эквивалент (*Николай Павлович – Nicolas I-er; Казань – Kazan; Аравия – L'Arabie; Лондон – Londres; Адам – Adam; Madeleine – Магдалина; Cléopâtre – Клеопатра; Le duc Louis – Герцог Людовик*);

- калькирование (*Петропавловская крепость – La forteresse Pierre et Paul; Иван Грозный – Ivan le Terrible; Николай Угодник – Nicolas le Bienheureux; Святитель Мир-Лукийских – Le saint archevêque de Myre en Lucie; «Путешествие с нигилистом» – Voyage avec un nihiliste; «Леди Макбет Мценского уезда» – Lady Macbeth de la paroisse de Mzensk; Rouge-Gorge – Зарянка; Le grand Picq – Долговязый Пик; Marie-manque-de-grâce – Неблагодарная Мария; Saint Clair fait le temps clair – Святой Клар-солнцедар; Le docteur Tant-Pis et Tant-Mieux – Доктор Всехул, Всехвал; Christophe rare-grêle – Христофор-градоборец; Valérien avale-orage – Валериан-грозоглот; Aurélien tranche-tonnerre – Аврелиан-громорез*);

- смешанный перевод (*Мономах – Monomaque (+ комментарий: речь идет либо о киевском Мономахе Владимире, либо о византийском – Константине); Турецкий Хрущук – Khrouthouk la Turquie (+ примечание – ville bulgare alors sous domination turque – город в Болгарии, под турецким влиянием); Яуза – Iaouza (+комментарий: приток Москвы–реки, который омывает Москву. Н.С. Лесков описывает московский район, где жили купцы); Jean-François – Жан-Франсуа, церковник*).

Интересными вариантами перевода оказываются гиперонимический перевод (*Маргарита - L'eau minérale; Храм Пресвятой Богородицы – Le Temple*) и национальная адаптация (*Иоанн Богослов - Saint Jean; Аболон – Le Beau Léon du Réverbère; Любушка–голубушка – Ma petite colombe; La reine des Andouilles – Колбасная королева*).

У французских переводчиков обнаружен новый переводческий приём, который мы именовали как авторский оним, т.е. создание новой ОР, отсутствующей в ИЯ. Например, в ПТ выявлены следующие ОР: *Don*

Juron (супруг); *Le mont Thabor* (гора в Палестине, на юго-востоке Назарета, где состоялось Преображение И.Христа); *Saint Jean la Bouche Dorée* (праздничная ночь); *Le lac Elton* (озеро, прославившееся большими залежами соли); *Amarine* (площадь).

Лидирующим приёмом перевода полиреферентных ОР оказывается транскрипция. Например, *Катерина* – *Katérina*; *Наташа* – *Natacha*; *Морская* – *La Morskaïa*; *Глodie* – *Глоди*; *Baptiste* – *Батист* и т.д.

Необходимо обратить внимание на использование французскими авторами глухих согласных на конце переводимых ОР, свойственных фонетическим особенностям русского языка (*Кончанов* – *Kontchanof*; *Овчинников* – *Ovtchinikoff*; *Катерина Львовна Измайлова* – *Catherina Lvovna Izmailoff*) – стратегия «синхронизация», а также на замену сокращённых, просторечных обращений в сказах Н.С. Лескова (*Сергей Филипыч* – *Serguési Filippitch*; *Николач* – *Nicolatch*) на полную форму личных имён и отчеств (*Зиновий Борисыч* – *Zinovi Borissovitch*; *Борис Тимофеич Измайлов* – *Boris Timothéovitch Izmailoff*) – стратегия «модернизация».

Данный феномен обусловлен наличием просторечной лексики в сказах Н.С. Лескова, который мастерски изображает реальную деревенскую жизнь того времени. В этой связи перед французскими переводчиками возникает диллема: «синхронизация» или «модернизация»? Выбор стратегии предопределяется личными предпочтениями специалистов по переводу, поскольку для французской аудитории сохранение временных характеристик ОР не является принципиальным и не отражает «деревенский» стиль рассказа, т.к. в любом случае отчества воспринимаются ими как чужеродный элемент.

В отличие от переводов более ранних произведений прямого переноса французских ОР не обнаружено.

Кроме того, для французских переводчиков вызвали затруднения русские монореферентных ОР, связанные с именами библейских персона-

жей. В этой связи использовано опущение данных реалий (*Старец Сысой, Таврикий, Исайя–пророк и другие*).

Подводя итог вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что стратегии и приёмы перевода ОР в рассматриваемых произведениях в большей степени не совпадают. Отличительной чертой перевода русских ОР оказывается использование авторского онома, гиперонимического перевода, а также стратегии «модернизации» при переводе единичных и множественных антропонимов. Особенностью перевода французских ОР является отсутствие прямого переноса, а также преобладание стратегии «остранения» при переводе всех категорий ОР.

1.4.6. «Графиня Калиостро» и «Пелагея и чёрный монах»

Завершающей ступенью нашего сопоставительного анализа стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР являются произведения М. Леблана «Графиня Калиостро», XX в. (перевод: А. Коган, 2000) и «Пелагея и чёрный монах» Б. Акунина, начало XXI в. (перевод: Alexandre Karvovski et Odette Chevalot, 2006).

Выбор данной пары текстов обусловлен схожим стилем написания и жанром произведения: в первом случае – детективный роман, во втором – исторический детектив. «Писатель М. Леблан по популярности соперничал с Артуром Конан Дойлем и стал родоначальником целого направления в литературе. Среди последователей можно назвать Бориса Акунина ...» [Электронный ресурс 2014].

В вышеуказанных произведениях обнаружено 246 ОР в ИЯ и 250 ОР в ПЯ, из которых 15 полиреферентных ОР, 205 монореферентных ОР и 30 прецедентных ОР.

Среди стратегий перевода русских и французских ОР преобладающими оказываются «остранение» и «синхронизация». Транскрипция (*Антип – Antipe; Кулибины – Les Koulibine; Петруша Верховенский – Pétroucha Verkhovenski; Жозеф Соломонович – Joseph Solomonovitch; Феликс Стани-*

славович Лагранж – *Félix Stanislavovitch Lagrange*; Чика Зарубин – *Tchika Zaroubine*; *Raoul d'Andrésy* – Рауль д'Андрези; *Marquis de Rolleville* – Маркиз де Рольвиль; *Roux d'Estiers* – Ру д'Этьер; *Arsène Lupin* – Арсен Люпен) и словарный эквивалент (*Лев* – *Léon*; *Финляндия* – *La Finlande*; «*Война и мир*» – *Guerre et Paix*; *Valentine* – Валентина; *Normandie* – Нормандия; *Luxembourg* – Люксембург; *Versailles* – Версаль) становятся основными приёмами передачи ОР с одного языка на другой (рис. 14, где М. ОР – это монореферентные ОР, П. ОР – полиреферентные, Пр. ОР – прецедентные ОР, 1 – «Пелагея и чёрный монах», 2 – «Графиня Калиостро»).

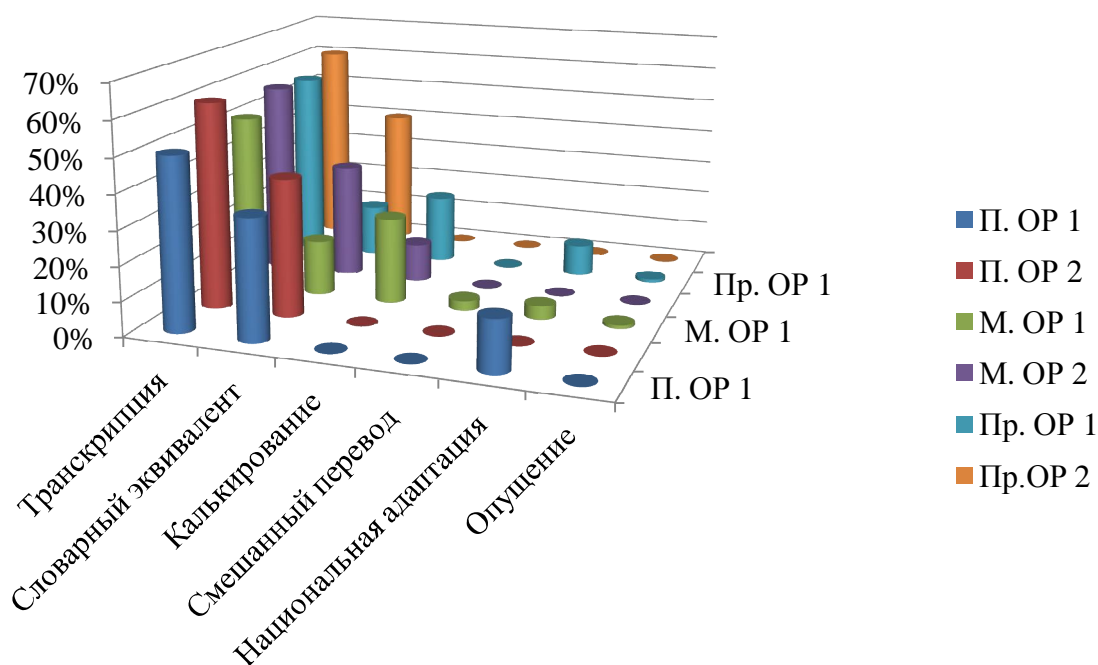

Рис. 14. Приёмы перевода ОР в произведениях М. Леблана и Б. Акунина

Необходимо отметить, что французские переводчики выбирают стратегию «остранения» для перевода всех категорий ОР (как и при переводе комедии «Недоросль»): для монореферентных – 76 %, для полиреферентных – 50 % и 75 % для прецедентных ОР. На наш взгляд, это напрямую связано с жанром произведения и с желанием французских переводчиков приблизить читателей к русскому оригиналу.

Русские авторы не только предпочитают транскрипцию и калькирование, но и используют ограниченное количество иных приёмов перевода ОР. В их арсенале в небольшом количестве имеются словарный эквивалент, национальная адаптация и смешанный перевод.

Выбор стратегии «остранения» можно объяснить особым колоритом произведения, наличием большого количества единичных антропонимов, которые уже имеют определённые эквиваленты, аналоги в ПЯ. Анализируемые произведения характеризуются обилием вымышленных персонажей, транскрибируя имена которых, переводчики сохраняют чужеродные реалии: загружают текст иноязычными ЛЕ, что придаёт «экзотическую» окраску детективам. Безусловно, перевод прецедентных ОР с помощью механистических приёмов перевода не достаточен для раскрытия авторских аллюзий, поэтому замечены случаи снятия прецедентности у ОР. Например, *Александр (аллюзия – Македонский)* в ПТ передаётся простой транскрипцией (*Alexandre*), что вовсе не желательно для перевода названной категории ОР.

Французские переводчики всё же не обходятся без национальной адаптации (*Лисицына – Mme Goupiline; Василиск – Basile; «Жумие» – La vie des Saints; Ресторан «Василисков нур» – Le restaurant “Au Festin de Balthazar”;* *Прощальная часовня – La chapelle Saints-Cosme-et-Damien; Окольный остров – La Marche*), калькирования (*Ланселот Озерный – Lancelot du Lac; «Сине-море» – La mer bleue; «Пелагея и чёрный монах» – Pélagie et le Moine Noir; Принцесса Греза – La princesse de Rêve*) и опущения (нейтрализации) ОР.

Что касается временных характеристик ОР в оригинале и в переводе, то они совпадают, т.е. переводчики используют стратегию «синхронизации». Например, *Донат Саввич – Donate Savvitch*, французские переводчики сохраняют сокращённую форму русского отчества (в отличие от перевода ОР в сказах Н.С. Лескова, где нередко встречались замены просторечной, сокращённой формы имени на полную). Исходя из результатов ис-

следования, для русских переводчиков данная стратегия является единственно верной при переводе ОР: они всегда соблюдают темпоральные характеристики ОР в ПТ.

Таким образом, в жанре детектива стратегии и приёмы перевода русских и французских ОР имеют как общие черты, так и различия.

Как русские, так и французские переводчики для всех категорий ОР используют преимущественно стратегию «остранения» и стратегию «синхронизации». Однако перевод русских ОР отличается большей вариативностью приёмов перевода, а французских ОР – отсутствием опущения ОР.

2. Выводы и общие рекомендации переводчику

Полученные результаты практического исследования позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, мы убедились в том, что перевод ОР обладает большой вариативностью переводческих приёмов, выбор которых зависит от ряда как языковых, так и экстралингвистических факторов.

Во-вторых, установлено, что рассмотренные стратегии и приёмы перевода русских и французских ОР имеют ряд общих черт и различий.

Общей стратегией оказалась «синхронизация», которая предоставляет возможность переводчикам сохранить временные характеристики ОР оригинала в ПТ. Однако у французских переводчиков при передаче множественных и единичных антропонимов в сказах Н.С. Лескова зафиксирована стратегия «модернизации». Стратегия «архаизации» не выявлена.

При переводе русских монореферентных и прецедентных ОР, а также французских прецедентных ОР лидирует стратегия «одомашнивания».

Перевод полиреферентных ОР также совпадает у русских и французских переводчиков: они выбирают стратегию «остранения».

Соответственно, стратегии перевода полиреферентных и прецедентных ОР совпадают у переводчиков, а перевод монореферентных ОР имеет принципиальное различие: русские авторы выбирают стратегию «остране-

ния», французские, напротив, – «одомашнивания» (рис. 15, рис. 16, где М. ОР – монореферентные ОР, П. ОР – полиреферентные и Пр. ОР - прецедентные).

<p>М. ОР Остранение – 42 % Одомашнивание – 58 %</p>	<p>П.ОР Остранение – 68,5 % Одомашнивание 32,5 %</p>	<p>Пр. ОР Остранение – 46 % Одомашнивание – 54 %</p>
--	---	---

Рис. 15. Стратегии перевода русских ОР

<p>М. ОР Остранение – 60,8 % Одомашнивание – 39,2 %</p>	<p>П.ОР Остранение – 56 % Одомашнивание – 44 %</p>	<p>Пр. ОР Остранение – 44,8 % Одомашнивание – 55,2 %</p>
--	---	---

Рис. 16. Стратегии перевода французских ОР

Что касается приёмов перевода, то установлено, что русские переводчики предпочитают те или иные переводческие приёмы в зависимости от категории ОР. Так, для перевода монореферентных ОР первые используют преимущественно транскрипцию и национальную адаптацию, а вторые – транскрипцию и словарный эквивалент. При переводе полиреферентных ОР авторы применяют транскрипцию, а смешанный перевод и калькирование становятся основными приёмами при передаче прецедентных ОР.

Однако следует уточнить, что основные стратегии и приёмы перевода как русских, так и французских не являются исключительными: в зависимости от эпохи создания оригинала и перевода, а также от ряда других языковых и неязыковых факторов переводчики могут прибегать к иным переводческим решениям.

Необходимо всё же подчеркнуть, что у русских переводчиков наблюдается тенденция перехода от прямого переноса ОР в переводах про-

изведений XV–XIX вв. (которым присуще наличие имён и названий латинского происхождения) к транскрипции в переводах XX–XXI вв. Французские переводчики в переводах произведений XVII–XIX вв. отдают предпочтение словарному эквиваленту и национальной адаптации, а в более поздних произведениях – смешанному переводу. Более того, отличительной чертой перевода русских ОР можно назвать использование авторского онома, который делает ЛЕ более понятными и доступными для читателя, а также отсутствие прямого переноса – во французском языке не принято заимствовать ЛЕ «в чистом виде».

В нашу задачу не входило сравнение стратегий и приёмов перевода ОР по жанрам, но следует подчеркнуть, что в жанрах сказки, рассказа и детектива стратегии и приёмы перевода русских и французских ОР совпадают, а именно монореферентные и прецедентные имена в сказках и рассказах переводятся с использованием стратегии «одомашнивания» (приёмы: калькирование, смешанный перевод (транскрипция + описание) и национальная адаптация), в детективах все категории ОР переводятся с помощью стратегии «остранения». При сопоставлении стратегий и приёмов перевода русских ОР в диахронии установлено, что у французских переводчиков они идентичны в жанре комедии и детектива (остранение – транскрипция), а у русских переводчиков сходства выявлены в жанре комедии и детектива (остранение – транскрипция и калькирование).

В-третьих, выбор стратегии и приёма перевода ОР зависят не только от категории ОР (полиреферентные, монореферентные или прецедентные), но и их подвидов (антропонимы, топонимы, названия литературных произведений, организаций, праздников и т.д.). Так, при переводе топонимов более частотными приёмами являются словарный эквивалент и гиперонимический перевод, при передаче названий произведений – калькирование, при переводе антропонимов – транскрипция, смешанный перевод и национальная адаптация.

Таким образом, научная гипотеза данной диссертационной работы подтверждена: перевод ОР зависит от структуры языка оригинала и языка перевода, от категорий ОР, подвидов ОР, времени создания подлинника и перевода, а также от жанра произведения.

Безусловно, практически невозможно учесть и предусмотреть сразу все языковые и неязыковые факторы выбора того или иного переводческого решения. В каждом конкретном случае переводчику следует выстраивать свою траекторию движения к адекватному переводу. Однако, учитывая полученные результаты сопоставительного анализа стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР, можно сформулировать следующие рекомендации по переводу ОР с французского языка на русский и наоборот.

Итак, для выбора корректного переводческого решения для передачи ОР с французского языка на русский и с русского языка на французский, следует руководствоваться следующими рекомендациями:

1. Убедиться, что речь идёт об ОР, то есть названии индивидуально-го предмета.

В русском и французском языках для передачи ОР применяется заглавная буква. Однако с заглавной буквы пишутся и другие слова, помимо ОР: например, названия национальностей (во французском языке), научные названия видов растений и животных, а также нарицательные слова, которым в тексте придаётся особое значение или обобщённый смысл.

Необходимо иметь ввиду, что не все категории ИС относятся к ОР.

Соответственно, необходимо обратиться к дополнительным источникам, если ЛЕ встречается впервые или вызывает затруднения в её интерпретации.

2. Определить, к какой категории и какому подвиду ОР относится данная ЛЕ.

Когда установлена категория ОР (полиреферентные, монореферентные или прецедентные), то следует руководствоваться основными страте-

гиями перевода данного вида ОР: «остранением» или «одомашниванием» (рис. 15, рис. 16). Следует помнить, что остранение свойственно переводу русских и французских полиреферентных ОР, а также русских монореферентных ОР, а одомашнивание – переводу французских монореферентных ОР, а также прецедентных ОР как одного, так и другого языка.

Определив подвид имени или названия (антропоним, топоним, название организации и т.п.), возможно учесть дополнительные особенности его понятийного значения, влияющие на выбор варианта передачи и на перевод контекста.

Например, русская ОР «*Александр*», являясь полиреферентной реалией и множественным антропонимом, передаётся на французский язык с помощью транскрипции (*Alexandre* или даже *Alexandr*). В случае её употребления в качестве монореферентной или прецедентной реалии, т.е. единичного антропонима, следует использовать стратегию «одомашнивания», разъяснить семантику ЛЕ, используя либо смешанный перевод (*Alexandre (le roi de Macédoine de 336 à 323 ou Alexandre III)*).

В зависимости от подвида ОР возможны также вариации.

При переводе антропонимов, как правило, используются транскрипция (правила современной практической транскрипции с французского на русский приведены в приложении 1, буквенные соответствия в переводах более ранних произведений с русского языка на французский и наоборот – табл. 5, табл. 6), смешанный перевод или калькирование. Перевод русских отчеств – это особый пункт, где могут быть использованы как полные, так и сокращённые формы, как правило, сопровождающиеся авторским комментарием.

При переводе топонимов предпочтительны словарный эквивалент, транскрипция или гипо-, гиперонимический перевод. Французские топонимы обычно передаются на русский язык с окончаниями, для удобства склонения данных ЛЕ.

Предпочтительными приёмами перевода названий произведений, общественных явлений или организаций являются национальная адаптация или калькирование. Названия произведений во французском языке обычно пишутся без кавычек.

3. Определить национально-языковую принадлежность ОР

Это позволяет выбрать правильную систему ориентиров при транскрипции или выборе традиционного варианта передачи ОР. Например, встретив во французском тексте имя *Hugo*, необходимо иметь в виду, что оно может быть как французским – и тогда его следует передавать как *Юго*, так и английским. В последнем случае необходимо руководствоваться правилами транскрипции с английского языка, и современный носитель такого имени будет, очевидно, именоваться по-русски *Хьюго*. Но на этом анализ имени не будет исчерпан – необходим следующий шаг:

4. Проверить, не имеет ли ОР традиционных соответствий, словарных эквивалентов

Это особенно важно, если в тексте упоминаются исторические события или персонажи. История с древнейших времен вплоть до конца XX века уже описана и проанализирована, и в соответствующей литературе обычно уже закрепились традиционные соответствия для имён исторических личностей. Например, продолжая пример с ОР *Hugo*, может оказаться, что в тексте идёт речь об известном французском писателе XIX века, и тогда необходимо использовать устоявшийся вариант передачи этого имени — *Гюго*.

Некоторые из традиционных соответствий могут даже быть ошибочными с точки зрения современной лингвистики, но их всё равно используют, чтобы не вступать в противоречие с существующим массивом исторических, энциклопедических и литературных источников, а также чтобы поддержать тождество ОР в языке перевода [Ермолович 2001: 33].

Данные принципы относятся также к ОР из области религии, мифологии, фольклора, художественных произведений.

Безусловно, в справочной литературе существуют разные варианты передачи, возможны и лакуны, то есть отсутствие устоявшихся соответствий.

«В любом случае переводчику необходимо глубоко проанализировать ситуацию и только после этого принимать одно из следующих решений:

а) следовать традиции, а при наличии нескольких традиционных соответствий – обоснованно выбрать одно из них;

б) нарушить традицию и дать новый вариант с учётом каких-либо новых обстоятельств или на основе каких-то весомых причин» [Op. cit.: 34].

5. Выбрать стратегию и приём перевода с учётом всех компонентов формы и содержания ОР, характера перевода и целевой аудитории

В случае, когда переводчик приходит к выводу, что готового решения в справочных источниках и словарях нет, то следует не только стремиться к тому, чтобы передать адекватно важнейшие компоненты формы и содержания, но и уделить особое внимание следующим моментам:

а) удобство произношения и благозвучность полученного эквивалента;

б) возможность склонения этого соответствия, употребления его во фразе, образования производных слов;

в) сохранение тождества имени;

г) пригодность итогового варианта для практических нужд целевой аудитории (если таковая имеется в виду) [Ibid.].

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что для эквивалентного перевода текста, содержащего ОР, не всегда достаточно использовать механистическую передачу его фонографической оболочки. Проанализировав смысловые и культурно-прагматические аспекты такого текста, переводчик должен сделать выбор в пользу той стратегии и того приёма перевода, которые оптимальны для каждого конкретного случая.

Выводы по главе 2

1. Сопоставительный анализ стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР в диахронии показывает, что перевод ОР обладает большой вариативностью переводческих приёмов, выбор которых зависит от ряда как языковых, так и экстралингвистических факторов, а именно от структуры языковой системы, категории ОР (полиреферентные, монореферентные или прецедентные), подвидов ОР (антропонимы, топонимы, названия литературных произведений, организаций, праздников и т.д), времени создания оригинала и перевода, от жанра произведения.
2. Стратегии и приёмы перевода русских и французских ОР имеют ряд общих черт и различий. При переводе русских монореферентных и прецедентных ОР, а также французских прецедентных ОР лидирует стратегия «одомашнивания», что, на наш взгляд, является абсолютно успешным переводческим решением. Перевод полиреферентных ОР также совпадает у русских и французских переводчиков: они выбирают стратегию «остранения». Передача монореферентных ОР имеет принципиальное различие: русские авторы выбирают стратегию «остранения», французские, напротив, – «одомашнивания». Для перевода монореферентных ОР первые используют преимущественно транскрипцию и национальную адаптацию, а вторые – транскрипцию и словарный эквивалент. При переводе полиреферентных ОР авторы применяют транскрипцию, а смешанный перевод и калькирование становятся основными приёмами при передаче прецедентных ОР.
3. У русских переводчиков наблюдается тенденция перехода от прямого переноса ОР в переводах произведений XV–XIX вв. к транскрипции в переводах XX–XXI вв. Французские переводчики в переводах произведений XVII–XIX вв. отдают предпочтение словарному эквиваленту и национальной адаптации, а в более поздних произведениях – смешанному переводу. Более того, отличительной чертой перевода русских ОР можно назвать использование авторского онима, а также отсутствие прямого переноса.

4. В жанрах сказки детектива стратегии и приёмы перевода русских и французских ОР совпадают, а именно монореферентные и прецедентные имена в сказках переводятся с использованием стратегии «одомашнивания» (приёмы: смешанный перевод (транскрипция + описание) и национальная адаптация), в детективах все категории ОР переводятся с помощью стратегии «остранения».
5. Атрибутом при переводе ОР является стратегия «синхронизации», т.е. темпоральные характеристики ОР оригинала сохраняются в тексте перевода, а «архаизация / модернизация» не свойственны переводу ОР. Однако французские переводчики иногда используют стратегию «модернизации» для перевода русских отчеств, трансформируя их сокращённую форму в полную.
6. Полученные результаты практического исследования позволяют составить следующие рекомендации по переводу ОР с русского на французский и наоборот в помощь переводчику: а) убедиться, что переводимая ЛЕ является ОР, то есть названием индивидуального предмета; б) определить, к какой категории и какому подвиду ОР относится данная ЛЕ; в) определить национально-языковую принадлежность ОР; г) проверить, не имеет ли ОР традиционных соответствий, словарных эквивалентов; д) выбрать переводческую стратегию и приём перевода с учётом всех компонентов формы и содержания ОР, характера перевода и целевой аудитории.
7. Интегрированная теоретическая модель перевода ономастических реалий, таким образом, находит своё применение на практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное в настоящей диссертации исследование, выполненное в рамках теории перевода, сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии, позволяет сделать следующие выводы.

Ономастическая реалья представляет собой сложный лингвистический феномен, специфика значения которого свидетельствует о его закреплённости за соответствующей областью знания. ОР представляет собой комплексное, смежное понятие, сущность которого может быть раскрыта с помощью терминологизации двух ее составляющих: *онима* и самой *реалии*, что позволяет детально и непротиворечиво описать типологию ОР в аспекте взаимодействия языков и культур. Осмысление литературы вопроса, а также комплексное изучение русских и французских реалий в системе языка и их реализации в речи позволило следующим образом уточнить понятийную специфику данного термина.

Процесс освоения и осмысления реалии в лингвистике сопровождается постепенным сужением семантического поля данного термина: от реалии как *слова*, обозначающего артефакт/натурфакт, отличающийся «вещностью» денотата (в лингвистике), к реалии как артефакту/натурфакту - *предмету*, свойственному одной культуре и отсутствующему в другой (в теории перевода и лингвокультурологии). Семантический сдвиг в структуре значения термина непосредственно отражает этапы ассимиляции и интерпретации реалии в современном языкознании.

В свою очередь ономастика – это, прежде всего, социально-историческое образование, возникшее и функционирующее в конкретных условиях в качестве важнейшего элемента коммуникации.

Принадлежность ономастики к реалиям, к безэквивалентной лексике обусловлена национальным своеобразием языка и культуры народа, которому принадлежит имя собственное.

С помощью собственных имён реализуется общая гносеологическая и частная кумулятивная функции языка, ибо в онимах отражается, фиксируется и сохраняется информация о постигнутой человеком действительности.

Интерес к культурологической составляющей языковых феноменов сегодня велик как никогда, и связано это с осознанием того, что язык представляет собой субстрат культуры, что язык пронизывает культуру, является важнейшим средством для организации и упорядочения действительности и единственным ключом для ее постижения.

Таким образом, использование ОР оказывается в ряду тех средств, которые способствуют усилению изобразительности и выразительности высказывания и текста в целом. В совокупности они помогают охарактеризовать язык как семантический и культурный универсум.

На современном этапе развития языка, когда его носители обладают огромным запасом языковых средств, особый интерес представляют вопросы перевода данных ЛЕ с одного языка на другой: как отразить и передать на другой язык то или иное семантическое содержание, как перевести его наилучшим образом, то есть решить коммуникативные задачи.

Таким образом, в ономастических реалиях как в фокусе сходятся важнейшие проблемы теории перевода.

С целью решения данных переводческих задач целесообразным оказывается лингвокультурологический, интегрированный подход к изучению реалии, объединяющий основные положения ЛТП, КТП и ИТП, а интегрированная модель перевода реалии наряду с функционально-семантическим делением ОР (на полиреферентные и монореферентные, которые могут перейти в разряд прецедентных ОР) легли в основу практического исследования – сопоставительного анализа стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР в диахронии.

В работе проанализированы и сопоставлены русские и французские ОР в ИЯ и ПЯ в произведениях XV–XXI вв., что позволило выявить общности и различия в стратегиях и приёмах передачи ОР с русского языка на французский и

наоборот, а также составить общие рекомендации по переводу русских и французских ОР.

Приоритетный выбор стратегии «остранения» или «одомашнивания», того или иного приёма перевода ОР предопределяется структурой языковой системы, категорией ОР, подвидом ОР, временем создания оригинала и перевода, жанром произведения, а также целевой аудиторией.

Выделенные на примере русских и французских ОР стратегии и приёмы перевода объективируют возможности выведения реалии (как единицы наибольшей концентрации национальной культуры) из категории «непереводимого в переводе». Кроме того, они дают серьезные и объективные основания признать в качестве ведущего методологического стержня принципиальную переводимость любого текста, в том числе характеризующегося национальным колоритом.

Рассмотрение ОР в аспекте важнейших категорий переводоведения позволило поставить ряд вопросов, непосредственно связанных с понятийным аппаратом науки о переводе.

Полученные в диссертации результаты и их теоретическое осмысление позволяют говорить о том, что изложенная в настоящей работе концепция и основанная на ней методика исследования материала в полной мере отвечают запросам развития науки на современном этапе, поскольку на примере решения конкретной задачи показывают возможности реализации междисциплинарного подхода к анализу языковых фактов. В результате предлагается системное описание стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР, конкретизирующих взаимовлияние французского и русского языков и культур.

Рассмотрение стратегий и приёмов перевода русских и французских ОР в предлагаемом ракурсе может внести определенный вклад в развитие наиболее фундаментальных проблем современной теории перевода и сопоставительной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдони́на М.Ю. «Золушка»: проблема адекватности образов в переводе // VII международная научная конференция по переводоведению «Фёдоровские чтения». 20–22 октября, 2005 г. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – С. 3.
2. Аверкина Л.А. Проблемы перевода безэквивалентной лексики // Вопросы теории и практики перевода: Сборник материалов семинара. – Пенза, Пензенский гос. пед. ун-т: Приволжский Дом знаний, 1999. – 6 с.
3. Алексеева И.С. Введение в переводоведение [Текст]: учебное пособие. – М.: Академия, 2004. – 347 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы о языке: уч.пос. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. - 2-е изд., испр. - М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
7. Базылев В.Н. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс / В.Н. Базылев, Ю.А. Сорокин. – Ульяновск: УлГУ, 2000. – 200 с.
8. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
9. Бархударов Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
10. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) [Текст] / А.А. Белецкий. – Киев, 1972. – 208 с.
11. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 39 с.
12. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е.Л. Березович // Вопр. языкознания. – 2004. – № 6. – С 3–24.
13. Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии (Словник). – Л.,

1973. – С. 107.
14. Бодрова-Гоженмос Т.И. Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции / Т.И. Бодрова-Гоженмос // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2002. – Вып. 7. – С. 42–51.
 15. Бодрова-Гоженмос Т.И. Процесс перевода с точки зрения интерпретативной теории / Т.И. Бодрова-Гоженмос // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж: ВГУ, 2006. – Вып. 5. – С. 11–19.
 16. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Наука, 1983. – 380 с.
 17. Бугрышева Е.С. Ономастическая реалия-неологизм как лингвистический конструкт (на материале телевизионного дискурса неблизкородственных языков. Электронный журнал «Вестник МГОУ» / www.evestnik-mgou.ru. – 2014. – № 2. – 12 с.
 18. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки) / Р.А.Будагов. – М.: Добросвет – 2002, 2004. – 416 с.
 19. Бурляй С.А. Методика подготовки переводчиков за рубежом: (на примере Парижской школы переводчиков) / С.А. Бурляй // Прагматика языка и перевод. – М., 1982. – Вып. 193. – С. 196–197.
 20. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии: автореф. дис. д-ра филол. наук / Г.В. Быкова. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 36 с.
 21. Введенская Л.А., Колесников Н.П. Этимология. Учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. – 224 с.
 22. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Вежбицкая А. - М.: Языки рус. культуры, 1999. – 776 с.
 23. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. Учебное пособие. 2-е изд-е, перераб., М.: КДУ, 2004. – 240 с.
 24. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Перевод и параллельный философско-семиотический комментарий В. П. Руднева // Логос. – 1999. – № 1, 3, 8. № 1 – С. 99–130; № 3 – С. 147–173; № 8 – С. 68–87.

25. Влахов С. Непереваемое в переводе / Влахов С, Флорин С. – М.: Высш. шк., 1986. – 316 с.
26. Влахов С. Непереваемое в переводе: Учеб. пособие / Сергей Влахов, Сидер Флорин. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Р.Валент, 2006. – 447 с.
27. Волков С.С. Лингвострановедческое комментирование художественного текста: (слова-реалии в «Бурмистре» И.С. Тургенева) // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 1987. – С. 35–42.
28. Воробьёв В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М., 1997. – С. 36–37.
29. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977 а. – 264 с.
30. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – 2-е изд. Л.: Просвещение, 1977 б. – 300 с.
31. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. - М.: Языки рус. культуры, 1998. – 768 с.
32. Гак В.Г. Теория и практика перевода : французский язык / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – М.: Интердиалект+, 2000. – 456 с.
33. Галеева Н.Л. Параметры художественного текста и перевод / Н.Л. Галеева. – Тверь: Тверской государственный университет, 1999. – 154 с.
34. Галеева Н.Л. Достоверность интерпретации художественного текста как предпосылка его понимания / Н.Л. Галеева // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 120–126.
35. Галеева Н.Л. Способы освоения мира западной и восточной лингвокультурами // Язык и текст в парадигмах науки и культуры / Отв. ред. Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – С. 12–19.
36. Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка. Изд.2, испр. – М.: Изд. МГУ, 2009. – 160 с.
37. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. – М.:

Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

38. Донец П.Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации / П.Н. Донец // *Вопр. языкознания*. – 2004. – № 6. – С. 93–99.
39. Донец П.Н. Перевод и межкультурная адаптация текста / Донец П.Н. // *Социокультурные проблемы перевода*. – Воронеж, 2006. – Вып. 7, ч. 1 – С. 29–39.
40. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность / Г. Егер; пер. с нем. А. Батрака // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. – М., 1978. – С. 137–156.
41. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев.; пер. с англ. Ю.К. Лекомцева // *Новое в лингвистике*. – М., 1960. – Вып. I. – С. 264–389.
42. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.
43. Ермолович Д.И. Основания переводческой ономастики. Автореф. дис. докт. филол. наук. – М.: Р.Валент, 2005. – 48 с.
44. Есперсен О. Философия грамматики [Текст] / О.Есперсен. – М.: УРСС, 1958. – 400 с.
45. Есперсен О. Философия грамматики / Пер. с англ. В.В. Пассека и СП. Сафроновой. Изд-е 2. М.: УРСС, 2002. – 404 с.
46. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избр. тр. / Залевская А.А. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
47. Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. Учебное пособие. Л.: изд-во ЛГУ, 1985. – 95 с.
48. Иванова Н.А. Сопоставительно-типологический анализ безэквивалентной лексики (На материале русского, немецкого и французского языков): Дис. канд. филол. наук: 10.02.20: М.: МГОУ, 2004. – 258 с.
49. Каде О. К вопросу о предмете лингвистической теории перевода / О. Каде // *Тетради переводчика*. – М.: Издательство литературы на ино-

- странных языках, 1979. – Вып. 16. – С. 3–11.
50. Калинин И.В. Концептуальные (теоретические) основы французского и канадского франкофонного переводоведения / Калинин И.В. // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. – М.: МГЛУ, 1999. – Вып. 444. – С. 55–68.
 51. Карасёва Ю.А. Художественный текст как источник национально-культурной информации и выразитель национальной ментальности (на материале произведений художественной литературы стран Андской культурно-исторической зоны). Автореф. Дис. канд. филол. наук: 10.02.05. М.: Рос.ун-т дружбы народов, 2012. – 24 с.
 52. Карпенко Ю.А. Теоретические основания разграничения собственных и нарицательных имен // Монографство. Киев: Киевск.гос.ун-т, 1975. №4. С. 38–39.
 53. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // ФН. Одесса: Одесск.гос.ун-т, 1986. – № 4. – С. 36.
 54. Карасик В.И. Язык социального статуса, М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 С.
 55. Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // ВЯ. 1987. № 3. – С. 8.
 56. Клюканов И.Э. Основные модели перевода / И.Э. Клюканов. – Калинин: КГУ, 1998. – 52 с.
 57. Колмакова Н. Л. Семантические и коммуникативно-функциональные особенности имен собственных в современном английском языке. Дисс. канд. филол. наук. – Киев: Киевск.гос.ун-т, 1988. – С. 18.
 58. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых : учеб. пособие / Комиссаров В.Н. – М.: ЧеРо, 1999. – 134 с.
 59. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты / Комиссаров В.Н. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
 60. Кондакова И.А. Образные средства, содержащие топонимы, в англ-

- лийском языке, Автореф. дис. канд. филол. наук. Киров: Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2004. – 24 с.
61. Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение. http://www.classes.ru/grammar/166.new-in-linguistics-25/source/worddocuments/_4.htm
62. Красных В.В. Этнопсихология и лингвокультурология. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
63. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
64. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: [монография] [Текст] / И.В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 360 с.
65. Кубрякова Е. С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура: Мат-лы IV международной научной конференции 16–18 апреля 2003 г. / Отв. Ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина. С. 32–34.
66. Кудряшов В.С. Семантико-прагматический аспект перевода реалий / Кудряшов В.С. // Тетради переводчика. – М.: Междунар.отнош., 1989. – Вып. 23. – С. 40–48.
67. Кузнецов В.Г. Реалии советской действительности и способы их перевода на французский язык / Кузнецов В.Г. // Иностр. яз. в шк. – М.: Высш.шк., 1982. – № 1. – С. 9–13.
68. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. М.: Из-во иностр. лит-ры, 1962. С. 251–266.
69. Курилович Е. Положение имени собственного в языке / пер. с франц. // Курилович Е. Очерки по лингвистике. Биробиджан: Тривиум, 2000. – С. 251–266.
70. Кэтфорд Дж. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / Под общ. ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 91–113.

71. Латышев Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания : учеб. пособие / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М.: АСАДЕМА, 2003. – 192 с.
72. Лебедева Е.А. О некоторых особенностях перевода имен собственных в художественном тексте //Язык. Дискурс. Текст. 2-я Международная конференция. Труды и материалы. Ростов н/Д: РГПУ, 2005. – С. 158–159.
73. Лучинина Е.Н. Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Тверской государственный университет. Критика и семиотика. Вып. 7, 2004. – С. 238–243.
74. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Издательство Уральского университет, 1990. – 172 с.
75. Медведева Н. В. Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых). Дис. канд. дисс. – Пермь, 1999. – 257 с.
76. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: пер. с англ. 2-е изд. М.: Политиздат., 1914. – 38 с.
77. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Готика, 1999. – 176 с.
78. Моисеева С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. - Белгород: Белгород, гос. ун-т, 2003. – 207 с.
79. Монтень М. Опыты. Перевод А.С.Бобовича и др. М.: Голос, 1992. <http://psylib.org.ua/books/monte01/>
80. Мурзин Л.Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах // COLLEGIUM. – 1997. – № 1. – С. 8.
81. Найда Ю.А. К науке переводить: принципы соответствий / Ю.А. Найда; пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Междунар. отнош., 1978. – С. 114–136.
82. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации

- [Текст] / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург: УрГПУ. – 2007. – 207 с.
83. Ненашева Т.А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени: монография / Т.А. Ненашева. – Н. Новгород, 2012. – 153 с.
84. Ничипорович Е. А. Константы культуры в повседневном интернациональном общении // Межкультурная коммуникация и перевод: Мат-лы межвуз. конф. М.: МОСУ, 2002. С. 101–104.
85. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт; пер. с нем. А. Батрака // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 185-201.
86. Пас О. Аналогия и ирония (эссе) // Мосты, Франкфурт на Майне, 2005, № 5. – С. 326–340.
87. Петрова О.В. Сырные пирожные в овощном саду, или что у нас происходит на рынке переводческих услуг / О.В. Петрова // Перевод, лингвистика и межкультурная коммуникация. – Н. Новгород, 2005. – С. 47–53.
88. Поветьева Е.В. Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе. Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград: Московский городской педагогический университет, 2014. – 24 с.
89. Подольская Н.В, Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания, 1990, ЛзЗ, С. 40–53.
90. Попова З.Д. Понятие концепт в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1999. – 30 с.
91. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
92. Потураева Л. В., Русакова А. В. Ономастические реалии в переводе. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина.
http://www.confcontact.com/2014_04_25edu/57_Poturaeva.htm
93. Прядко С. Б.. Язык и Культура: культурный компонент значения в

- лингвокультурологической лексике австралийского варианта английского языка: На материале аборигенных заимствований: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 Москва, 1999. – 168 с.
94. Рапопорт Н.В. Лингвокультурологический концепт «Французская национальная личность»: На материале афористики. Дис. канд. филол. наук, 10.02.19. – Уфа. – 1999. – 226 с.
95. Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Ростов-на-Дону: Пед. ин-т Южного федер. ун-та, 2007. – 156 с.
96. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник / А.А. Реформатский. – 4-е изд., испр. и доп. – М.; Аспект Пресс, 1967. – 536 с.
97. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2000. – 537 с.
98. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Валент, 2007. – 244 с.
99. Родосский А.В. Иноязычные имена собственные в португальском тексте / А.В. Родосский // Материалы XXXIV Международной филологической конференции, 14-19 марта 2005 г. – СПб., 2005. – Вып. 2: Актуальные проблемы переводоведения: Практические аспекты переводоведения. Проблемы художественного перевода. – С. 57–60.
100. Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика/А.В. Рудакова. – Воронеж: «Истоки», 2004. – 80 с.
101. Руденко Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания, 1988, №3, С. 55-68.
102. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 381 с.
103. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. // Ю.А. Рылов. – Воронеж, 2003. – 272 с.
104. Садиков А.В. Проблема перевода советских реалий в ее прагматическом аспекте / А.В. Садиков // Тетради переводчика / под ред. Л.С. Бархударова. – М., 1984. – Вып. 21. – С. 77–89.

105. Самохина И.А. Интерпретационный потенциал культурно-исторических реалий в разных видах перевода художественного текста: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20. / Самохина Ирина Анатольевна. – Тверь, 2012. – С. 9.
106. Сапожникова Л.М. Вопросы ономастики // Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных имён собственных (на материале немецкого языка). Тверь, 2010. № 1 (18). – С. 115–118.
107. Сапожникова Л. М. Функционально-семантическая классификация собственных имён // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2015. № 2. – С. 115–121.
108. Серебренников Б.А. Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. – 358 с.
109. Смольников С.Н. Функциональные аспекты исторической антропониимики (на материале деловой письменности Русского Севера XV1-XV11 вв.), Автореф. дис. докт. филол. наук. СПб, 2005. – 38 с.
110. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: Методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. научных трудов. Калинин, 1983. – С. 35–52.
111. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику : учеб. пособие / Сорокин Ю.А. ; под ред. С.А. Борисовой. - Ульяновск: Ульяновск, гос. ун-т, 1998.-138 с.
112. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры / Ю.А. Сорокин. - М. : Гнозис, 2003. – 160 с.
113. Сорокин Ю.А. Почему живут и умирают книги?: (библиопсихологические и этнокультурологические сюжеты) / Сорокин Ю.А. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999. – 159 с.
114. Сталтманс В.Э. Ономастическая лексикография. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – С.5–15.

115. Степанов Ю.С. Французская стилистика: (в сравнении с русской): учеб. пособие / Ю.С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
116. Степанов Ю.С. Константы мировой культуры: алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия / Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. – М.: Наука, 1993. – 158 с.
117. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
118. Суперанская А.В. Что такое топонимика?. – М.: Наука, 1984. – 182 с.
119. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
120. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. – 334 с.
121. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов - знаков-микротекстов / В.Н.Телия // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д.Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.674–684.
122. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
123. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы: пособие по страноведению / Томахин Г.Д. – М.: Высш. шк., 1988. – 240 с.
124. Уляшева О. Я. Значение определенности–неопределенности у имён собственных в системе языка и в речи // Функционально-семантический аспект единиц русского языка (Межвуз. сб. научных статей). Памяти д. фил. н., проф. Лилии Дмитриевны Чесноковой посвящается. – Таганрог, 2001. – С. 65–69.
125. Уорф Б.Л. Наука и языкознание: (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующей систему естественной логики, и о том, как

- слова и обычаи влияют на мышление) / Уорф Б.Л. // Новое в лингвистике. – М., 1960. – Вып. I. – С. 169–182.
126. Успенский Б.А. Избранные труды, том 2. Язык и культура. – М.: Издательство «Гнозис», 1994. – 688 с.
127. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. – С. 156.
128. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. – 240 с.
129. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода: (лингвистические проблемы) / Фёдоров А.В. – М.: Высш. шк., 2002. – 416 с.
130. Фененко Н.А. Диалектика универсального и специфического в переводе / Фененко Н.А. // Вестн. Воронеж, гос. ун-та. Сер. Гуманитар, науки. – 2006. – №2. – С. 73–85.
131. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка / Фененко Н.А.; под ред. А.А. Кретьова. – Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 2001. – 140 с.
132. Ферс Д.Р. Лингвистический анализ и перевод / Д.Р. Ферс; пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 25–35.
133. Фесенко Т.А. Креативные модели мышления и перевод / Т.А. Фесенко // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005. – С. 466–476.
134. Фесенко Т.А. Перевод в зеркале когнитивной науки / Т.А. Фесенко // С любовью к языку. – М.; Воронеж, 2002. – С. 65–71.
135. Фесенко Т.А. Перевод - когнитивная игра? / Т.А. Фесенко // Языки и транснациональные проблемы. – М.; Тамбов, 2004 а. – С. 28–38.
136. Фесенко Т.А. Этнокультурная концептуализация мира и перевод / Т.А. Фесенко // Взаимопонимание в диалоге культур : условия успешности : в 2 ч. / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой-Воронеж, 2004 б. – Ч. 2. – С. 92–103.
137. Фёдоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971. – 195 с.
138. Флейшер Е.А. Основы прецедентности шимени собственного. Автореф.

дис.. канд. филол. наук. СПб.: ООО «Издательство «Лема». 2014. – 24 с.

139. Флорин С. Муки переводческие. М.: Высшая школа, 1983. – 334 С.
140. Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления : пер. с нем. / М Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
141. Хайруллин В.И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода. Автореф. дис. докт. филол. наук, М.: МПУ, 1995. – 44 с.
142. Чарычанская И.В. Перевод реалий системы образования России конца XIX в. на английский и французские языки: (на материале рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой») / И.В. Чарычанская // Социокультурные проблемы перевода-Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – Вып. 6. – С. 234–241.
143. Цепков И.В. Лингвокультурологические и прагматические факторы перевода терминов-реалий. Автореф. дис. канд. филол. наук / 10.02.20 / М.: МГЛУ, 1995. – 30 с.
144. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М.: Просвещение, 1967. – 192 с.
145. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: (газетно-информационный и военно-публицистический перевод) / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
146. Эко У. Опыты о переводе. Сказать почти то же самое / У.Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с.
147. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода / Р. Якобсон ; пер. с англ. Л. Черняховской // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 16–24.
148. Якобсон Р.О. Избранные работы М.: Прогресс, 1985. – 460 с.
149. Ammour E. La Revision comme outil de reflexion en traduction / Ammour E. // Identite, alterite, equivalence? : La traduction comme relation. - P., 2002.-P. 55-83.
150. Ballard M. La traduction du nom propre comme negotiation / Ballard M. //

- Traduire la culture / Institut du monde anglophone; Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français. – P., 1998. – P. 199–225.
151. Barthes Roland. Introduction à l'analyse structurale des récits. In: Communications, 8, 1966. pp. 1–27.
 152. Bensimon P. Presentation / Bensimon P. // Traduire la culture / Institut du monde anglophone; Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français. – P., 1998. – P. 9–15.
 153. Bodrova-Gogenmos T. La traductologie russe: (theorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites: these pour obtenir le grade de docteur de l'Universite Paris III / Bodrova-Gogenmos T. – P.: Presse de la Sorbonne nouvelle KSCI, 2000. – 519 p.
 154. Bodrova-Gogenmos T. La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites: thèse pour obtenir le grade de Docteur de l'Université de Paris III, discipline, traductologie. – P.: Presse de la Sorbonne nouvelle KSCI, 2002. – 519 p.
 155. Bodrova-Gogenmos T. Les caracteristiques du texte selon M. Bakhtine et selon les auteurs de la theorie interpretative de la traduction // Bodrova-Gogenmos T. – P.: Presse de la Sorbonne nouvelle KSCI, 2005. – 36 p.
 156. Cachin M.-F. «C'est loin l'Amérique?» ou la traduction transatlantique / Cachin M.-F. // Traduire la culture / Institut du monde anglophone; Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français. – P., 1998. – P. 83–95.
 157. Catach-Rosier. La parole comme acte: sur la grammaire et la sémantique au XIIIe siècle, Paris, Vrin, coll. "Sic et non", 1998. – p. 360.
 158. Chesterman A. La Traductologie: theorie de rlations traductionnelles // Chesterman A. // Identite, alterite, equivalence? : La traduction comme relation. – P., 2002. – P. 35–55.
 159. Chiss J.-L., Puech C. La linguistique comme discipline en France // Langue française. – № 117, Paris: Larousse. – 1998. – P. 15.

160. Cormier M. La notion de liberté dans l'apprentissage de la traduction / M. Cormier // La liberté en traduction: actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 7,8 et 9 juin 1990. – P., 1991. – P. 83–93.
161. Darbelnet J., Vinay J.-P. Stylistique comparée du français et de l'anglais, méthode de traduction. Didier. 1969. – 241 p.
162. Dejean le Feal K. La liberté en interpretation / K. Dejean le Feal // La liberté en traduction: actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 7, 8 et 9 juin 1990. – P., 1991 – P. 211–218 (–2000. – p. 34–35).
163. Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction. Initiation à la traduction française de textes pragmatiques anglais. Théorie et pratique, PUO, coll. « Cahiers de traductologie ». – № 2. – 282 p.
164. Delisle J. Au cœur du dialogue canadien, Croissance et évolution du Bureau des traductions du gouvernement canadien (1934-1984), Ottawa, min. des Approvisionnements et Services, 1984. – 77 p.
165. Durieux Ch. Liberté et créativité en traduction technique / Ch. Durieux // La liberté en traduction: actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 7, 8 et 9 juin 1990. – P., 1991. – P. 169–178.
166. Gardiner A. The Theory of Proper Names. London; New York; Toronto; Oxford Univ. Press, 1954. 76 p.
167. Gouanvic J.-M. Les enjeux de la traduction dans le champs littéraire: le roman américain traduit dans l'espace culturel français au lendemain de la Seconde Guerre mondiale / Gouanvic J.-M. // Traduire la culture / Institut du monde anglophone. Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français. – P., 1998. – P. 95–107.
168. Grevisse M. Description linguistique en toponymie contrastive dans une base de données multilingue.
<http://09.edel.univ-poitiers.fr/corela/index.php?id=1167>
169. Grunig Blanche. Les mots de la publicité. L'architecture du slogan, Paris, CNRS Éditions. – 1998. – 248 p.

170. Herbulot F. Choix des moyens, obligation de resultats / F. Herbulot // La liberté en traduction: actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 7, 8 et 9 juin 1990. – P., 1991. – P. 99–108.
171. Husserl E, Logische Untersuchungen, Bd 2. Tl. 1: Untersuchungen zur Phanomenologie und Theorie der Erkenntnis. 2. Aufl Halle / Saale, 1913, S. P. 45–68.
172. Kerbrat–Oracchioni C. Approche interactionnelle et structure des conversations. Vol. 1. Armand Colin, 1998. P. 147–152.
173. Koutsivitis V. La traduction juridique, liberté et contraintes / Koutsivitis V. // La liberté en traduction: actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 7, 8 et 9 juin 1990. – P., 1991. – P. 139–150.
174. Ladmiral J.-R. Le prisme interculturel de la traduction / Ladmiral J.-R. // Traduire la culture / Institut du monde anglophone. Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français. – P., 1998. – P. 15–31.
175. Laplace C L'Interprète, nocher des temps modernes / Laplace C // Identite, alterite, equivalence?: La traduction comme relation. – P., 2002. – P. 189–221.
176. Leclercq G. Quand la forme fait (le) sens pour l'un et l'autre? / Leclercq G. // Identité, altérité, équivalence?: La traduction comme relation. – P., 2002. – P. 239–259.
177. Lederer M. La traduction simultanée: expérience et théorie. Lettres modernes, 1981. – 454 p.
178. Lederer M. La traduction aujourd'hui: Le modele interpretatif / M. Lederer. – P.: Hachette-Livre, 1994. – 224 p.
179. Lederer M. Traduire le culturel: la problematique de l'explicitation / Lederer M. // Traduire la culture / Institut du monde anglophone. Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français. – P., 1998. – P. 161–173.
180. Lederer M. Correspondance et equivalences: faits de langue et faits de discours

- en traduction / Lederer M. // Identité, altérité, équivalence?: La traduction comme relation. – P., 2002. – P. 17–35.
181. Lederer M. La liberté en traduction: actes du colloque international tenu à l'ESIT les 7, 8 et 9 juin, Paris. – 2004. – 16 p.
182. Mill J. St. Theory of meaning. Prentis – Hall, 1970. 211 P.
183. Molinié G. Sémiostylistique. L'Effet de l'art, PUF, "Formes sémiotiques", 1998. – 284 p.
184. Moser B. Situation Models: the Cognitive Relation between Interpreter, Speaker and Audience / Moser B. // Identité, altérité, équivalence?: La traduction comme relation. – P., 2002. – P. 163–189.
185. Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction Paris éd Gallimard Bibliothèque des Idées 1963. – 296 p.
186. Nida E.A. Allocution inaugurale: language and culture, two interrelated symbolic systems / Nida E.A. // Identité, altérité, équivalence?: La traduction comme relation. – P., 2002. – P. 7–17.
187. Richard J.-P. Traduire l'ignorance culturelle / Richard J.-P. // Traduire la culture / Institut du monde anglophone. Centre de recherche en traduction et communication transculturelle anglais-français. – P., 1998. – P. 151–161.
188. Seleskovitch D. De la pratique de rinterprétation a la traductologie / Seleskovitch D. // La liberté en traduction: actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 7, 8 et 9 juin 1990. – P., 1991. – P. 289–298.
189. Seleskovitch D. Interpréter pour traduire // Seleskovitch D., Lederer M. – P.: Didier Erudition, 1984. – 316 p.
190. Seleskovitch D. Pédagogie raisonnée de l'interprétation (2-e éd.) // Seleskovitch D., Lederer M. – P.: Didier Erudition, 2002. – 316 p.
191. Setton R. Traductologie et theorie de la pertinence / Setton R. // Identité, altérité, équivalence?: La traduction comme relation. – P., 2002. – P. 97–117.
192. Thiery Ch. Sans liberté, point de fidélité; sans contrainte, point de liberté / Thiery Ch. // La liberté en traduction: actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 7, 8 et 9 juin 1990. – P., 1991. – P. 231–237.

193. Todorov T. Mikhail Bakhtine. Le principe dialogique / T. Todorov. – Paris: Editions du seuil, 1981. – 316 p.
194. Tran M., Maurel D., Savary A. Implantation d'un tri lexical respectant la particularité des noms propres, *Linguisticae Investigationes*, XXVIII-2. 2005. – 24 p.
195. Vaxelaire Jean-Louis. Nom propre et lexicographie française. CIEL, Université Paris 7, 2007. – P. 7.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

196. Библиотека Digital Books. <http://hlib.webvo.ru/lib/book.php?book=86>
197. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 686 с.
198. Махонина А.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики : существительное / Махонина А.А., Стернина М.А. – Воронеж : Истоки, 2006. – 305 с.
199. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская / Ин-т языкознания АН СССР. М.: Наука, 1978. – 200 с.
200. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.
<http://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/?q=484>
201. Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н.Ю./ в 2-х томах. – М.: Наука, 1980. – 1509 с.
202. Dictionnaire de linguistique / Dubois J., Giacomo L., Guespin L., Marcellesi Ch., Marcellesi, Mevel J.-P. – P.: Librairie Larousse, 1973. – 516 p.
203. Ducrot O. Dictionnaire encyclopedique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – P.: Editions du Seuil, 1972. – 480 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

204. Аввакум П. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и коммент. Н. С. Демковой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 384 с.
205. Акунин Б. Пелагея и чёрный монах.
http://modernlib.ru/books/akunin_boris/pelageya_i_cherniy_monah/read/
206. Бальзак О. Гобсек. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1977. – 63 с.
207. Гоголь Н. В. Мёртвые души.
http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0140.shtml
208. Леблан М. Сочинения: В 3 т. Т. 3: Остров Тридцати Гробов; Графиня Калиостро: Романы; Необычайные приключения Арсена Люпена: Рассказы. Пер. с фр.; Сост. Т.Прокопов. – М.: ТЕРРА, 1996. – 672 с.
209. Лесков Н.С. Леди Макбет Мценского уезда. – СПб.: Азбука. – 2014. – 456 с.
210. Мольер Ж.-Б. Тартюф, или Обманщик, т. 1. / пер. с фр. М. Л. Лозинского. – М., 1957. – 127 с.
211. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. – Т. 2. – 535 с.
212. Перро Ш. Золушка // Пропп В. Я. Русская сказка. Л.: ЛГУ, 1984. Гл. III. Волшебные сказки. С.231–232.
213. Перро Ш. Волшебные сказки / перевод И. С. Тургеневой; М. Петровского; Т. Габбе. – М.: Терра, 1996. – 465 с.
214. Рабле Фр. Гаргантюа и Пантагрюэль – Книга 1 / пер. с фр. Любимова Н.М. – М.: Гослитиздат. – 1961. – 731 с.
215. Роллан Р. Кола Брюньон.
http://royallib.com/book/rollan_romen/kola_bryunon.html
216. Фонвизин Д.И. Недоросль. <http://ilibrary.ru/text/1098/p.1/index.html>
217. Французская повесть: 70-е годы: сб. / сост. Н.Ф. Ржевская. – М.: Радуга,

1982. – 360 с.
218. Французские сказки: пер. с франц. / сост. и послесл. А.Л. Налетина. – М.: Правда, 1988. – 184 с.
219. Afanassiev A. Les contes populaires russes / Afanassiev A.; trad. et notes pour L. Gruel-Apert. – P.: Editions Maisonneuve et Larose, 1990. – Т. 2. – 211 p.
220. Akounine B. Pélagie et le moine noir / traduit du russe par Alexandre Karvovski et Odette Chevalot, Paris: Presse de la cite, 2006. – 477 p.
221. Avvakum. La vie de l'archiprêtre Avvakum écrite par lui-même // traduit par Pascal P. Paris: Gallimard. – 1938. – 40 p.
222. Balzac Honoré de. Œuvres diverses, t. 1 / Edition de Pierre-Georges Castex, Roland Chollet, René Guise et Nicole Mozet / Paris, Gallimard, coll. « Pléiade » (n° 364), 1990. – 1904 p.
223. Gogol M. Les âmes mortes. <http://bibliotheque-russe-et-slave.com/Livres/Gogol%20-%20Les%20Ames%20mortes.htm>
224. Fonvizine D. Le dadais ou l'enfant gâté. artgitato.com/denis-fonvizine-le-dadais/#respond
225. Leblanc, M. La Comtesse de Cagliostro. http://www.ebooksgratuits.com/pdf/leblanc_comtesse_cagliostro.pdf
226. Leskov N. Lady Macbeth au village // traduit par Boris de Schloezer / Paris: Gallimard, 1939. – 389 p.
227. Leskov N. Le vagabond ensorcelé et d'autres nouvelles // traduit par Georges Arout / Paris: Editions du Salève, 1970. – 321 p.
228. Leskov N. Le gaucher et d'autres récits // traduit par Catherine Géry / Suisse, Lausanne: Editions L'Age d'Homme, 2002. – 371 p.
229. Molière J.-B. Œuvres complètes, t. 1 / Edition par Georges Couton / Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque de la Pléiade » (n° 8), 1971. – 1414 p.
230. Perrault Ch. Histoires ou Contes du temps passé. Édition Claude Barbin. https://fr.wikisource.org/wiki/Histoires_ou_Contes_du_temps_pass%C3%

[A9 %281697%29](#)

231. Rabelais Fr. Gargantua – Pantagruel: en deux tomes / préf. Jean Vagne, avant-propos et édition scientifique de François Ruchon, Lausanne, Éditions Rencontre, 1532. – 1216 p (602 et 614 p.)
232. Rolland R. Colas Breugnon.
http://www.bouquineux.com/index.php?telecharger=2677&Rolland-Colas_Breugnon

Правила регулярной практической транскрипции (транслитерации) ОР с французского языка на русский¹

Буква, буквосочетание	Примечание	Передача	Примеры
a, à, â		а	<i>Adam</i> → <i>Адан</i>
а	после gn или неслогового i	я	<i>Cognac</i> → <i>Коньяк</i> <i>Liart</i> → <i>Льяр</i>
	после ll или y , произносимых как [j]	я или я	<i>Bayard</i> → <i>Байяр</i> или <i>Байар</i> <i>Chaillac</i> → <i>Шайак</i> <i>Troyat</i> → <i>Труайа</i>
ai	в начале слова и после гласной	э	<i>Air France</i> → « <i>Эр Франс</i> »
	после согласной и i	е	<i>Calais</i> → <i>Кале</i> <i>Saint-Nazaire</i> → <i>Сен-Назер</i> <i>Épiais</i> → <i>Энье</i>
ail	в конце слова	ай	<i>Raspail</i> → <i>Распай</i>
aill, aille		ай	<i>Chaillac</i> → <i>Шайак</i> <i>Chénérailles</i> → <i>Шенерай</i>
aim, ain	в начале слова перед согласными (кроме губных)	эн	<i>Ain</i> → <i>Эн</i> <i>Aincourt</i> → <i>Энкур</i> <i>Aingoulaincourt</i> → <i>Энгуленкур</i>
	перед b, p	эм	
	в других позициях	ен	<i>Saintes</i> → <i>Сент</i>
am	перед согласными (кроме губных); на конце слова (если m обозначает носовое произношение гласной)	ан	<i>Adam</i> → <i>Адан</i>
	перед b, p	ам	<i>Ambroise</i> → <i>Амбруаз</i>
au		о	<i>Artaud</i> → <i>Арто</i>

¹ Приложение составлено согласно Ермоловичу Д.И. [2001: 181–187], инструкции ГУГК (1975), Гиляревскому Р.С. и Старостину Б. А (1985).

			<i>Claude</i> → <i>Клод</i>
ay	в начале слова и после гласной или немого h	э	<i>Aymé</i> → <i>Эме</i>
	после согласной и i	е, иногда ей	<i>Du Bellay</i> → <i>Дю Белле</i> <i>Bruliauy</i> → <i>Брюлье</i> <i>Raunay</i> → <i>Рейналь</i>
	в зависимости от произношения; при отсутствии фонетических источников Инструкция ГУГК рекомендует передавать: ay — е, aye — ай, ays — еи	ай	<i>Layon</i> → <i>Лайон</i>
		аи	<i>Ay</i> → <i>Au</i>
		еи	<i>Pays de Bray</i> → <i>Пеи-де-Бре</i> <i>Abbaye</i> → <i>Аббеи</i>
b		б	<i>Bateau-lavoir</i> → <i>Бато-Лавуар</i>
c	перед a, o, u , согласными и на конце слова	к	<i>Camus</i> → <i>Камю</i>
	перед e, i, y	с	<i>Francis</i> → <i>Франсис</i>
	на конце слова после n	не передаётся	<i>Mont-Blanc</i> → <i>Монблан</i>
ç		с	<i>Besançon</i> → <i>Безансон</i>
cc	перед a, o, u и согласными	кк	<i>Accord</i> → <i>Аккор</i>
	перед e, i, y	кс	<i>Occidental</i> → <i>Оксиданталь</i>
ch	в начале и середине слова перед гласными	ш	<i>Charles</i> → <i>Шарль</i>
	в начале и середине слова перед согласными	к	<i>Christiane</i> → <i>Кристиан</i>
	в конце слова — в зависимости от произношения	к, ш	<i>Auch</i> → <i>Ош</i> <i>Bloch</i> → <i>Блок</i>
ck, cqu		к	<i>Jacques</i> → <i>Жак</i>
ct, cts	в конце неодносложного слова	не передаётся	<i>Aspects de la France</i> → « <i>Аспе де ла Франс</i> »

d		д	<i>Bordeaux</i> → <i>Бордо</i>
	в конце слова (немое)	не передаётся	<i>Gounod</i> → <i>Гуно</i> <i>Richard</i> → <i>Ришар</i>
de, des	служебные слова	де	
e	в конце слова (где имеются другие гласные); в окончании -es ; между гласной и согласной (немой)	не передаётся	<i>Angoulême</i> → <i>Ангулем</i> <i>Charles</i> → <i>Шарль</i> <i>Jacques</i> → <i>Жак</i>
	в конце части сложного слова (если далее не следуют сочетания -rieu, -lieu, -rier, -lier и если на стыке частей в русской передаче не образуется стечения трёх согласных)	не передаётся	<i>Villedieu</i> → <i>Вильдьё</i> <i>Rochefort</i> → <i>Рошфор</i>
	в начале слова и после гласной (кроме i)	э	<i>Edmond</i> → <i>Эдмон</i> <i>Ouest</i> → <i>Уэст</i>
	в остальных случаях	е	<i>René</i> → <i>Рене</i> <i>Brienon</i> → <i>Бриенон</i> <i>Richelieu</i> → <i>Ришельё</i>
é	в начале слова и после гласной	э	<i>Écomtois</i> → <i>Экомтуа</i>
	после согласной	е	<i>René</i> → <i>Рене</i>
ë	обычно (см. также oë)	э	<i>Citroën</i> → « <i>Ситроэн</i> »
è, ê		е	<i>Fougères</i> → <i>Фужер</i> <i>Dépêche</i> → <i>Депеш</i>
eau		о	<i>Bordeaux</i> → <i>Бордо</i>
ei, eî	в начале слова	э	
	после согласной	е	<i>Beine</i> → <i>Бен</i>
eil, eille	в конце слова	ей	<i>Aureille</i> → <i>Орей</i>
ein		эн	
em	перед произносимыми b, p	ам	<i>Ouestembert</i> → <i>Уэстамбер</i>
	перед прочими соглас-	ан	<i>Notre Temps</i> →

	ными (включая непро- износимые на конце слова)		« <i>Нотр Тан</i> »
	в начале слова перед гласной	эм	<i>Emile</i> → <i>Эмиль</i>
	в остальных случаях	ем	<i>Château d'Yquem</i> → <i>Шато д'Икем</i> <i>Inghem</i> → <i>Энгем</i>
en	перед согласной	ан	<i>Aleçon</i> → <i>Алансон</i>
	после сочетания «со- гласный + i »	ян	<i>Lorient</i> → <i>Лорьян</i> <i>Science et Vie</i> → « <i>Сьянс э Ви</i> »
	после сочетания «со- гласный + i » в конце слова	ен	<i>Parisien</i> → « <i>Па- ризьен</i> » <i>Lucien</i> → <i>Люсьен</i>
	в начале слова перед гласной	эн	
	в конце слова	ен(эн) или ан	<i>Agen</i> → <i>Ажен</i>
	в остальных случаях	ен	
eu, eû	в начале слова и после гласной	э	<i>Eugène</i> → <i>Эжен</i>
	после согласной	ё	<i>Le Peuple</i> → « <i>Пёпль</i> »
	после сочетания «со- гласный + i » (кроме li , lii , произносимых как [j])	ье	<i>Amberieux</i> → <i>Ам- берье</i>
euil	в конце слова	ёй	<i>Verneuil</i> → <i>Вернёй</i>
ey	в начале слова, после гласной (кроме i) или немого h	э	<i>Eymoutiers</i> → <i>Эму- тье</i>
	после согласной или i	е	<i>Aveyron</i> → <i>Аверон</i>
	перед гласной	ей	<i>Pleyel</i> → <i>Плейель</i>
f		ф	<i>Foucault</i> → <i>Фуко</i>
g	перед a, o, u , согласны- ми (кроме n) и на конце слова	г	<i>Auguste</i> → <i>Огюст</i>
	перед e, i, y	ж	<i>Germain</i> → <i>Жермен</i> (женское имя:

			<i>Germaine</i> → Жермена)
	в конце слова после согласных	не передаётся	<i>Cherbourg</i> → Шербур
ge	перед a, o, u	ж	<i>Georges</i> → Жорж
gg	перед a, o , согласным	г, гг	
	перед e	гж	<i>Leggewie</i> → Легжеви
gn		нь	<i>Agnesse</i> → Аньес <i>Boulogne</i> → Булонь
gu	перед e, i, y	г	<i>Guillaume</i> → Гийом <i>Guy</i> → Ги
		гю	<i>Guise</i> → Гюиз
h	не произносится (см. также сочетания с другими согласными)	не передаётся	<i>Hachette</i> → «Ашетт» <i>Humanité</i> → «Юманите» <i>Cahiers du cinéma</i> → «Каïе дю синема»
i, î, ï		и	<i>Ici Paris</i> → « Иси Пару »
i	между согласной и гласной	ь	<i>Niort</i> → Ньор
ier	после согласной в конце слова	ье	<i>Daumier</i> → Домье
	после гласной (исключая произносимые буквы)	йе	<i>Cahiers du cinéma</i> → « Каïе дю синема»
ieu	после согласной в конце слова	ье ьё	<i>Villedieu</i> → Вильдье <i>Montesquieu</i> → Монтескьё
il	после гласной	й	<i>Soleil</i> → Солей
ill	между произносимыми гласными	й	<i>Rambouiller</i> → Рамбуйе
	между согласной и произносимой гласной	ий	<i>Tilly</i> → Тийи <i>Villon</i> → Вийон бывают традиционные исключения:

			<i>Chillon</i> → <i>Шильон</i>
	в ряде случаев после m , v (в соответствии с произношением)	илл	<i>Viller</i> → <i>Виллер</i>
ille	после гласной в конце слова или части составного наименования	й	<i>Aureille</i> → <i>Орей</i>
	в ряде случаев после m , v (в соответствии с произношением, иногда традиционно)	иль	<i>Camille</i> → <i>Камиль</i> <i>Villeneuve</i> → <i>Вильнёв</i>
im	перед гласной или m	им	<i>Image</i> → <i>Имаж</i>
	перед согласной (кроме m)	эн	
	между согласными	ем	
	перед b , p	эм	<i>Imphy</i> → <i>Эмфи</i>
in	перед гласной (в том числе немым e) или n	ин	<i>Pantine</i> → <i>Пантин</i>
	в начале слова перед согласной (кроме m)	эн	<i>Ingres</i> → <i>Энгр</i>
	в середине слова перед согласной (кроме m) и в конце слова	ен	<i>Romorantin</i> → <i>Роморантен</i> <i>Michelin</i> → « <i>Мишлен</i> »
j		ж	
k		к	<i>Kessel</i> → <i>Кессель</i>
l	в конце слова (в том числе перед немым e) и перед согласной	ль	<i>Gilbert</i> → <i>Жильбер</i>
	в остальных случаях (см. также сочетания)	л	<i>Léon</i> → <i>Леон</i>
ld	в окончаниях -auld , -eauld , -ould	не передаётся	<i>La Rochefoucauld</i> → <i>Ларошфуко</i> <i>Arnould</i> → <i>Арну</i>
lh	после i	й	<i>Milhaud</i> → <i>Мийо</i>
	в остальных случаях	л	<i>Graulhet</i> → <i>Гроле</i>
ll	после i между гласными (если читается как [j])	й	<i>Guillaume</i> → <i>Гийом</i>

lier	после гласной кроме i	лье	<i>Montpellier</i> → <i>Монпелье</i>
lt	в окончаниях -ault, -eault, -oult	не передаётся	<i>Renault</i> → «Рено» <i>Groult</i> → <i>Гру</i>
m	перед гласной или b, p, m	м	<i>Temple</i> → <i>Тампль</i>
	перед другими согласными	н	<i>Comte</i> → <i>Комт</i>
	в конце слова после гласной	н или м	<i>Adam</i> → <i>Адан</i> <i>Riom</i> → <i>Рьом</i> <i>Inghem</i> → <i>Энгем</i>
n		н	<i>Léon</i> → <i>Леон</i>
o, ô		о	<i>Rhône</i> → <i>Рона</i>
œ, œu	в начале слова и после гласной	э	<i>Eutrange</i> → <i>Эт-ранж</i>
	после согласной	ё	<i>Sacré-Cœur</i> → <i>Сакре-Кёр</i>
oë	в зависимости от произношения	оэ, уэ, уа	<i>Citroën</i> → «Ситро-эн» <i>Plancoët</i> → <i>Планкуэт</i> <i>Voëvre</i> → <i>Буавр</i>
oi, oî, oie		уа	<i>Antoine</i> → <i>Антуан</i> <i>Foix</i> → <i>Фуа</i>
oin		уэн	<i>Pointe</i> → <i>Пуэнт</i>
om	перед гласной или b, p, m	ом	
	перед другой согласной; в конце слова (если m обозначает носовое произношение гласной)	он	<i>Comte</i> → <i>Комт</i> <i>Condom</i> → <i>Кондон</i>
ou, ouï, oû		у	<i>Louvre</i> → <i>Лувр</i>
	после gn и неслогового i	ю	<i>Lognon</i> → <i>Лонью</i>
	после ll	ю, у	
ouy	в общем случае	уа	<i>Troyes</i> → <i>Труа</i>
	перед гласными	уай	<i>Oueu</i> → <i>Уайё</i>
p	p	п	<i>Pierre</i> → <i>Пьер</i>

	в конце неодносложного слова	не передаётся	<i>Fécamp</i> → Фекан
ph		ф	<i>Philippe</i> → Филипп
qu		к	<i>Quinet</i> → Кине
que, ques	в конце слова	к	<i>Jacques</i> → Жак
r		р	<i>Renoir</i> → Ренуар
	обычно в окончаниях - cher, -ger, -ier(s)	не передаётся	<i>Roger</i> → Роже <i>Xavier</i> → Ксавье <i>Eymoutiers</i> → Эмутье
rr		рр	<i>Serrault</i> → Серро <i>Perrault</i> → Перро
s	кроме конечной позиции	с	<i>Serge</i> → Серж
	в окончаниях - ès, -is	с	<i>Alexis</i> → Алексис <i>Jaurès</i> → Жорес
	между гласными (в том числе перед немой e)	з	<i>Lavoisier</i> → Лавуазье
	в конце слова после согласных или немой e	не передаётся	<i>Jacques</i> → Жак <i>Tours</i> → Тур
sc	перед e, i, y	с	<i>Sceaux</i> → Со
	в остальных случаях	ск	<i>Scapin</i> → Скапен
sch		ш	<i>Scherer</i> → Шерер
ss		сс, с	<i>Rousseau</i> → Руссо <i>Boussenard</i> → Буссенар <i>Bresson</i> → Брессон <i>Carcassonne</i> → Каркасон
t		т	<i>Pointe</i> → Пуэнт
	в конце слов	не передаётся	<i>Daudet</i> → Доде <i>Goncourt</i> → Гонкур
tieu(x)		тье	
tion	в суффиксе	сьон	<i>Libération</i> → Либерасьон
tioux	в суффиксе	сью	<i>Jeantioux</i> → Жансью
tx	в баскских названиях	ч	
u, û	см. также сочетания au,	ю	<i>L'Humanité</i> →

	eau, gu, ou, qu		«Юманите»
ue	между c, g и il(le)	ёйль	<i>Orgueil</i> → <i>Оргёйль</i>
um	перед гласной или m	юм	<i>L'Humanité</i> → «Юманите»
	перед согласной (кроме m)	эн	
	перед b, p	ём, эм	<i>Leumbres</i> → <i>Лёмбр</i>
un	перед гласной или n	юн	<i>Lunan</i> → <i>Люнан</i> <i>Huningue</i> → <i>Юнег</i> <i>Brunnen</i> → <i>Брюннен</i>
	в начале слова, после гласных (кроме i); после немого h перед согласными (кроме n)	эн	<i>Unverre</i> → <i>Энвер</i> <i>Mehun</i> → <i>Меэн</i> <i>Hundling</i> → <i>Эндлен</i>
	в остальных случаях	ён эн	<i>Châteaudun</i> → <i>Шатодён</i> <i>Belseunce</i> → <i>Бельзёнс</i> <i>Lebrun</i> → <i>Лебрэн</i> исключения: <i>Verdun</i> → <i>Верден</i>
v, w		в	<i>Victor</i> → <i>Виктор</i> <i>Verlaine</i> → <i>Верлен</i> <i>Gwénaél</i> → <i>Гвенаэль</i> <i>Watteau</i> → <i>Ватто</i>
x	в общем случае (а также при отсутствии фонетических источников)	кс	<i>Xanrey</i> → <i>Ксанре</i> <i>Xavier</i> → <i>Ксавье</i>
		кз	<i>Saint-Exupéry</i> → <i>Сент-Экзюпери</i>
	в ряде случаев (в соответствии с произношением)	гз	<i>Exilles</i> → <i>Эгзиль</i> <i>Xaronval</i> → <i>Гзаронваль</i>
	в ряде случаев (в соответствии с произношением)	с	<i>Auxerre</i> → <i>Осер</i>
	в ряде случаев (в соответствии с произношением)	з	<i>Dixième</i> → <i>Дизьем</i>

	ветствии с произношением)		
	в окончаниях -aux, -eaux, -eux и в других случаях немой x	не передаётся	<i>Bordeaux</i> → <i>Бордо</i> <i>Exmes</i> → <i>Эм</i>
	в баскских названиях	ш	
y	в начале слова перед гласной; в середине слова между гласной и согласной; между гласными	й	<i>Yeuse</i> → <i>Йёз</i> <i>Huevr</i> → <i>Йевр</i> <i>Pleyel</i> → <i>Плейель</i>
	в начале слова перед согласной; в середине слова между двумя согласными	и	<i>Yves</i> → <i>Ив</i>
ym, yn	так же, как im, in		<i>Alyn</i> → <i>Ален</i> <i>Jamyn</i> → <i>Жамен</i>
z	в начале и середине слова	з	<i>Vierzon</i> → <i>Вьерзон</i>
	в конце слова	с, з или не передаётся	
		с	<i>Lez</i> → <i>Лес</i>
		не передаётся	<i>Éternoz</i> → <i>Этерно</i>

Словарь сокращений

- ИМПР – интерпретативная модель перевода реалии
- ИТ – исходный текст (оригинал)
- ИТП – интерпретативная теория перевода
- ИЯ – исходный язык (оригинала)
- КМПР – культурологическая модель перевода реалии
- КТП – культурологические теории перевода
- ЛЕ – лексическая единица
- ЛМПР – лингвистическая модель перевода реалии
- М. ОР – монореферентные ономастические реалии
- ЛТП – лингвистическая теория перевода
- ОР – ономастическая реалия
- П. ОР – полиреферентные ономастические реалии
- Пр. ОР – прецедентные ономастические реалии
- ПТ – текст перевода
- ПЯ – язык перевода
- ПЯ 1 – французский язык – язык перевода
- ПЯ 2 – русский язык – язык перевода
- ИЯ 1 – русский язык – язык оригинала
- ИЯ 2 – французский язык – язык перевода